

Вечно не пройдены наши пути
В вечно манящей дали!
Значит - в дорогу! Вперед, чтоб найти
И сохранить, что нашли!

Снова мечты голубой паруса
Мчат нас в счастливый туман...
Что там за птичка летит в небесах?
Видимо, сокол-сапсан!

Зная повадки зверушек и птах,
Нам угадать не впервой,
Кто это ночью кудахтал в кустах...
Филин, скорее всего!

Пусть лишь шипы достаются от роз -
Некогда нам унывать.
Кто это банку тушенки унес?
Видно, хохуля опять!

Так приближаем мы радостный час
Жизни с Природой на "ты".
Верю - оставит Природа для нас
Близость своей красоты

И прилетят по весне журавли,
Чтобы для нас танцевать.
Значит - вперед! Сохранить, что нашли,
И снова идти и искать.

Н.Соболев, ноябрь 1982 г

Помнишь, как это было? Сборник воспоминаний дружинников ДОП МГУ ТОМ 2

Помнишь, как это было?

Сборник воспоминаний дружинников
ДОП МГУ

ТОМ 2

Движение Дружин по Охране Природы
Дружина Охраны Природы биофака МГУ им. В.Н. Тихомирова

Помнишь, как это было?

(сборник воспоминаний дружинников ДОП МГУ)

Том 2

Составитель А. В. Иванов

Тула 2020

ББК 20.1

П 55

П 55 **Помнишь, как это было?** (сборник воспоминаний дружинников ДОП МГУ), том 2. / Сост. А.В. Иванов. — Тула.: Аквариус, 2020. — 352 с.

Сборник предназначен для дружинников разных лет и всех, кто интересуется охраной природы и историей её развития.

На обложке использованы фотографии из архива Забелина С.И. (Верхняя фотография: Чашниково. Июнь 1968; средняя фотография: Томкович, Поярков, Салимов, Забелин, Жуков. Виноградное. Сентябрь 1971; нижняя фотография: Кызылагачский заповедник. Январь 1968).

ISBN 978-5-6045636-4-9

© Иванов А.В., 2020

Содержание

От составителя	5
Воспоминания дружинников.....	7
Раздел 1. 1960-1969 гг.	8
Дмитриев Пётр Петрович.....	8
Трувеллер Кирилл Алексеевич	25
Черняховский Михаил Ефимович	29
Иванов Сергей Николаевич	34
Андрианова Людмила Дмитриевна	39
Авилова Ксения Всеволодовна	51
Горбачевская Наталья Леонидовна	96
Кавтарадзе Дмитрий Николаевич.....	103
Бритаев Темир Аланович	112
Раздел 2. 1970-1979 гг.	118
Воробьёв Иван Андреевич.....	118
Харитонов Сергей Павлович.....	140
Линник Виталий Григорьевич.....	145
Авданин Вадим Олегович.....	168
Мищенко Александр Леонидович.....	173
Попов Игорь Юрьевич	177
Герасимова Ольга Владимировна	180
Раздел 3. 1980-1989 гг.	188
Теплинский Сергей Георгиевич	188
Дейстфельдт Любовь Александровна	209
Берг Анита Игоревна.....	214
Потанский Владимир Георгиевич.....	220

Аксёнова Лариса Александровна.....	223
Войтехов Михаил Ярославович	229
Раздел 4. 1990-1999 гг.	232
Королёв Дмитрий Олегович.....	232
Розенфельд Софья Борисовна	236
Раздел 5. 2000-2009 гг.	242
Запара Елена Вячеславовна	242
Кольовска Алина Александровна	246
Лобанова Анастасия Денисовна	251
Обухова Александра Леонидовна.....	256
Цуканова Кристина Анатольевна.....	263
Иванов Аркадий Васильевич	271
Раздел 6. 2010-2019 гг.	285
Суслина Анастасия Геннадьевна	285
Иванова (Еремеева) Анастасия Петровна	299
Белик Анна Дмитриевна.....	312
Приложение 1. Иллюстрации к воспоминаниям	319
Приложение 2. Толковый словарь дружинника.	
Игра «Выезд». Ордена и медали	331

От составителя

Уважаемые читатели! Вот и прошло ещё десять лет жизни Дружины охраны природы МГУ им. В. Н. Тихомирова. Уже по традиции к очередному, на этот раз 60-летнему юбилею подготовлена эта книга. Она представляет собой продолжение сборника воспоминаний, выпущенного к 50-летнему юбилею¹.

В результате в двух томах собраны воспоминания более 60 участников природоохранного движения разных лет. В них в той или иной степени отражена жизнь Дружины, а она всегда характеризовалась циклическим типом развития: благоприятные периоды сменялись периодами упадка и наоборот, успехи чередовались с неудачами. Поэтому и воспоминания самые разные.

Кто-то пытается сохранить в них исторические события, разумеется, через призму своего восприятия, кто-то пытается передать опыт работы, как положительный, так и отрицательный, кто-то знакомит с атмосферой в Дружине, конкретными людьми.

Все эти части очень важны, и, я надеюсь, они вдохновят читателей на совершение новых действий для сохранения Природы!

Воспоминания расположены в хронологическом порядке от создания Дружины до современного этапа. Для удобства весь период разделён на десятилетия. В то или иное десятилетие воспоминания дружинника попадают исходя из года его попадания в Дружину.

На этот раз выпускникам Дружины предлагалось написать воспоминания без использования анкеты, и лишь ма-

¹ Помнишь, как это было? (сборник воспоминаний дружинников ДОП МГУ) / Сост. А.В. Иванов.— М., 2011.— 254 с.

От составителя

лая часть написана с её использованием. Кроме того, нет ни одного воспоминания, составленного в результате записи интервью. Это сделано для того, чтобы тексты были более цельными и продуманными. При этом такой подход резко снизил нагрузку на редакторов.

Книга предназначена для дружинников разных лет, а также для всех, кто интересуется охраной природы.

Выражаю огромную благодарность всем поучаствовавшим в сборе и обработке материалов, а также подготовке к печати, особенно К. В. Авиловой, О. В. Волковой, П. П. Дмитриеву, С. И. Забелину, А. В. Зименко, В. А. Зубакину, А. Ф. Комаровой, М. Л. Крейндлину, М. С. Крупновой, С. Б. Морозовой, Б. Ю. Руссо, Н. А. Соболеву, С. Г. Теплинскому. Отдельная благодарность всем, кто профинансировал издание книги.

У природы везде должны быть свои люди!

Аркадий Иванов

ВОСПОМИНАНИЯ ДРУЖИННИКОВ

Раздел 1. 1960–1969 гг.

Дмитриев Пётр Петрович,

старший научный сотрудник кафедры зоологии позвоночных МГУ

Дружина начала шестидесятых

ДОП биофака. Это название пришло позже. У нас в ходу было «Дружина». Дружина, содружество, ячейка друзей и борцов, вольница. Кружковцы из ВООПа² и КЮБЗа³, лесные братья, уже задолго до студенчества объехавшие, наверное, все места будущих выездов, при поступлении на факультет сразу тянулись в Дружину, где тот же настрой, те же традиции в лесном быту, в общении, в играх и песнях.

Хоть в кружках, и в том и в другом, я бывал эпизодически, вооповцы и кюбзовцы были мне близки с раннего детства. Среди них были мои друзья из нашего школьного кружка (школа № 1 в Сокольниках) под руководством учительницы биологии Веры Александровны Корчагиной: Валя Лапин, Валера Цветков, Кирилл Трувеллер. Вера Александровна работала ещё и на московской станции юннатов в Ростокино, где жила её большая семья и куда мы нередко приходили в гости. Она была не только опытным наставником юннатов, автором учебника по ботанике, но ещё и необычайно доброжелательным человеком, нашим внимательным другом, с которым можно было поговорить обо всём наболевшем. После неё мы попадали в кружки к таким же милейшим воспитателям: ППС

² Кружок юных биологов при Государственном Дарвиновском музее, называемый «ВООП» потому, что первоначально был организован при Всероссийском обществе охраны природы (ВООП).

³ Кружок юных биологов зоопарка.

(Пётр Петрович Смолин), КНБ (Константин Николаевич Благосклонов), дядя Петя (Пётр Александрович Мантейфель), Александр Петрович Кузякин (только для него, может быть, из-за его профессорского звания, у нас не было клички). К нашим наставникам тоже можно было зайти в гости попить чайку, побеседовать о жизни, познакомиться с потрясающими коллекциями гнёзд и яиц птиц, с редкими книжками.

Образы кружковцев, особо заводных мальчишек-пятиклашек, до сих пор стоят в глазах. Многие портреты менее известных мне ребят в подробностях дорисованы рассказами кюбзовки Вали Новиковой и вооповки Жени Никольской, с которыми в 1959 году я приехал работать в Алтайский заповедник. Эти девчонки, как и я, сразу после поступления на биофак пристали к Дружине, активно участвовали в выездах.

Я пришёл в Дружину в 1961 году. В первые годы имел место гендерный фактор — неудивительно: Дружина принадлежала в то время скорее к силовым органам, нежели к культурологическим. Саша Агаджанян считает, что создание ДОП в некоторой степени связано с развитием в шестидесятые годы Дружин по охране общественного порядка, и я, пожалуй, соглашусь с этим. Сейчас это невозможно представить: кто же пойдёт в помощники к «ментам»? А тогда сохранялось какое-то доверие к милиции, может быть ошибочное, и народ шёл. Многие девушки украшали наши выезды и ёлочные компании. Это Наташа Михайлова, Ольга Братцева, Вера Маркелова, Лена Поспелова — всех вспомнить, к сожалению, не могу.

Ребята подбирались боевые, азартные. Может быть, дружеская дружинная сплочённость заставляла нас быть похожими друг на друга. Когда пришло время распределяться по кафедрам, почти все дружно рванули на ихтиологию, быть

может, вслед за первым командиром Дружины Женей Сманцером. Представляли кафедру ихтиологии в Дружине многие наши ребята: Миша Грибов, Валя Лапин, Валера Цветков и Валера Максимов, Слава Кончин — да и я не удержался, только потом после летней экспедиции перебрался на зоологию позвоночных, где уже учились Саша Агаджанян, Гера Кузнецов и Сева Попов. Эти две биофаковские (их называли полевыми) кафедры, можно сказать, поначалу сформировали Дружину. Отсюда выбирались командиры Дружины, меняющиеся почти каждый год. Я был третьим командиром Дружины (с 1962 по 1963 год). В последующем стали выдвигаться в лидеры ребята с других кафедр, и не только полевых.

Выезды в лес и разные кампании Дружины привлекали к себе внимание, появлялись ребята из других факультетов и даже из других вузов. Их влекло к нам не только серьёзное дело, но и дружеская обстановка, весёлая компания, возможность знакомства с Подмосковьем. Агитационную часть мероприятий великолепно оформлял Саша Агаджанян. Его плакаты и объявления выделялись ярким новаторством, сродни художникам-авангардистам: он резкими красками на плакате выделял яркое пятно, представляющее основную идею мероприятия (хотелось бы сейчас посмотреть на те его творения). Учёба на кафедре и последующая работа среди палеонтологов заставляли его выполнять исключительно научные рисунки — какое же удовольствие он тогда испытывал, давая свободу своим талантам в том дружинном творчестве!

Первым командиром Дружины был Женя Сманцер. Наш лидер был ярким человеком: интересный внешне, представительный, активный, умеющий при желании расположить к себе собеседника. Ему, видимо, вместе с кураторами Дружины принадлежит идея создания нашего сообщества. Это

был настоящий «менеджер» (тогда этого слова ещё не знали), он устанавливал и поддерживал связи как на факультете, так и в Москве. Его знали в тогдашних чиновничьих, силовых, как сейчас бы выразились (рыбоохрана, охотинспекция, лесоохрана), и общественных кругах.

В Дружине начала шестидесятых годов было несколько групп. Выделялись «сманцера» (с ударением на последний слог). Понятно, что этот термин связан с безусловным лидером Дружины Женей Сманцером. А кто же такие сманцера? Этот термин прижился быстро, но точно определить, кто к ним относится, сложно. Легче назвать некоторые фамилии сманцеров и отвергнуть другие. Но всё-таки попробую. Это люди, близкие к лидеру, в определённой мере «свита». Она невольно формируется вокруг сильного лидера. Люди свиты любят своё божество, посему немного лебезят перед ним и обязательно, возможно, помимо воли, подражают ему поведением, манерами, голосом. Отчасти поэтому они становятся правой рукой хозяина, заместителями, помощниками... Вы, наверное, тоже поражались одинаковостью голосов и манер известных лидеров партии «Яблоко».

Вместе с явными достоинствами и общей харизмой у нашего командира, как мне казалось, начинали проявляться и нередкие для лидеров неприятные качества: явное самодовольство, высокомерие, невнимание к людям. Лидеры часто двуличны, обаятельны по отношению к нужным людям и безразличны к другим. Так называемые сманцера обликом походили на Евгения, может быть, даже гипертрофированно. Бросалась в глаза какая-то масленность лица и намёк презрительности в улыбке. Но вы всегда можете сказать, что, может быть, меня что-то обидело. Да, это моё личное мнение, и всё, может быть, было совсем не так. Но это мнение,

видимо, было не только моим, сманцеров многие в Дружине недолго любили. Впоследствии, когда большинство сманцеров отошло от дел, взаимоотношения у ребят стали спокойнее. В то же время, может быть, вместе с этим начинала снижаться общая активность Дружины, пропала какая-то доля азарта, боевитости.

Кроме сманцеров, был официальный расширенный штаб Дружины с несколькими секторами. Главнейшим был сектор борьбы с браконьерством, ведал которым Валера Максимов. Другие секторы были менее заметны. Лекторский сначала вела Наташа Азарова, потом его принял я. Научная часть поначалу не сильно себя проявляла: может быть её детищем были несколько блестящих конференций. О них расскажу чуть позже, тем более что я не помню деталей их организации.

Ещё была более тесная дружинная тусовка близких по деятельности и характеру времяпровождения ребят. Встречались у факультетской балюстрады, курили (там и тогда курить было нельзя, но как это — не курить?!), обменивались последними новостями, что было на выезде, сколько протоколов, как общались с охотинспекцией... Как будто проходило неформальное заседание штаба, формального после этого могло и не случиться. Впрочем, и на проходивших заседаниях штаба не было никакой бюрократии, в исключительных случаях заполнялся протокол по повестке дня. Ручаться в правильности отсутствия бюрократии не могу, сейчас, по крайней мере, становится жаль, что не сохранены конкретные документы нашей работы.

В начале своего существования Дружину курировало бюро комсомола, председателем которого был Саша Гендель. Саша привечал Дружину, она ему давала конкретные очки работы комсомола, определённый выход в мир. Он искренне этой

работой интересовался. Нам Саша давал ключи от комнаты бюро ВЛКСМ на втором этаже (последняя комната перед рекреацией Д). Мы частенько использовали эту комнату не по назначению: запирались и резались в карты, в кинга. Нет, не на деньги, проигранные очки преобразовывались в удары картами по носу. Удары выдавались некоторыми сманцерами профессионально с нахлестом, я к «профессионалам» не относился и бил символически. Выходили в коридор с неприлично красными носами, слава богу, я был везучим в этой игре. Вообще, наш образ жизни не способствовал учёбе, в какой-то момент я, по крайней мере, понял это. Как-то мимо проскочили химия, физика, математика. Видимо, этой же причиной объяснялось постепенное охлаждение к делам Дружины старшекурсников, надо было навёрстывать с учёбой, писать курсовые и дипломные работы. Не всё болтаться по лесам и болотам.

Главным делом Дружины в те времена была борьба с браконьерством. Осуществляли её путём выездов в леса и на водоёмы бригад дружинников очень разной численностью, иной раз до нескольких десятков человек. Многие из нас тогда имели удостоверения охотинспектора и инспектора рыбоохраны, на задержанных составляли протоколы, изымали орудия браконьерства. В рекреации пятого этажа (зоны А) нам была предоставлена отдельная комната, она быстро наполнилась рыбацкими сетями, подъёмниками, вершами и острогами разных систем и разного качества изготовления. Иногда это были шедевры самодеятельного мастерства, вызывающие у нас восхищение: складные дюралевые подъёмники, идеально отточенные устрашающие остроги (жутко представить их вонзёнными в тело рыбыны).

Было дело, что на выезды ехали узким составом, пяток или чуть больше парней, занимали в электричке купе и гор-

ланили песни. Голоса у сманцеров были мощные, со слухом тоже было нормально, песни были кружковские или блатные, малознакомые публике в электричке, окружающие поддерживали эти выступления и иной раз даже аплодировали нам.

Стою я раз на месте, держуся за карман,
И вдруг ко мне подходит
Незнакомый мне граждан.
Он говорит мне тихо — куда бы мне пройти,
Чтоб можно было лихо там время провести...
А он мне отвечает, не дале, как вчера
Последнюю малину разогнали сманцера...

Я родился где-то под забором,
Черти окрестили меня вором,
Дядька с рыжей бородою
Окропил меня водою
И назвал меня охотоведом...

И многие другие. Надо бы составить антологию этих бесшабашных песен. Не так давно песню про охотоведа мы запевали с Колей Дроздовым в перерыве одного из официальных мероприятий. Очень азартно.

Лихость наша проявлялась и в остальном: пускались в бега за нарушителями, выезжали практически во все заявленные охотинспекцией места. Вели себя вольно, когда не было молодняка, могли и ворон-вредителей пострелять (их лапки сдавали, получая баллы). Странно, что не выпивали, не было принято. Почему-то борьба с нарушителями была приоритетным направлением работы. Не понимали,

что страна нуждается в серьёзной государственной охране не только природы, но и человека, его благосостояния. Я стал понимать это тоже не сразу. Помог случай. Прочёсывали лесной квартал, кажется, в районе Вербилков, слышу шум — задержали браконьера. Подошёл: пожилой мужчина с козой на привязи, с клюшкой и с ружьём за спиной.

— Козу пасу.

— Сейчас не сезон охоты, зачем ружьё взял? Охотбилет есть?

— На всякий случай. Какой билет?

Составили протокол, забрали ружьё. Кстати, обнаружили, что один ствол забит деревянной пробкой — спасли мужика, ружьё могло бы разорвать при выстреле. Здоровые молодые мужики и старый инвалид. Справились! Тогда же на выезде единственный раз был мой брат, Виктор, на которого увиденная ситуация произвела отвратительное впечатление.

В задержании принимал участие и Вадим Николаевич Тихомиров: сурово смотрел на мужика. Это был один из основателей и кураторов Дружины, специалист по систематике растений, в будущем доктор наук, член-корреспондент АН СССР, заведующий кафедрой высших растений, директор ботанического сада МГУ, редактор журнала «Бюллетень Московского общества испытателей природы» и пр. По поведению на выездах строгий мент (тогда ещё милиционеры не вызывали у нас отрицательных эмоций), можно сказать, Дзержинский охотинспекции. В те времена он мне казался чрезмерно серьёзным, педантичным и принципиальным, может быть потому, что не приходилось общаться с ним в другой обстановке. Гораздо позже, уже после окончания учёбы в МГУ, мне довелось разглядеть в Вадиме Николаевиче прекрасные качества лектора, изумительного натуралиста, зна-

тока не только флоры, но и фауны, учителя и экскурсовода по Подмосквью. В Дружине же он мне виделся излишне принципиальным. Впрочем, у ребят, может быть у тех, кто был к нему в то время ближе, было о Вадиме Николаевиче другое, более правильное мнение. Да и не его это была вина, в нём, как и во многих из нас, играл «большевизм». Несмотря на то, что коммунистическая идеология постепенно отступала, в наших головах проявлялась та же большевистская нетерпимость. Заворожённые природоохранными идеями, мы не могли поставить себя на место другого человека, живущего где-то рядом, как будто совсем в другом мире, со своими незнакомыми нам сложнейшими заботами и трудноразрешимыми проблемами.

Вторым официальным куратором Дружины был КНБ, Константин Николаевич Благосклонов. Он меньше был знаком ребятам из Дружины, не ездил на выезды, возможно, ему претила охота на людей. КНБ в большей мере занимала история охраны природы в России со времён Петра Первого, история общества охраны природы (было тогда такое наряду со многими другими общественными организациями). Он основал и читал на кафедре зоологии позвоночных факультета спецкурс «Охрана природы» и вместе с соавторами, А. А. Иноземцевым и В. Н. Тихомировым, опубликовал первый учебник по этому курсу. КНБ был человеком словоохотливым, внимательным и откровенно доброжелательным к любому собеседнику, от школьника до академика. Я знал его с детства по популярным книжкам, а впоследствии мы с В. С. Лобачевым делили с ним один кабинет на кафедре зоологии позвоночных. КНБ переписывался с сотнями читателей его популярных книг («Птицы в неволе», десятки изданий «Охрана и привлечение птиц...») и многочисленных

статей. Он очень многим помогал и, в свою очередь, принимал от корреспондентов пожелания и советы. Бывало, общался и с заключёнными, искал для них адвокатов, вникая в проблемы чужих людей.

Я стал заниматься в Дружине преимущественно лекторской работой, хотя на выезды ездить продолжал и в других делах участие принимал. Освоить тему лекций по охране природы мне было легко. Тогда в США вышла яркая книга Рейчел Карсон «Silent Spring», которой я упивался, благо в Ленинке она была доступной. Русский перевод «Безмолвной весны» вышел в 1965 году (мне кажется, что книга сначала рассматривалась как антибуржуазная и антиамериканская, а впоследствии её распространение было ограничено или, может быть, даже запрещено). Тогда ещё работало общество «Знание», имевшее большой вес, я тоже попал в его факультетскую ячейку вместе с такими известными преподавателями, как О. Р. Кольс и Н. А. Тушмалова, перед которыми иногда не самым лучшим образом проявлял себя, сдавая сессии. Приходили заявки порой от весьма серьёзных организаций, кому-то (кандидатам и докторам) даже выплачивались приличные по тем временам гонорары. Об охране природы никто ничего не знал, ни учителя, ни чиновники. В институте усовершенствования учителей, да и в других учреждениях, слушали меня, задиристого, можно сказать обнаглевшего мальчишку, внимательно записывали за мной, заваливали вопросами. Делились соображениями по поводу пробивающихся ростков генетики, даже ябедничали на предыдущих лекторов с нашего факультета по поводу их откровенно антилысенковских и завуалированно антипавловских позиций. Я защищал, наши-то, мол, в курсе новейших тенденций.

Умудрился даже выступить на радиостанции «Маяк». Заикался, краснел, был противен себе удивительно незнакомым мне собственным голосом. Поражён был, однако, десятками писем на домашний адрес, звонками каких-то начинающих корреспондентов, откликами ближайших знакомых: даже мой таёжный спутник в Алтайском заповеднике, как выяснилось позже, сразу узнал меня, выступающим по радио (понятно, тогда и было всего два общесоюзных канала радио).

Милицейский напор, видимо, отвращал часть студентов от Дружины. Кто-то выбирал агитбригаду. В то время на факультете агитбригада была вторым по популярности общественным движением, можно сказать, в какой-то степени альтернативным Дружине. Как лектор по охране природы я тоже пришёл в неё, участвовал в костромском, псковском и немного в архангельском походах по деревням, сёлам, лесозаготовкам. Природоохранная тематика и там интересовала публику. В сельский клуб набивалось невообразимое количество народа от мала до велика. Впрочем, за неимением телевизоров односельчане были готовы заодно многими часами слушать и о Москве, и о московском университете. Не слишком опытный и отнюдь не яркий лектор мог многие часы привлекать к себе внимание благодарных слушателей. Помню, что одно такое общение в небольшой деревне длилось четыре с лишним часа (почти Фидель Кастро), и уже в первом часу ночи я на лыжах возвращался в село, в котором остановились и давали концерт наши агитбригадчики. В глухих лесах севера тогда, может быть, и не надо было охранять природу: по нынешним понятиям, она была нетронута даже рядом с крупными лесозаготовками.

«Ну да! У вас-то в Москве, да и в этой Америке, это надо!» В мыслях не могло быть, что уже при их жизни к ним повезут

городской мусор, что подует ветерок с предприятий и помоек, что их до тех пор нетронутые леса рассекут неряшливо спланированные трассы и газопроводы.

Милицейским напором отличалась и так называемая ёлочная кампания. Постоянно под Новый год организовывали дежурства на Киевском вокзале и в электричках. Несколько раз я принимал участие в ёлочной кампании, а один раз довелось быть начальником её штаба, с Владимиром Романовичем Филиным мы руководили этим процессом. Студенты с энтузиазмом задерживали везущих из-за города в Москву ёлки. Грешным делом, нам, молодым, на первых порах нравилось это занятие. Поймать, довести до штаба, составить протокол, наказать, хоть и не были мы уверены в том, что наши протоколы пускались в ход. Проявить мужество при задержании серьёзных порубщиков, срубивших особенно много ёлок. Какая-то отвага чувствовалась в этой работе. Именно тогда мы узнали, что наш сокурсник, перворазрядник по боксу в наилегчайшем весе, достоин уважения. До этого мы к нему относились отечески иронично — мол, выступает в наилегчайшем. С ним был такой эпизод. Две нежных девушки просят здорового детину представить документ на покупку ёлки, рядом с ними стоит паренёк, помельче этих девочек. Детина замахивается на него и вдруг падает навзничь на пол вагона. Оторопело выпучивает глаза: кто вдарил? Я стою вдалеке, рядом девочки нежно улыбаются, «порубщик» нашего боксёра даже в упор не замечает, поднимается и с робким видом отправляется за девочками для составления протокола.

Но потихоньку надоедало наблюдать не очень весёлых людей в предновогодние дни, в то время, когда надо бы радоваться, предвкушая праздник. Видим часто невинных жертв нашей работы, они сетуют:

— не знал, что нужен документ;
— иду с ребёнком, ребёнок попросил, я и купил;
— на даче срубил, сам выращивал несколько лет (да и видно, что это так, уж больно ровненькая и пушистая, в лесу такие не растут) и масса других оправданий. Да и откровенно жаль людей, купивших где-то на официальных базарах небраконьерские неказистые деревца.

Обсуждаем с ребятами, почему бы не обустроить плантации ёлок, отвести для этого площади в Подмосковье, зарабатывать бы на ёлках тому же государству! Ёлочная кампания кончается, и мы облегчённо вздыхаем.

Радовало то, что в эти годы Дружина не только боролась с браконьерством, но и занималась агитационной, лекторской работой, пропагандой наших идей, касающихся охраны природы. Проводились серьёзные научные конференции и дискуссии, Дружина выступала против строительства целлюлозно-бумажного комбината на Байкале, в защиту Кедрогора. Запомнилось, как на интереснейшей по накалу конференции по охране лесов (тема нашумевшая — только что вышел роман Л. Леонова «Русский лес») какой-то крупный чиновник, чуть ли не замминистра лесного хозяйства страны, заявляет, что «ради построения коммунизма мы и весь лес вырубим...» Он, кажется, так и не понял, почему был освистан возмущёнными студентами. В малой биологической аудитории некуда было яблоку упасть, когда на очередной конференции обсуждали проблемы охраны Байкала (где-то можно найти стенограмму этой конференции — я её читал, она должна была сохраниться). Какие яркие были выступления на конференциях! К сожалению, проблема Байкала и проблема сохранности наших лесов остаются до сих пор (больше чем полстолетия) неразрешёнными, опять надо

суетиться, собирать подписи, напрашиваться на аудиенции к начальству. Неужели не ясно сейчас, в двадцать первом веке, что воду, леса, почву, природные ископаемые — нашу природу — необходимо охранять?!

До сих пор актуальной оказалась всплывшая на общественном резонансе проблема кедровых лесов. Её поднял в своё время молодой ленинградский лесовод Сергей (правильнее Фатей) Шипунов, а удачно растиражировал, кажется в «Комсомольской правде», Владимир Чивилихин. Идея Сергея заключалась в том, что кедровая тайга может приносить доходы стране значительно бóльшие, чем те, что связаны с вырубкой дерева. Действительно, есть ещё дорогой и пользующийся спросом кедровый орех (в старину славились маслобойни), добываемая из кедра живица (смола кедра, необычайно ценное лекарственное средство, широко применяемое в народной медицине) и ещё целая экосистема кедровых лесов, в которой в том числе и ценнейший соболь.

Идеи Шипунова завлекли молодёжь, и она отправилась спасать кедровые леса Алтая. Однако что-то в развитии этого движения застопорилось, и Дружина попыталась выяснить обстоятельства: кто-то связывал неудачи с хозяйственными ошибками, кто-то с особенностями инициатора, Сергея Шипунова, кто-то с чиновничьими препятствиями.

И вот мы (не помню, кто тогда был командиром Дружины) отправились в Кедрогора. Борис Гончаров, Алексей Гиляров, Галина Гомозова, Кирилл Трувеллер и я отправились в дальнее путешествие⁴. В поезде пели «От Махачкалы до Баку волны плавают на боку...» и мечтали о заснеженном Горном Алтае (Кирилл даже вёз горные лыжи, которые я тогда, наверное, разглядел впервые). Красоты по пути в Кедрогора

⁴ См. текст К.Трувеллера, посвящённый этой поездке.

были, как и можно было ожидать, необыкновенные. Лёша, прекрасный художник, запечатлел на своих фотографиях необыкновенные этюды сугробов, наледей, пробивающихся из-под снега горных ручьёв, виды таёжных избышек и посёлков. К сожалению, снимков напечатал он немного, слишком высоки были его требования к ним (я поражался, что для печати одной фотографии этому профессионалу нужно было несколько часов).

Ситуация в Кедрограде, однако, нас разочаровала. Сам вид посёлка Иогач, в котором к тому времени находилась база опытного хозяйства, сразу поразили огромными штабелями хлыстов кедра вдоль улиц, того самого дерева, которое нужно было бы охранять. В общезжитии мы познакомились с механиками, трактористами, лесничими и просто с так называемыми разнорабочими, приехавшими в тайгу издали ради будоражащей их достойной идеи. К этому времени у многих из них глаза уже слегка потухли. Молодые ребята, наши ровесники, а многие и постарше, были растеряны, не видя здесь перед собой никаких перспектив. Они не могли примириться с тем, что оказались ненужными здесь, в только что заманивших и уже полюбившихся таёжных просторах.

Был спущен план по заготовкам кедровой древесины, той самой, которую они приехали охранять. Ребятам нужно хотя бы пропитаться, накопления тогда ещё никого не интересовали, минимальные деньги, хотя бы 40 новых хрущёвских рублей, надо было ещё заработать на сдельщине. Не на посадках кедра, не на сборах живицы (подсечка деревьев) или кедровых орехов (урожаи не каждый год случались). Где работать в таёжном посёлке? На лесосеке. Охота на соболя, белку для приезжего городского жителя была исключена, здесь нужен профессиональный таёжный навык. На лесосеку!

И вот мы выбрались на зимнюю лесосеку. Зимой по крепким льдам рек в глубинку бассейна реки пробирается техника, тогда это были бульдозеры и трактора. Приходят ребята с бензопилами «Дружба» (в отличие от обычной двуручной пилы — «разлуки»). И начинается кедровый «погром». На склоне сопки, где только что красовалась богатейшая тайга, сейчас Содом и Гоморра — сплошная вырубка. Теперешние ассоциации могут лежать где-то в области «полигона бытовых отходов», только без современных противнейших запахов (пахло только бензином, соляжкой и маслами). Вздыбленная и раскорёженная гусеницами тракторов и бульдозеров тайга без единого оставшегося в живых деревца, перемешанная с почвой мёртвая, уже ненужная древесина. Мертвечина (см. рисунок в Приложении №1).

Полученная таким способом товарная древесина складировалась на берегу реки и летом сплавлялась вниз по течению в то время ещё одиночными хлыстами (молевой сплав). Беда этого способа была в том, что часть древесины тонула, загрязняя реки органикой. Только позже стали сплавлять лес плотами, новым щадящим способом. Внизу по течению где-нибудь около имеющихся дорог или посёлков стволы кедров вылавливались и отправлялись на предприятия деревообработки.

Местам, по которым прокатилась сплошная рубка, предстоит многовековое, если не тысячелетнее восстановление экосистемы, только многократная полная смена разнообразных древесных пород, от широколиственных до хвойных, позволит прорасти здесь первым кедровым семенам. Так, в конце концов, будет, если не случится пожара или, что ещё хуже, общего оползня крутых склонов со всей пока ещё остающейся на лесосеке почвой и растительностью.

И вот в 2019 году, почти вчера, на радиостанции «Эхо Москвы» прозвучало известие, что местные рабочие в посёлке Иогач Республики Горный Алтай (не случайное совпадение) возмущены варварской вырубкой кедровых лесов и отправкой ценнейшей древесины в Китай. Китайцы любят наш кедр. Китайцы любят байкальскую воду, нефть, газ, рога сайгака и панты марала, женьшень... А мы?

Трувеллер Кирилл Алексеевич,

инженер, кафедры зоологии позвоночных, биологический факультет МГУ

В 1960 году среди поступивших на биофак оказалось довольно много победителей и участников биологических олимпиад из КЮБЗа, МОИП, ВООП, школьных кружков при кафедрах. Тогда для них был введён приоритет при зачислении, думаю, не без инициативы Константина Николаевича Благосклонова — доцента кафедры зоологии позвоночных, курировавшего проведение олимпиад. Студентам надлежало вступать в Дружины охраны общественного порядка. Однако биофаковцы решили, что их специализация позволяет более эффективно проявить себя в разных направлениях работы по охране природы.

А проблем здесь накопилось множество. Прежде всего, в просвещении населения о масштабах промышленных загрязнений, бытовых неочищенных стоков и свалок ТБО, сплошных вырубок лесов без восстановления, в том числе, в бассейне Байкала; усыхание Арала, понижение уровня вод Каспия из-за потерь стока на орошение. Кедровой тайге — 5 % площади лесов страны — грозила промышленная вырубка. Ну, и разгул браконьерства — охотничьего и рыбачьего, да новогоднёлочного.

В середине декабря 1960 года собрались десятка полтора студентов — тех самых биокружковцев — у Вадима Николаевича Тихомирова, доцента-геоботаника. Так родилась первая ДОП. Позже она расплодилось по всей стране. Алексей Гиляров, Борис Гончаров, Пётр Дмитриев, Гера Новиков, Юрий Збкин, Валя Лапин, Галя Мазанцева, Валерий Максимов, Саша Салмин, Женя Сманцер — вот я, оказалось, и не всех

вспомнил. Новый Год близко — начали с операции «Ель» по Белорусской ж.д. — пресечь нелегальный провоз ёлок на электричках. Меня это не влекло. Другое дело организовать конференции по проблемам Байкала, Арала, Каспия, причём с приглашением в ББА специалистов-учёных, чиновников Минлесхоза, водоканала и журналистов из «Комсомолки» и «Литературки» для освещения в прессе. Прямое действие ДОП — выезды в заказники и леса Подмосковья для пресечения браконьерства. Помню, ездили на тягу бекасов, и куда! Черёмушки, Битца, Беяево! Ну и Бронницы, Завидово и т.п. А бывали и целые экспедиции.

К журналисту и писателю Чивилихину обратились за помощью организаторы Кедрогграда — лесхоза по комплексному пользованию дарами кедровой тайги, чета Шипуновых. Навесили им план по вырубке древесины в 50 000 кубов в год. Это всю долину Уйменя вырубить, да ещё и со склонов прихватить, так что были бы сели, оползни до самого Телецкого донесло бы. Журналист о нашей Дружине и вспомнил. Побывали у него, ввёл нас в курс дела. И в феврале 1962, на весенние каникулы, отправился отряд ДОП под Горно-Алтайск по Чуйскому тракту в Кедрогград за материалом к Конференции. Галя Гомозова — гид наш, успела поработать там до поступления на геоботанику биофака. Пётр Дмитриев — это «позвоночник», стойкий, опытный КЮБЗовец. Как и я, учился биологии в школе у Веры Александровны Корчагиной (известен её учебник по биологии). Алёша Гиляров и Боря Гончаров — из кружка МОИП. А я из Сокольников — Школа лыжная ЦДКА.

Тепло нас встречали везде. И в Бийске, и в Горно-Алтайске, и в Кедрогграде, конечно, где мороз был ночами за 30... Времени в обрез. Разделились на два маршрута. Долиной

Уйменя — Пётр и Галя. Хребтиком над ней до вершины гольца — около 15 км втроем — Алёша, Боря и я.

Пушист снег морозный, по грудь проваливались. Лыжи хоть камусные, хоть широкие голые, в буреломе путались. Нашли тропу марала. По ней легче! Но поняли — за день-два не управимся. А еды маловато взяли: хлеб, беляши из столовой, консервы — всё замёрзло. Примуса нет, правда есть фляжка спирта для костра, сухарная крошка, сало, чай-сахар, главное, спички непромокаемые. К вечеру в кедраче ночёвку у костра тёплую устроили. Всю ночь брёвна тлели-грели.

За второй день миновали лес. До гари дошли. Там, как трубы пятиметровые, пустые горелые пни кедров в три обхвата... Досок из них наломали, настил и навес получился, тепло костра отражает на нас. Валенки только на ночь надевал: они сухие — ночёвка тёплая. А третья на гольце пытка — холодом. Дрова — только тонкий стланик кедров из-под снега. Быстро сгорает. Кедровка, подстреленная Борисом, оказалась несъедобной. Сухарная крошка с салом да сахар выручили. Не голодные, да холодные. Рано встали. Рассвет на вершине застали. За пятью хребтами должно быть Телецкое. Поснимали кинофотопанораму гарей да вырубков по склонам. Пора возвращаться. Тут мои «мукачи» — горнотуристские лыжи с кантом и креплениями «кандахар» — выручили. Мой спуск занял часа два-три. Где обрывы, я помнил. Отобедав в тепле и уюте столовой, набил рюкзак беляшами горячими, чай в термос. Встретил ребят в четыре дня, уже почти на опушке.

Запомнили уютный посёлок Кедрогграда с его замечательными людьми, готовыми жизнь посвятить идее, давно зародившейся, да временщиками зарубленной — жить от кедров на корню. Не крепь Кузбассу молевым сплавом кедров, а столярка, мебель, карандаши от санитарных рубок, реки

с хариусом, марал, кабарга, соболь, глухари, тетерева, рябчики, а какой там мёд, ягоды разные и орех! Травы целебные. Бадан в войну госпитали выручал, кровь останавливал, раны заживлял, язвы лечил да чай заменял. Это ещё при П. А. Столыпине понимали.

Обратная дорога запомнилась яркими закатами, горящими в незамерзающих соляных озёрах казахской степи — Алёша в моём альбомчике запечатлел. Новосибирск, где была пересадка на поезд до Москвы, посмотреть толком не успел. Кажется, только улицу, где мой отец рос, видел да вокзал запомнил.

Конференция в ББА возымела действие. Идею поддержали, правда, Шипуновы перебрались в Каракокшу, где кедр ещё цел был. А по Уймену успели всё вырубить.

Черняховский Михаил Ефимович,

к.б.н., доцент кафедры зоологии и экологии
биолого-химического факультета Московского
государственного педагогического университета

Дружине МГУ — 60 лет! Как давно это было — целая жизнь! Держу в руках удостоверение общественного инспектора за номером 351, действительно по 31 декабря 1969 г. Это к оправданию той ошибки, что на стр.27 сборника 2011 года. Как и когда попал в Дружину, об этом уже написал. А вот когда перестал активно работать — не помню. Как в оправдание за работу в Дружине получил две ведомственные награды, которые теперь всегда указываю в различных анкетах. Февраль 1968 г. — Значок (с удостоверением) «За сбережение и умножение лесных богатств РСФСР» за подписью министра лесного хозяйства. Январь 1982 г. — Малая памятная медаль Всероссийского общества охраны природы.

Кураторы Дружины

КНБ — Константин Николаевич Благосклонов. Познакомился с ним наверно раньше всех доповцев, так как на биологической олимпиаде МГУ (других тогда ещё не было) в 1956 г. занял первое место по 7 классам и из его рук получил грамоту и трёхтомник «Птицы СССР». Летом того же года, по рекомендации П.П. Смолина, попал на ЗБС, где под руководством Константина Николаевича мы с Юрой Очковым выращивали лысушат. Наш третий ВООПовец Лева Вейсман тогда был обуян мыслью отловить пеночек и, сделав из них скелеты, посмотреть, проходит ли через их тазовые кости кукушиное яйцо, проверив тем самым учение Т.Д. Лысенко о перерождении видов. КНБ, узнав про сии научные потуги

молодого исследователя, пообещал Леве сделать из него скелет и проверить, проходит ли через его тазовые кости страусиное яйцо. Затем, постоянно участвуя в олимпиадах, я из рук Константина Николаевича получал грамоты и премии. И уже по прошествии ряда лет на каком-то юбилейном собрании он мне напомнил в кулуарах: «А помните, Миша, как мы в Москве-реке на «тюкалку» голавлей ловили?»

Вадим Николаевич Тихомиров. Поскольку я не учился в МГУ, то для меня он был Старшим с большой буквы, как преподавателя я его не воспринимал. Он был фундаментом, ядром, центром. Его убежденность, конкретные действия, уверенность в них передавались молодым. Он в ДОПе был человеком постоянным, так как всю жизнь провёл на факультете. Менялись поколения дружинников, но, когда бы я ни пришёл на выезд, Вадим Николаевич или сам в нём участвовал или провожал и напутствовал. Главное, он чётко понимал, что в работе по охране природы нужна конкретная деятельность, что она сплачивает коллектив.

Главная моя беда по жизни (теперь не вернёшь): никогда не вёл дневниковых записей, кроме научных. Жалею теперь и поэтому с завистью перечитываю воспоминания В. Зубакина, С. Забелина, Н. Соболева, Д. Кавтарадзе и др. Как уже было сказано, на биофаке я не учился (даже грамоты не помогли). Возможно поэтому о Дружине в первые годы было впечатление, что её костяк составляли КЮБЗовцы, ВООПовцы, МОИПовцы. Не зря первыми командирами были Е. Сманцер, А. Агаджанян, Б. Гончаров. Может, это говорит о близости с друзьями по этим кружкам, что уже отметил А.К. Агаджанян. Но сколько бы лет ни был в Дружине, всегда был рядовым, что в ёлочных кампаниях, что при работе на Птичьем рынке, что на выездах БсБ.

О ёлочных кампаниях

Морозное утро, Киевский вокзал, под негодующие возгласы задерживаем старичка (такой божий одуванчик моих теперь лет) с картофельным мешочком, но мешочки бывают разные. А в этом аккуратной стопочкой лежит 15 небольших пушистых ёлочек — наверное, с посадок. Это к вопросу — «не быть милиционером, чего хватать, тащить?» Знаете, как у А. К. Толстого:

...Есть мужик и мужик:
Если он не пропьёт урожаю,
Я тогда мужика уважаю!

Год 1968–1969, станция Фили, встречаем поезда. Слышу разговор двух местных: «Рванём к баракам, позовём наших?» Ответ: «И что? Посмотри, их сколько!» Этот эпизод хорошо подчёркивает массовость того периода: нас было человек под 50, точно не помню.

И последняя мимолётная ёлочная встреча. Возвращаюсь с лыжной тренировки, год 1987–89, точно уже в Дружине не участвовал. Ярославский вокзал, в небольшом окружении одиноко стоит А. Щербаков. Он один, в руках ёлка, вокруг негодующие. Вспомнил былое, вмешался, народ приутих, а тут и дружинники и милиция. Это было моё последнее оперативное действие.

Участвовал в выездах БсБ, пожалуй, постоянно, если был свободен. На нарушителей хорошо действовало наличие ракетницы, видя такой калибр, поведение становилось более миролюбивым. Что ещё следует отметить? Наличие в группе инспекторов дамы сдерживало словесную перепалку, слова непечатного фольклора почти отсутствовали.

Острые сюжеты. Один случай даже был описан в большой статье в газете «Комсомольская правда». Хотя там меня не-сказанно обидели, напечатав, что «Миша подкрался сзади». Врут! Пока Н. Горбачевская разговаривала с одним, что вёл себя спокойно, мы с С. Остроумовым на мелководье сражались с его напарником, что пугал нас ружьём, которое действительно было заряжено.

Часто во время инспекторских учений приходилось играть роль нарушителя, уже и возраст был подходящий. Кармановское охотхозяйство. Дату не помню, её знает Д. Кавтарадзе, он даже фото с этих учений мне потом прислал. Это когда трое ВООПовцев — М. Матюнин, С. Камышенков и автор этих строк — представляли трёх злостных нарушителей. Главное, нас никто из молодых дружинников не знал. Группа идёт в отклонении от маршрута: и костёр, и бутылки, и кряжистые мужики. Интересно было бы посмотреть, как поведёт себя группа, встретив настоящих нарушителей.

Курьёзы. Опять не помню. Это или в ДОП или в Дружине МГПИ им.В.И. Ленина мне по секрету рассказали. Рассказ от первого лица. Получил инспекторский, молодой, горячий. Повстречал человека с ружьём, он спокойный такой, обстоятельный. Машу книжечкой, а он: «Паря, постой, дай посмотреть». Я дал, он посмотрел. «Всё правильно», — мне говорит и документ протягивает, а другой рукой как мне навесит, а сзади пенёк. Поднялся я: ружьё — в одной стороне, я — в другой. Нарушитель, наверное, дома чай пьёт.

Развлечения в Дружине на выездах. Никаких травм не припомню — слон, бой мустангов. Кто меня помнит, всё мне лошадю быть приходилось, но мы с моим седоком мало кому проигрывали. А ещё была игра в «пятак» (это из КЮБ-За пришло). Две команды по 6–8 человек за одним большим

столом, а рук-то 12–16. Одни пятак (5 копеек медных) прячут на коленях под ладонями, а другие ищут — велят руки поднимать и опускать (но пятак-то мы прятать умеем!), а потом должны с первого раза сказать, под какой рукой пятак находится. Психологический напряг. Проигравшие возят носами пятак по столу.

Что осталось, какие воспоминания? Самые хорошие. Дружина моего поколения была общностью людей, спаянных одним делом, и стремление продолжать его многие пронесли через всю жизнь. Дружина — это светлая и романтическая пора в моей жизни, это друзья-единомышленники, объединённые одной идеей.

Иванов Сергей Николаевич

В 1962 году, демобилизовавшись из армии, я не смог поступить на биофак и начал работать на кафедре ВНД лаборантом. Занимался проявлением 30-метровых плёнок и печатью с них. С этого же времени стал участвовать в выездах Дружины.

Весна 1963 года, едем с выезда в кузове открытого грузовика на откидных лавках. Рядом со мной садится Вадим Николаевич Тихомиров и с улыбкой говорит, что мне предстоит стать командиром Дружины. «Старики» заканчивают учёбу, «разлетятся», а я новенький и работаю на факультете...

Штаб проголосовал единогласно. Борьба с браконьерством была тогда основной формой работы. На двери нашей кафедральной лаборатории я вывешивал листок для записи на очередной выезд, чтобы понимать потом, на кого можно рассчитывать. Обычно факультет предоставлял крытый грузовик, иногда ездили на электричке. В дороге почти всегда пели. Старики, «сманцера» (по имени первого командира Дружины Евгения Сманцера) уже почти не участвовали в этих выездах. Всех помню, в том числе и Женю Сманцера, Валеру Максимова и многих других.

Штаб Дружины собирался поначалу после каждого выезда: итоги, недочёты, выводы, планы, поручения. Приходил иногда Костя Корецкий, работавший в мастерской на факультете. О нём как-то никто не упоминает, а он был нашим всегдашним критиком и оппонентом. Нередко приходил на штаб Вадим Николаевич, внося живую струю в наши дискуссии и предлагая новые идеи. А его участие в выездах запомнилось особенно. Выезд с ним на восток Московской области. В болотистом мелкоколесье задержали «лосятников», Вадим Николаевич и Борис Гончаров составляют протоко-

лы, сохранился слайд. Вообще о борьбе с браконьерством вспоминается многое.

Несколько «стариков» наших осенью по первому снегу отправились с ружьями по ближнему Подмосковию, в теперешней «зелёной зоне». Услышали выстрел, растянулись цепью по обыкновению, и Валера Максимов, выйдя на просеку, видит мужчину с ружьём, подходит и, представляясь инспектором, спрашивает документы. Тот спрашивает документы у Валеры, и он, обернувшись, лезет за ними в рюкзак. (На самом деле это был не «выезд по борьбе с браконьерством» — просто «побродить с ружьишкой»...). Мужик бьёт оглянувшегося Валеру прикладом по затылку и тот падает. Вышедшие на просеку товарищи видят лежащего на снегу Валеру и мужика с ружьём. «Стой!» Ружья дружинников нацелены на браконьера, а он целится в них. Обошлось без стрельбы, составили протокол. По этому эпизоду на сбор Дружины приехал офицер с Петровки, 38, разбиравший с нами тот случай. Он нам объяснил, что в отсутствии свидетелей можно было в той ситуации мужика застрелить и не понести наказания. Привёл пример, когда в своём охотхозяйстве несколько военных охотников обнаружили «лосятников», которые, отходя, отстреливались. А военные охотники, преследуя их, залегали за деревьями «как учили» и перебежками наступали... и браконьеры ушли, тогда как нужно было «стрелять на поражение»... Стрелять в людей мы были не готовы.

Весна, щука идёт к берегу метать икру, выезд на водохранилище. Мужик на берегу с острогой, рядом деревня. Убегая от нас, бросает острогу в ближайший палисадник и бежит дальше. Собирается народ, обступает нас, вперёд выходят бабы. Задиристые, они норовят не только словом, но и делом — дёрнуть, уязвить нас, «спровоцировать», а тронешь —

за мужиками дело не станет, ждут. Стоим «вкруговую», спина к спине, в руках ружья, направленные под ноги окружающим. Стрелять в людей нам «слабо», только разве что под ноги... И тут появляется милиционер, участковый. Атмосфера разряжается, постепенно народ начинает расходиться. Идём от деревни с участковым, и он говорит, что его участок занимает 20 на 30 км (!). Какие силы небесные привели его в это время в это место, и чем бы всё это могло кончиться?!...

Выезд на ЗБС (Звенигородскую биологическую станцию). Выстрел в лесу, собака из леса выбегает, ловим, привязываем в надежде, что хозяин появится. Проходит немного времени — нет собаки. Оказывается, наш шофёр её отпустил: «Нехай живе и пасёся велика скотина», — с добродушной улыбкой объявляет он нам.

Алкоголь. Бывал в употреблении только на выездах вечером в количестве вполне умеренном, и никаких проблем, с ним связанных, не возникало — так, для «сугреву» и ко дню рождения, и отнюдь не на каждом выезде.

Ещё был эпизод. На выезде задержали замминистра радиопромышленности СССР, составили протокол. На уток приехал поохотиться... Через несколько дней на факультет приехал секретарь парторганизации министерства, просил не давать хода делу, не отправлять протокол. А мы уже давно подумывали о связи групп на выездах. «Сторговались». Как говорится, «се ля ви»... За рациями ездил я в министерство, получил две. Позывные присвоены были «Дуб-1» и «Дуб-2». Иногда эта связь помогала.

В 1968 г. МОИП (Московское общество испытателей природы) предложило Дружине посетить Соловецкие острова для выяснения положения с охраной природы на архипелаге. Образовавшейся группе был придан куратор от МОИП.

Наша группа посетила все острова, в том числе и закрытые для туристов, как остров Анзер. Серьёзных нарушений обнаружено не было, составлено несколько протоколов на строителей костров в запретных зонах.

Последним мы посетили о. Анзер. В конце дня после обхода этого безлюдного острова решили отдохнуть и поесть. Неподалёку от бывшего Троицкого скита стояла изба, на втором этаже которой была печь с хорошей, как мы выяснили, тягой. Расположились на полу, сварили еду. После перекуса Наташа Горбачевская пошла к ручью помыть посуду, хотя её уговаривали отложить это на утро, и вскоре вернулась со словами: «Ребята, спокойно, мы горим!» Оказалось, крыша в дыму. Я скомандовал для быстроты эвакуации рюкзаки выбросить в окна и, растянувшись цепью до ручья, передавать мне воду, а сам полез на чердак. Там дым и огонь из-под конька крыши у кирпичной дымовой трубы, в которой, вероятно, была трещина. Залить пламя не удалось, вода не доставала до огня, и смолёные доски крыш горели уже чуть ли не все. Оставалось лишь с земли следить, чтобы головёшки и искры не разнесли огонь, и поливать стену соседнего сарая, который, того гляди, мог тоже загореться.

Меня зрелище пожара приковало своей мистичностью, невероятностью, сном... Это впечатление усилилось, когда во время фотосъёмки вдруг медленно, со скрипом открылась задняя стенка камеры. Никогда такого не было, и плёнка оказалась не засвечена лишь из-за ночной темноты.

К утру остались лишь дымящие головёшки. Мы их залили и вышли на берег. Кто-то перевёз нас обратно. О пожаре все в посёлке знали, видели зарево. С «поджатыми хвостами», ни с кем не встретившись, мы убралась. В центральном посёлке о пожаре тоже было известно, в том числе и нашему

куратору. Задерживать нас никто не пытался, хотя бы для выяснения обстоятельств, и мы быстро покинули острова.

Увлёкшись фотографией, я снимал на выездах, а по возвращении стремился скорее проявить и напечатать снимки для очередного стенда Дружины, размещавшегося на правой стене центральной лестницы к БА. Оформлением этих стендов занималась Алла Иванова, студентка кафедры микробиологии, и они привлекали внимание.

Весной 1971 года я простился с биофаком и стал работать фотографом в Институте этнографии АН, уже через месяц оказавшись в Средней Азии, и в течение последующих 27 лет побывал почти всюду в СССР, где мечтал побывать.

Андрианова Людмила Дмитриевна

Поступив в 1964 году учиться на биофак, я сразу пришла в Дружину. Куда же мне было ещё? Я из КЮБЗа. Костяк Дружины составляли мои старшие друзья. И пополняли её в основном КЮБЗа́ и ВООПы. В те времена занимались только борьбой с браконьерством во всех его проявлениях: патрулировали леса, как могли, занимались рыбоохраной, конечно же — новогодняя ёлочная кампания. Значительную часть наших сил и времени отбирал Птичий рынок. Там процветала массовая продажа диких певчих птиц. Видать, торговля эта очень прибыльная. Продавцы остались в моей памяти как исключительно агрессивные грубые мужики, которые так и норовили нас с рынка выгнать, да ещё и поколотить. Пришлось объединяться с милицией. Но, мне кажется, милиция тогда объединилась и с нами, и с ними. В общем, было трудно и даже немножко страшно. А потом вся эта работа сама собой свернулась, так как продавцы выучили нас в лицо и при нашем появлении торговля останавливалась. Уж мы и переодевались, и дежурствами менялись, и спектакли разыгрывали, когда девушка просит своего парня купить ей птичку... Ничего не получалось. Видно, было у всех нас что-то общее, что помогало торговцам безошибочно нас определять. Да и количество дружинников ограничено, мы начинали повторяться, и лица наши примелькались.

Вспомнились ёлочные кампании. Мы ведь под Новый год работали не только на вокзалах (о чём много и многими написано). Ещё дежурили на постах ГАИ при въезде в Москву. Гаишники останавливали грузовики с ёлками, проверяли документы, а мы залезали в кузова и пересчитывали наличные ёлки. Естественно, лишние изымали. Надо сказать, смотреть

на эти ёлки без слёз было трудно: лежали эти несчастные навалом друг на друге полным кузовом. Понятно, в каком виде они доезжали до базаров. Варварство в чистом виде. Да ещё сколько-то помимо официально срубленных. Трудно сказать, насколько эффективны были такие проверки, но возить левые ёлки охоту они отбивали. Вместе с проверками на вокзалах и в электричках всё-таки эффект был, слухи распространялись быстро и в какой-то мере сдерживали незаконные вырубки и продажи. И только спустя время начинаешь понимать, насколько мы были мотивированы и энергичны. Почти ночь, зима, темнота, снег, пурга, ветер, шоссе. Останавливается грузовик, лезем в кузов, изымаем лишние ёлки (они всегда были) под ненавистные взгляды и соответствующие слова шофёров. Протокол, руки мёрзнут. И ещё не всегда удавалось эти ёлки сдать в Мосцветторг. Тогда везли их на факультет и раздавали сотрудникам.

Ботанический сад МГУ на Воробьёвых (раньше Ленинских) горах. С началом цветения первоцветов в нём наступала беда: жулики по ночам лезли через забор и обрывали растения. Что-то оборвут, а что-то потопчут. Вадим Николаевич обратился с просьбой организовать охрану. Стали дежурить по ночам, с вечера и до рассвета, а как рассветёт, сторожа уже сами справлялись. Помимо невероятного желания спать, ничего особо запоминающегося в этих дежурствах не было, кроме одного эпизода. Совсем рассвело, скоро уже уходить, мы с Асей Авиловой, как две сомнамбулы, после бессонной ночи ещё ходим по саду, бдим. И наткнулись на воронёнка. И вот у девочек (одна из КЮБЗа, другая из ВООПа) вдруг отключился мозг. Начали мы этого воронёнка жалеть и совсем не знаем, как с ним поступить. Думали-думали и придумали. В шесть часов дежурство сдали и пошли с птенчиком к Константину Николаевичу

Благосклонову. Жил он на Университетском проспекте. Почему-то мы знали его адрес, хотя раньше я у него не бывала. Подъезды тогда не запирались. И вот где-то в половине седьмого утра звоним в дверь квартиры. Открывает заспанный Константин Николаевич. Сначала понять ничего не может, но нас выслушивает. Когда ситуация прояснилась, ну что ему было делать? С безнадёжным выражением на лице забрал воронёнка, а мы отправились восвояси. Я, между прочим, училась на вечернем и работала (без дураков) лаборантом, потом старшим лаборантом в Институте сердечно-сосудистой хирургии им. Бакулева. У нашего завлаба не забалуешь. Так что Ася домой отсыпаться после бессонной ночи, а я домой погулять с любимой собакой, переодеться и на работу. Вечером, естественно, на занятия, где нещадно клевала носом и даже засыпала. А Константин Николаевич ни разу не упрекнул нас в глупости. Правда, никогда не рассказывал, как он с этим воронёнком поступил.

Выезд на майские праздники в Окский заповедник. Кажется, первая (или одна из первых) ролевая игра для инспекторов БСБ. Браконьера изображал Миша Черняховский. Он всю жизнь занимается бегом, до сих пор марафоны бегают. Мы носились за ним, высунув языки. Не только на этом выезде, на всех. Один раз со мной поехал знакомый парень, не кружковец, не дружинник. Вот он умудрился так стереть ноги, что к концу дня ходить не мог. Больше он не ездил. А мы ничего, нас поддерживала идея, мы точно знали, что делаем нужное дело, а усталость иногда — это так, побочный эффект. Был на том выезде Серёжа Иванов. Вроде бы, в то время он был командиром Дружины. Он был уже опытным инспектором и показывал молодым класс. Был тогда с нами и Вадим Николаевич Тихомиров, принимал участие во всех мероприятиях наравне с нами, а вечером как мог подопечных (нас) развлекал. Играть

на гитаре и петь он совершенно не умел, поэтому звук извлекал из гитары, ударяя в неё как в барабан. Под такое музыкальное сопровождение любое пение годилось. Мы были в восторге.

Весной ездили на Московское море. Все маленькие речки перегорожены заколами. А идёт на нерест щука. Эти заколы разбирали. Со мной на всех выездах была овчарка Пума. Она помогала: плыла к тем заколам и колья вытаскивала. Иногда у нас бывала лодка, тогда подплывали и вытаскивали эти проклятые колья сами.

Ещё хотелось бы вспомнить зимние поездки в Кызылагачский и Красноводский заповедники. Кажется, это 1968–1969 гг. Эти поездки были не инспекторские, а ознакомительные. Мы ходили целыми днями по побережью с биноклями и наблюдали за птицами. Я впервые видела такую красоту в таких количествах. По окончании обучения меня оставили работать на кафедре, и потом не раз я ездила в те места со студенческой практикой. Но первые впечатления незабываемы! И вот что ещё оставило неизгладимый след — жуткое браконьерство. Стрельба была практически круглосуточная. Били лысуху и всё, что попадалось. Никакого контроля. Позже я узнала, как местные расправлялись с (местными же) инспекторами и милицией. Например, очень активному милиционеру просто отрезали голову. Это случай уникальный, но показательный. Конечно, местные инспектора боялись связываться. И как апофеоз всему — в степи охотничий домик: хоромы с бассейном за трёхметровым забором для руководителей республики и прочих начальников.

А в Красноводске мы ещё один кайф словили: на арендованном самолёте проводили учёты водоплавающих. Если в Агаче мы любовались на птиц с земли, то в Красноводске с неба. Думаю, за всё нужно благодарить Вадима Николаевича

ча Тихомирова. И благодарить судьбу за встречу с таким человеком. И ещё за прекрасные воспоминания, которые дала нам принадлежность к Дружине. И за друзей.

1975 год. Встречаем его всей Дружиной в квартире у Светика Забелина. В костюмах «кто во что горазд». Я в комплекте с Димой Орленевым. Он старый хромой пират с повязкой на глазу. Я его дочь, юная пионерка. Было весело. И просто хорошо всем вместе.

Юбилейный выезд в 1975 году на ЗБС. Народу приехало очень много. Была официальная торжественная часть, художественная и застолье. Главным организатором был Дима Кавтарадзе. Он-то и назначил меня ответственной за часть художественную. Стала я думать, подобрала помощников, нашлись энтузиасты. Решили ставить балет на тему БсБ. Был лес, лось, браконьер, инспектор. Музыкальное сопровождение — Лёша Цесарский. Режиссёр-постановщик — Лёша Быков. Спектакль прошёл под громкие оглушительные аплодисменты. Участникам действия будет приятно вспомнить. Лес — Алёна Родионова, Наташа Моралёва, кажется, Таня Сахарова, ещё несколько девочек. Лось — Дима Орленев. Браконьер — Игорь Травинский, но могу перепутать. Инспектор, кажется, Андрей Жуков.

А потом мы создали сектор «Зоопарк». Про его работу я подробно написала в статье, подготовленной к юбилею Дружины 1980 года. По какой-то причине тогда опубликована она не была. Вот этот текст.

«Весной 1973 года на общем собрании Дружины был брошен клич о помощи зоопарку.

Московский зоопарк — старейший зоопарк нашей страны, коллекция его (более 500 видов животных) — одна из

самых больших в Советском Союзе. Ежедневно сюда приходят тысячи людей, но далеко не каждому бросается в глаза, что клетки и вольеры тесны и плохо оборудованы, часто животные содержатся в антисанитарных условиях, в основном поодиночке, хотя на воле многие из них ведут парный или групповой образ жизни. Естественно, биологам все эти недостатки заметны. И вот весной 1973 года в ДОП биологического факультета МГУ начал работать сектор «Зоопарк». Перед ним сразу стало несколько задач, в том числе — тщательно обследовать содержание животных и оказать помощь по его улучшению, ознакомиться с работой других зоопарков в СССР и за рубежом, привлечь внимание общественности и ответственных организаций с целью ускорить строительство нового зоопарка и реконструкцию старого.

Как показали факты, собранные дружинниками сектора, зоопарку требовалась неотложная помощь. Вот выдержка из акта обследования Московского зоопарка, проведённого совместно с членами ВООП в 1973 году: «В зимнем помещении «Антилопника» темно и грязно, клетки очень тесные. Животные, которым необходимо много двигаться (антилопы, зебры и т. д.), вынуждены всю зиму стоять в маленьких клетках. В «Львятнике» клетки малы и не оборудованы... Звери страдают от недостатка движения. У гепарда ожирение. Львы содержатся поодиночке, а в природе они живут небольшими группами — прайдами. «Слоновая горка» во многих местах потрескалась и частично обрушилась. Ров водой не заполняется. В «Слоновнике» животных почти не видно из-за недостаточного освещения. В здании нельзя находиться долго из-за сильного неприятного запаха... На вольерах с мелкими птицами таблички с названиями птиц часто отсутствуют или не соответствуют действительности. Оформление вольер

ограничивается пейзажами на задних стенках, не отражающими природных мест обитания птиц...

Московский зоопарк имеет большую коллекцию рыб (размещённую в аварийном помещении, которое из-за этого большую часть года закрыто), но экспозиция обеднена плохим оформлением аквариумов. Водные растения представлены двумя-тремя видами. Недостаток восполняется пластмассовыми растениями с причудливыми цветами...

Пруд на новой территории практически не имеет берегов. Птицы могут выйти на сушу только на небольшом участке у места кормления. Никаких других участков суши птицам не предоставлено, кроме двух полуразвалившихся бетонных конструкций посреди пруда и полусгнившего деревянного настила...

Из-за ошибки в размещении отопительной системы тёплый пол в «Обезьяннике» оказался не в клетках, а под посетителями. Между входными дверями не предусмотрен воздушный тепловой барьер, поэтому в помещении часты сквозняки. В клетках нет отдельной вентиляционной системы, воздух из прохода для посетителей поступает наружу через клетки...». И так далее. Недостатков было выявлено немало.

Большое внимание было уделено кормлению животных. Выяснено, что от недостатка и качества пищи они не страдают. Но вот посетители являются для многих животных настоящим бедствием. Из самых добрых побуждений, проистекающих — увы! — от полной биологической безграмотности, они считают своим долгом лично покормить зверюшек чем-нибудь вкусеньким. И вот летят в зверюшек буквально тонны хлебобулочных изделий, сахара, конфет, яблочных огрызков и прочей снеди. Не спасают ни двойные решётки, ни строго запрещающие таблички, ни сторожа, круглый

день не выпускающие из рук милицейский свисток. Хлебом и конфетами запасаются заранее или покупают на месте в точках питания. И швыряют, протягивают, подносят... И дети, и родители — увлечение повальное. Особенно большой наплыв посетителей в субботние, воскресные и праздничные дни. А в понедельник местным «айболитам» прибавляется работы. У животных понедельничная хворь — расстройство желудка. От такого дополнительного питания, а попросту — обжорства, звери болеют и погибают. Диагнозы — ожирение сердца, общее снижение сопротивляемости организма, ведущее к любым инфекционным заболеваниям, заражение глистами и другими паразитами и т.д. Лечение сложно, а часто и безуспешно.

Особенно страдают от перекорма попрошайки — медведи, антилопы, верблюды, некоторые птицы. Посетители обычно думают, что животные, которые выпрашивают корм, голодны. Но дело не в том. Это форма общения. Животные используют посетителей, чтобы усложнить свой чрезмерно упрощённый мир. Обезьяны бросают в них различные предметы, медведи встают на задние лапы и клячут и т.п. Некоторые животные, схватив корм, тут же бросают его. Правда, скоро они узнают, что после этого общение прекращается, поэтому они стоически жуют брошенные им лакомства.

И вот перед дружинниками встала ещё одна проблема: как привить посетителям зоопарка правильное отношение к животным? Ведь почти на каждой клетке висит табличка: «Кормить зверей строго запрещается!» Однако посетители — народ настойчивый. Они терпеливо ждут, когда сторож на минуту отвернётся, и тогда в клетке оказываются конфеты, монеты, окурки. Совершенно очевидно, что написанных запретов и окриков недостаточно. Нужны яркие, красочные

плакаты и стенды, объясняющие, ПОЧЕМУ нельзя кормить и дразнить животных. С этой целью дружинники сектора связались с учащимися Строгановского художественного училища, которые с удовольствием взялись за дело. Результатом явилась выставка, проведённая в училище, на тему «Взаимоотношение посетителей и животных в зоопарке». Большое количество плакатов отобрано сотрудниками зоопарка для использования.

Для проверки возможностей Московского зоопарка в современном его состоянии решать возложенные на него задачи в деле пропаганды естественнонаучных знаний, воспитания в людях бережного отношения к живой природе сектор «Зоопарк» провёл в 1976 году конкурс рисунков в 10 московских детских садах. По нашей просьбе ребятам подготовительных групп воспитатели давали задание нарисовать, что им запомнилось в зоопарке. Собрано более ста рисунков. На большей их части животные нарисованы сидящими поодиночке в маленьких клетках за толстыми решётками. Решётки зачастую изображены столь частыми и толстыми, что животные за ними едва просматриваются. На некоторых рисунках животных нет вообще, одни решётки.

Этот метод позволил выявить впечатления детей и подтвердить, что в современном состоянии Московский зоопарк не может успешно выполнять свои основные функции.

Результаты были доложены в 1977 году на конференции «Проблемы охраны фауны», организованной Молодёжным советом МГУ по охране природы, Главным управлением охотничьего хозяйства и заповедников РСФСР (Главохотой) и Дружиной по охране природы биологического факультета МГУ, а также на Всесоюзной школе-семинаре молодёжных природоохранительных организаций в Звенигороде.

Занимаясь изучением состояния Московского зоопарка, вопросами его реконструкции, улучшения содержания животных, дружинники сектора уделяли большое внимание изучению других зоопарков. Была налажена переписка с молодёжными организациями в городах, имеющих зоопарки. С помощью членов местных Дружин и комсомольских организаций собран материал о состоянии, планировке и реконструкции, размере коллекций, содержании животных, штатных должностях и т. д. многих зоопарков нашей страны. В зоопарки городов, где отсутствовали соответствующие молодёжные организации, Молодёжным советом МГУ были командированы члены сектора «Зоопарк» с целью ознакомления и сбора материала. По литературным данным собран значительный материал о зоопарках других стран. Сотрудники и студенты биологического факультета МГУ, выезжающие за границу, по нашей просьбе посещали многие зарубежные зоопарки. Сектор регулярно проводил тематические семинары (например: «Берлинский зоопарк», «По зоопаркам Англии» и т. д.), на которых присутствовали студенты и сотрудники МГУ, сотрудники Московского зоопарка, организаций, занимающихся реконструкцией старого и разработкой проекта нового Московского зоопарка.

По реферативным журналам составлена обширная картотека о зоопарках мира. Картотека передана в методическую секцию Московского зоопарка.

Результаты и планы работы сектора регулярно обсуждались с дирекцией зоопарка, на совместных заседаниях сектора, Шефского совета и дирекции Московского зоопарка. По результатам написаны статьи в «Литературную газету», «Комсомольскую правду», журнал «Наука и жизнь», письмо к 25 съезду КПСС. Выпущены стенды, которые демонстриро-

вались на Всесоюзной орнитологической конференции, Всесоюзной школе-семинаре, в редакции газеты «Комсомольская правда», в педагогическом институте им. В. И. Ленина.

Получив хорошую теоретическую подготовку, дружинники смогли оказать конкретную помощь зоопарку — переоборудовали вольеры, реконструировали пруды и загоны и т. д. Впоследствии были организованы плановые воскресники, на которых регулярно работали студенты и сотрудники биологического факультета МГУ.

Трое выпускников кафедры зоологии позвоночных, членов сектора «Зоопарк», по окончании университета были распределены на работу в Московский зоопарк, где успешно трудятся и по сей день.

В сборнике «Помнишь, как это было?» есть статья Нади Григулевич. Выдержка из её статьи: «Проблема Московского зоопарка такая: плохие условия содержания и кормления животных, которые зачастую приводили к их гибели. Особенно это касалось молодняка. Были несколько статей в «Комсомольской правде», которые проходили (если проходили) с большим трудом. Занимался этим Дима Кавтардзе и другие...» Теперь моё пояснение. В зоопарке со дня основания КЮБЗа в 1924 году и до сего времени работало очень много кюбзЫ. Работали они всегда не за зарплату, а за совесть. Да, условия содержания были плохие, но они соответствовали представлениям тех времён. А что касается кормления и, особенно, молодых животных — это неправда. Тем более нельзя говорить об их гибели. Конечно, во время войны могло случиться всякое, особенно в эвакуации, но мы про мирное время. Во всяком случае, я сама была в зоопарке с 1959 года, два сезона работала именно на Площадке молодняка и никогда такого не видела. Поэтому сотрудникам зоо-

парка будет очень неприятно и даже обидно прочитать такие высказывания. Про Диму Кавтарадзе. Он никогда не занимался проблемами зоопарка. Так же как и сама Надя. Поэтому она и ошибается. А Дима занимался проблемой жестокого отношения к животным и вивариями. Но это уже к нему. Хочется только заметить, что сейчас проблемой жестокого отношения к животным занимаются все, кому не лень. А тогда Дима с товарищами были первыми, кто эту проблему поднял.

Желаю всем дружинникам счастья!

Авилова Ксения Всеволодовна

Моя жизнь и история Дружины

Покуда есть ещё твоя Дружина,
На свете ты не одинок!

В. Чуенкова

На биофак я поступила в 1964 году как «законченный» кружковец — член ВООПа (кружок юных биологов Дарвиновского музей под руководством П. П. Смолина) и не предполагала заниматься ничем, кроме науки, в перспективе — орнитологии. Знакомых среди первокурсников было несколько, преимущественно кружковцев. Всю зиму я усердно занималась, замечая между делом с мостика второго этажа огромные художественные полотна в проёме входной двери. На полотнах был то осенний лес, то весенний разлив, а текст призывал, например, поехать на выезд по борьбе с браконьерством или участвовать в ёлочной кампании. Почему-то мне казалось, что всё это — не для меня.

Во время весенней сессии 1965 года ко мне подошёл наш кружковец и мой однокурсник Володя Арсеньев и спросил: «Хочешь летом на практике браконьеров ловить?» Я согласилась, потому что предложение исходило от хорошего знакомого, заполнила анкету, сдала фотографию и через неделю стала обладателем красной книжечки — удостоверения общественного инспектора ВООП. Спустя несколько дней мы уехали на практику в Чашниково. В Дружине я оставалась формально до 1974 года, а неформально слежу за её работой и пытаюсь ей способствовать до сих пор. Командиром не была, никакого сектора не возглавляла, но перебива-

ла в составе почти всех — лекционного, организационного, оформительского...

Студенты попадали в Дружину разными путями. Большая часть до поступления в вуз пребывала в числе славного племени юннатов или, как мы теперь сказали бы, состояла в детских экологических объединениях. В. Н. Тихомиров часто подчёркивал, что для молодёжного движения за охрану природы эти коллективы играли роль «приготовительного класса». Хотя в них, как правило, ставилась задача не воспитания природоохранного мышления, а только познания и посильного изучения природы, психологически и организационно люди, вышедшие из кружков, готовы были к коллективной осознанной природоохранной деятельности. Они сносно разбирались в животном и растительном мире, были приспособлены к полевой жизни, знали, что такое общность интересов и взаимовыручка. Большая часть кружковцев тех времён, к тому же, увлекалась охотой, хотя правила охоты не всегда соблюдала. Как тут не вспомнить знаменитое изречение Кости Кривошапова на одном из юбилейных выездов: «От браконьерства — к охоте, от охоты — к охране природы!» Короче охарактеризовать ступени природоохранного воспитания, полученного в рядах Дружины, пожалуй, нельзя.

Моему приходу в ДОП предшествовал период её зарождения и становления, а когда я влилась в её ряды, она была уже вполне сформирована. О «преддружинном» периоде в истории студенческого движения рассказывает Мария Валентиновна Черкасова, выпускница биофака, формально не состоявшая в Дружине, которой при ней ещё не было, но всегда горячо поддерживавшая её деятельность. Об этом ею написан отдельный очерк (см. «Дружинная предыстория» в № 2 газеты «Берегиня» за 2018 год).

Время моего пребывания в Дружине совпало с окончанием «хрущёвской оттепели» и началом «брежневского застоя». Времени «оттепели» Дружина во многом обязана своим появлением, так как Закон об охране природы в РСФСР 1960 года фактически обосновал возможность её организации. А вот «застой», как выясняется спустя годы, по отношению к охране природы не был в полной мере таким уж унылым и бесперспективным. В это время в России последовательно развивались (и финансировались!) заповедники, а с 1983 года — и национальные парки. Появился пакет природоохранных законов, в том числе Закон СССР «Об охране и использовании животного мира» (1980), Красная Книга СССР и РСФСР, стартовало развитие сети природных заказников Московской области. Исполнительная власть Москвы трижды принимала решения о запрете сбора и продажи дикорастущих растений, а в 1978 году совместно с Московской областью (!!!) взяла под охрану почти все виды диких позвоночных животных и многих насекомых. Нельзя не вспомнить, что и контроль за исполнением законов и правил охраны природы был в период застоя хоть и далёк от совершенства, но всё же совершеннее, чем в 2000-х годах, и общественность находила в этой сфере своё законное место. Вообще состояние охраны природы часто не совпадает с общественным мнением о «хороших» или «плохих» временах. Иногда по истечении лет мрачные периоды истории с точки зрения экологической обстановки и охраны природы оказываются не такими уж негативными. Конечно, учитывая, что идеал в этой области практически недостижим.

В 1960-х конкретные природоохранные проблемы были связаны, с нашей точки зрения, с массовыми нарушениями населением правил охоты, рыбной ловли и лесопользования.

Их наряду с государственными службами пресекали после принятия Закона об охране природы в РСФСР и общественные инспектора. Часто мы слышали в это время и критику в свой адрес: «Вы, — мол, — не тем занимаетесь, ловите бедных нарушителей, а в это время в Байкал спускают отраву!» Так высказывался в печати известный писатель-альпинист А.А. Кузнецов и многие другие. Наши оппоненты, как правило, далёкие от практики охраны природы, лишь наблюдавшие проявления бесхозяйственности, не учитывали, что отраву-то спускают, видимо, те, кого в своё время не поймали на более мелких нарушениях — ловле рыбы сетями или охоте без путёвки. Зато это было понятно нашему куратору В. Н. Тихомирову и его сподвижникам, так как почти все они сами были охотниками. Задача в общей форме виделась как выработка «снизу» всеобщего законопослушания применительно к природопользованию.

«Главным направлением, определяющим лицо Дружины, остаётся прямая непосредственная борьба со злом, с нарушителями наших законов, расхитителями природных богатств, нерадивыми хозяевами, готовыми принести вечные ценности в жертву сиюминутным», — говорил В. Н. Тихомиров.

Пусть в наши дни кое-кому кажется странным, что охраной природы последовательно начал заниматься охотник. Мы же воспринимали это абсолютно естественно. Среди массы рядовых охотников, объединённых в охотничьи коллективы, преобладало представление об охране и приумножении фауны как о главном условии, обеспечивающем возможность отдыха на природе с ружьём и, как следствие, — возможную добычу. И я полагаю, что именно закрепление охотничьих угодий за коллективами охотников долгие годы поддерживало фаунистическое разнообразие Подмосковья.

Общественное мнение было на стороне людей, соблюдающих охотничью этику, а наказание за нарушение правил и традиций воспринималось как справедливое и по большей части неотвратимое. Всякое отклонение представлялось досадным исключением, частной ошибкой, которая подлежит пресечению. Мы искренне верили, что можем очистить охотничьи угодья от нарушителей, и вместе с куратором прочёсывали леса и болота, добросовестно составляя протоколы, рассылали письма на работу наших клиентов. Кроме пользы для самой природы несомненна была польза и для нас: работа с людьми в таких конфликтных обстоятельствах помогала выработать твёрдость в отстаивании своих убеждений и навык практического применения действующих правил. Письма на работу нарушителей, которые отправлялись одновременно с протоколами, были «совместным изобретением» В. Н. Тихомирова и первых дружинников. Они часто играли более важную роль в осознании нарушителем своего проступка, чем штраф. Следовала проработка в коллективе с очень неприятными последствиями — выговор, лишение премии и т.п. В. Н. называл их «кругами на воде» и очень гордился тем, что эффект от этих кругов был, как правило, действенным.

В. Н. часто подчёркивал, что Дружина возникла исключительно благодаря инициативе «снизу», и очень ценил это.

«Не было никаких приказов, никаких указаний и директив. Это было именно искреннее стремление студентов и преподавателей встать на защиту своей родной живой природы. Дружина с самого начала взялась за самые острые проблемы охраны природы. Это такая форма работы, которая требовала прямого соприкосновения со злом, прямых столкновений, которые иной раз доходили до применения ору-

жия. Здесь была ответственность граждан за будущее своей страны, и не случайно именно биологи оказались теми, кто создал эту первую в стране Дружину», — говорил позднее В. Н. в одном из своих интервью.

Распространённый путь попадания в Дружину — через летнюю практику. Несколько лет в 1960-х В. Н. был начальником практики первого курса биофака в Чашникове («Чашках» на студенческом жаргоне) под Москвой. В. Н., как мог, старался сделать из желторотых первокурсников коллектив. Он применял для этого разные способы. Во-первых, всеобщее вовлечение в любимый им спорт: от обязательной для всех зарядки (сигналом к ней всё лето была почему-то песня «Вальс о вальсе» в исполнении К. Шульженко) до профессионально-прикладной подготовки (велосипед, верховая езда, мотоцикл), соревнований по лёгкой атлетике, волейболу и баскетболу. Во-вторых, выезды на отдалённые природные объекты — болота, водохранилища, лесные массивы Северного Подмосковья. Наконец, ночные рейды по борьбе с браконьерством. Романтика этих рейдов чаще всего приводила студентов в ряды Дружины. После захода солнца, когда лагерь погружался в вечернее безделье, набитый студентами грузовик в сопровождении Тихомирова выезжал на Ленинградское шоссе и устремлялся на север. Через пару часов он сворачивал на просёлки и останавливался где-то под пологом леса. До рассвета шевелиться было не велено. Укрывшись брезентом, студенты поневоле погружались в дремоту. Утреннего холода было явно недостаточно для пробуждения, и начальству приходилось прибегать к дополнительным средствам: например, запустить под брезент в самую гущу спящих тел свежепойманного ежа! Прыгать из кузова часто выпадало в густую высокую прибрежную траву, усыпанную крупными каплями росы. Утрен-

ний туман в сочетании с холодным душем пробирал до костей. Выпустив ежа в родную стихию, В. Н. очерчивал фронт работ: пройти по берегу несколько километров, выявляя по пути запрещённые к использованию рыболовные снасти, обезвредить выявленные, а при случае провести воспитательную работу с их владельцами. Недостатка в снастях, как правило, не было. Мы быстро забывали о промокшей одежде и об утреннем холоде, снимая сети, вытаскивая верши, разбирая заколы... Время от времени попадались и местные жители с «пауками» (квадратными рыболовными сетками) на длинных шестах. Беседы были не всегда содержательными, но никаких возражений со стороны клиентов в целом не вызывали: правила рыбной ловли, как и правила охоты, народ уважал, хотя и не всегда выполнял.

Утром, когда студенты нехотя тянулись на утреннюю линейку, наш боевой грузовик победно въезжал на территорию лагеря. Мы ночевали почти под открытым небом, посетили «медвежий угол» Подмосковья, повидали красивые места, промокли, поработав на благо природы, и теперь имели право продемонстрировать трофеи, продлив линейку на пару минут! Взорам собравшихся «лежебок» торжественно предъявляли несколько ржавых верш, драных вентерей, дырявых «пауков», десятков-другой метров сетей. В. Н. умел так всё обставить, что на лицах не участвовавших в рейде студентов появлялась лёгкая зависть, а мы ощущали законную гордость и торжество справедливости. Впоследствии оставаться в стороне от таких рейдов уже казалось невозможным. Поэтому с наступлением осени главным маяком среди учебной недели был выходной, а значит — выезд...

В 60-х годах Московская область, как ни странно, была довольно плохо изучена в отношении флоры и фауны. Все

стремились в экзотические экспедиции на Дальний Восток, на Полярный Урал и т.п. Хорошо понимая необходимость сохранения природы в густонаселённых районах, В.Н. одним из первых пришёл к необходимости системной инвентаризации её компонентов, что называется, «у себя под носом». В то время такая стратегия была совершенно нестандартной. Зато позднее многие спохватывались: «А ведь и правда...!» Как ботаник-флорист, прекрасно знающий условия обитания редких видов растений, В.Н. рекомендовал для обследования несколько перспективных точек Московской области. История первых экспедиций Дружины в будущие природные заказники описана неоднократно. Справедливости ради надо сказать, что географы пытались начать подобную работу двумя годами раньше и выделили ряд интересных ландшафтных уголков как охраняемые природные территории. Но работа не была доведена до конца, и они «остались на бумаге»⁵.

Направляемая постоянными советами куратора, Дружина совместно с сотрудниками ботанического сада МГУ посетила множество «белых пятен», которыми особенно изобиловали приграничные с соседними областями окраины. Был разработан механизм, обеспечивший контакт с исполнительной властью и сделавший заказники легитимными. Так работа по пресечению нарушений дополнилась организацией сети участков с ограниченным природопользованием. В результате почти ежегодно с 1977 года учреждалось по несколько особо охраняемых территорий. Примеру ботаников последовали зоологи, и к концу 1980-х общее число заказников и памятников природы перевалило за двести.

⁵ По итогам этой работы в 1966 году Мособлисполкомом было создано 14 заказников, но оформлением положений о них пришлось заниматься уже нам в 1980-е годы (Прим. Н. А. Соболева).

Со свойственным юношеству максимализмом сегодняшние дружинники искренне считают, что именно их предшественники создали в Подмоскovie густую природоохранную сеть. Во многом это так и есть. Но, оглядываясь в прошлое, нельзя не видеть огромную созидательную роль куратора, смотревшего далеко вперёд. И то, что сейчас мы называем популярным термином «экосеть», в его представлении было естественным стремлением знатока и специалиста предотвратить необоснованное тотальное наступление урбанизации на хрупкое природное равновесие, замедлить губительное отчуждение человека от природы.

Не могу не отметить, что «втягивание» народа в ДОП было неотделимо от обаяния В.Н. Тихомирова как учёного, как человека и как патриота подмосковной природы. Мир растений, с которым он нас знакомил, оказался таким волшебным и ранимым, что не начать немедленно защищать его и созданный им ландшафт, в который глубоко уходят все наши духовные корни, было просто невозможно. И это желание только укреплялось по мере накопления знаний. Конечно, такое сочетание науки и практики было очень полезно не столько для природы, сколько для развития наших душ и становления личностей. Думаю, что В.Н. в первую очередь и ставил целью делать из нас людей, а не только «вывести на чистую воду» мужиков с «пауками» и берданками. И в этом он тоже оказался весьма прозорлив.

После практики наступала осень, а с ней — пора выездов, жить без которых уже было невозможно. Особенно, если с нами ехал Тихомиров! С университетской автобазы приезжал крытый грузовик, мы грузились в кузов, куратор — в кабину, и все отбывали на охотбазу в Фаустово, Высоково, Костерево, да мало ли куда... Наутро нас ждали неизведанные тропы Подмоскovie и разоблачаемые нарушители.

На менее романтических ближних выездах без машины мы осваивали навыки инспекторской работы. Навсегда я запомнила свой первый протокол, хотя, конечно, забыла фамилию нарушителя. В отличие от всегдашних деревенских разгильдяев с дедовскими берданками, это был вполне интеллигентный городской охотник, который почему-то пренебрёг путёвкой. Нарушение было налицо, я принялась составлять протокол. Группа в полном соответствии с правилами поведения стояла полуколыцом вокруг нас. Охотник сразу без сомнения понял, что перед ним инспектор-новичок, но решил тоже играть по правилам. Может быть, он был преподавателем и знал, что в любой профессии нет ничего важнее практики? Через много лет я очень благодарна этому человеку, который безропотно трижды отдавал мне в руки свой охотничий билет, чтобы я списала все данные, которые забыла списать с первого и второго раза! Не знаю, назначили ли ему штраф впоследствии, но большого огорчения встреча с нами ему не доставила.

Вечером на базе после ужина людей распределяли по группам, в каждую назначался старший. Одной из групп руководил куратор. Принцип распределения был не очень понятен, но спорить было нельзя, слушание каралось строго. Не забуду замечательный выезд в Костерево на ноябрьские праздники в конце 1960-х. Была холодная сухая осень, классический «чернотроп», в округе охотились с гончими. Ходить было легко и приятно, работы много. Я попала в группу, которая меня по составу совсем не устраивала. К тому же предстоял ближний маршрут, а остальные ехали с Тихомировым куда-то далеко... И я совершила преступление: потихоньку залезла в кузов и спряталась под лавку. Когда прибыли на место, ехать назад было уже поздно. Тихомиров

страшно рассердился, но потом отошёл, и всё пошло по плану. Мы прошли много километров по владимирским лесам, переходили несколько раз по поваленным стволам Малую Ушму, кого-то задержали... Больше всего запомнились ледяные валики на замёрзшем русле реки, сделанные плававшими бобрами в то время, когда река уже останавливалась, скованная морозом.

Вечером на базе был как всегда торжественный ужин, праздник, песни, воспоминания... Совсем ночью выходим на берег Клязьмы продышаться. По мосту в темноте медленно движется несколько фигур, у одного явно ружьё! Мгновенно слетает праздничное настроение, всей гурьбой бросаемся к мужикам.

Подбегаем и... каково же наше удивление: перед нами В. Н. Тихомиров с длинной палкой, которую он держит как ружьё, и добрейший В. В. Петров, геоботаник, приглашённый куратором на выезд как «гость». Очередная шутка начальства. Хохочут все.

Морозом скован ломкий воздух,
Скрипучи узкие мостки,
Над чёрной речкой тлеют звёзды,
Огромные, как пятаки.
Озябшие огни селений
Пугливо смотрят в темноту,
Где тихо ходят чьи-то тени,
Задерживаясь на мосту.
Где зацепив концом за льдину,
С рекой прощаясь до весны,
Ущербный месяц лёг на спину
Холодной утренней волны.

Опять в морозной дымке белой
Повиснет поздняя заря,
А снег напал неумело
Ещё в начале ноября.
Но уходить не хочет осень:
Лишь только полночь настаёт,
На водопой выходят лоси
Ломать копытом тонкий лёд.
Осенний праздник не окончен!
Не от того ль ещё сильнее
Звучит азартный голос гончей
В морозном воздухе полей?

Почти все дружинники были членами охотколлектива и имели право носить охотничье оружие. Я тоже вступила на первом курсе, сдала охотминимум и ездила не только на охоту, но и на выезды Дружины со своей одностволкой-«кочергой». У неё, кстати, был неплохой кучный бой, что помогало мне летом собирать материал для курсовой и диплома по морфологии птиц. После инспектирования некоторые отправлялись на охоту, причём иногда — без путёвки. Это очень огорчало В. Н., он считал такое вероломство недопустимым. Между Дружиной и охотколлективом всегда существовала негласная конкуренция: студенты вели инспектирование своей компанией, а коллектив отчитывался перед госохотинспекцией самостоятельно, хотя все делали одно и то же дело. Разгоравшиеся ненужные страсти на время утихали после публикации миротворческих заметок в стенной печати.

Откровенных стычек с нарушителями на выездах я не помню, за исключением одного случая. На полянке стоял мужичок с ружьём, которое было буквально связано прово-

лочками из нескольких частей. Когда мы стали подходить, он начал кричать и махать этим ружьём в нашу и все остальные стороны. Своё поведение он контролировал очень плохо. Откуда ни возьмись — Тихомиров, сбил мужика на землю и быстренько обездвигил. Когда у него изъяли ружьё, оно оказалось заряженным.

Ещё один незабываемый выезд на майские праздники начала 1970-х в Темповское охотхозяйство. Изумительная среднерусская весна, цветёт ива, лезут первоцветы, рыба нерестится, браконьеры ставят сети и прочие снасти. Работали несколькими группами с воды и с берега. Я не помню другого раза, когда бы мы бегали на такие длинные дистанции по вязкой раскисшей земле, как той весной. Фокус был в том, чтобы пересечь излучину реки посуху и перехватить лодку с браконьерами до подхода наших плавсредств. Для удерживания нарушителей с суши в ожидании инспекторской группы использовались в основном девушки — заговаривали зубы. На одном из подходов к реке нам вдруг явилась древняя деревянная церквушка, крытая осиновым лемехом, приютившаяся в долине на краю леса. Она словно была частью природы и ждала, что мы и её защитим от браконьеров. Я всегда вспоминаю этот эпизод в связи с высказыванием К. Н. Благодсконова о единстве культурного и природного наследия. Сетей тогда изъяли немерено — ребята, развесив их на заборе, несколько раз обернули вокруг здание центральной базы Темповского охотхозяйства.

Активный и пассивный способы инспектирования. На выездах мы часто проходили десятки километров, не услышав ни одного выстрела — сигнала о возможном нарушении со стороны потенциальных нарушителей. Те же, которые были слышны, не всегда были достижимы. Да и далеко не

все охотники нарушали правила охоты. Производительность такой работы была ниже некуда. Чтобы её повысить, было изобретено «пассивное инспектирование», применявшееся в сочетании с «активным». В час, когда охота приблизительно должна закончиться (поздним утром), инспектора садились у опушки близ дороги, ведущей в деревню, разводили костерок, пили чай и «вспоминали минувшие дни». По дороге домой или на станцию к ним выходили почти все, кто охотился в то утро. Так было задумано. Самое удивительное, что не так уж редко это срабатывало. Так, в том же Костереве мы как-то задержали группу охотников без путёвок и с двумя добытыми зайцами.

Попытки поймать на браконьерстве «крупную дичь» в лице министра сельского хозяйства СССР Мацкевича Дружиной предпринимались неоднократно. Но то ли министерская разведка успешно работала, то ли просто нам не везло, Мацкевич оказался неуловим. Помню очередной рейд вместе с Д. Н. Кавтарадзе и Н. Л. Горбачевской в Приокско-Тerrasный заповедник, куда министр любил выезжать на охоту, поздней осенью 1969 или 1970 года. Куратор снабдил нас подробным планом местности. На нём были обозначены все укрытия, где мы могли бы затаиться (см. план в Приложении № 1). По его сведениям, министр совершенно точно собрался на охоту в заповедник. Автобус от Серпухова отходил поздно вечером. Не доезжая до населённого пункта, мы сошли и спрятались неподалёку от дороги. Однако что-то не сложилось — мы продрожали до рассвета, но машины министра так и не дождалось. Смогли бы мы привлечь его к ответственности? Формально — да, у общественности в те годы были соответствующие права и положительный опыт задержания заместителя министра связи. Он впоследствии

не только согласился с тем, что нарушил правила, но и подарил Дружине две рации. Но видимо, это было исключение.

Свободное от инспектирования время, если оно оставалось, использовалось дружинниками по-разному. В 1960-х годах иногда успевали поохотиться, хотя это бывало редко. Если на выезде оказывался кто-то из сотрудников биофака, а также куратор, то неизбежно обсуждался растительный мир, причём в любое время года. Ветки без листьев и сухой придорожный бурьян превращались в загадочное, но постижимое царство, разбираться в котором было необыкновенно увлекательно. Никогда не забуду рассказов В. Н. Тихомирова о ландшафтном районировании Подмосковья. Это было просто откровение! А вот животному миру внимание уделялось только в аспекте возможных нарушений правил охоты. Не помню, чтобы мы специально обращали внимание на птиц, хотя в весеннем лесу в ходе выезда, например, на тягу, было кого послушать. Позже эта ущербность исчезла с появлением сектора «Фауна». Появление «Фауны» активизировало и контакты с местным населением. Тут нельзя не вспомнить зимнюю экспедицию 1985 года в Сергиево-Посадский (Загорский) район, а заодно — в прилежащие части Владимирской, Ярославской и Тверской (Калининской) областей. Подобных экспедиций «Фауны» было много, но я участвовала только в этой и запомнила её на всю жизнь. Главной задачей был опрос местного населения о редких видах животных. В Загорском районе в ту зиму шла массовая заготовка торфа. По дорогам ездили огромные самосвалы, которые использовались дружинниками как транспорт, связывающий между собой удалённые деревни. Это было удобно: водителям было скучно, и они охотно нас подвозили. Мы разыскивали по деревням охотников, лесничих, учителей, приходили к ним

домой и на работу, расспрашивали о птицах и зверях. Для меня, привыкшей разговаривать с «местными» часто в процессе оформления протокола, это общение оказалось чрезвычайно памятным. Например, приходим мы с О. Н. Шекаровой в жуткий мороз в избу. На пороге Ольга спотыкается мёрзлым валенком и с размаху садится на пол, ушанка съезжает ей на глаза. Глядя из-под неё снизу вверх на хозяина, она обращается к нему: «А мы тут анкетирование проводим!» «Ну, тогда давайте чай пить!» — невозмутимо изрекает тот. И мы узнаем массу интересного: как поймали филина и он долго жил в сарае, как недавно видели след рыси и какая сейчас обстановка с кабаном и волком... Не все такие ответы можно было помещать в отчёт, но они давали богатейший материал для размышлений и проверок. И главное, общение переставало содержать элемент конфликта, который неизбежен при разговоре с нарушителями правил и законов. Оказалось, что в деревнях и сёлах Московской области живёт много хороших и доброжелательных людей, профессионалов и патриотов. По итогам экспедиции мы немедленно составили карту предполагаемых находок редких видов, отмечая их разноцветными бумажками, вырезанными из подручных средств, например, из обложек консервных банок. Она потом долго использовалась в фаунистических поездках.

Когда я пришла в ДОП (и в последующие годы), командиром был Сергей Иванов, студент вечернего отделения и сотрудник кафедры зоологии позвоночных. Последнее было огромным преимуществом — он был не так загружен учёбой, как «дневники», и был доступен на рабочем месте. Это позволяло постоянно к нему приходиться по делам, а также хранить на его рабочем месте то, что не влезало в Штаб. В конце концов, сотрудники, работавшие с ним в одной ком-

нате, стали оказывать нашим визитам активное сопротивление. А когда Сергей уезжал в командировку, вывешивали «дадзыбао»: «Иванова нет, и мы не знаем, когда он будет!» Из членов Дружины, постоянно участвовавших в выездах 1960-х, хорошо помню А. Степанова, А. Троицкого, В. Бессмертного, Э. Седых, А. Перминова, В. Зуевского, Е. Марусова, Г. Мазанцеву, Т. Бек, Г. Булгакову (Салькову) и многих других, в том числе — ныне покойных В. Калязина, Л. Губернаторову и А. Сагайдачного.

В Дружине были лекционный сектор, организационный сектор и сектор борьбы с браконьерством. Была ещё библиотека, весьма скромная. Остальные сектора появились позднее. В ёлочной кампании и кампании «Тяга» (в период весенней охоты) принимали участие и студенты младших курсов в составе учебных групп.

Дружина на ЗБС

Начавшись с оперативной работы, активность Дружины изменялась вместе с развитием практики охраны природы. Это как в капле воды отразилось и в работе на Звенигородской биостанции (ЗБС). Инспектирование территории ЗБС велось и до этого, но оно приобрело определённую специфику.

В Москве-реке возле биостанции, как и в других местах, нередко обнаруживали браконьерские сети и верши. На регулярные проверки времени не было. Но в честь профессионального экологического праздника — Всемирного Дня охраны окружающей среды, отмечаемого с 1972 года каждое 5-е июня, стали ежегодно проходить рейды по обезвреживанию незаконных орудий лова. На грузовой машине лодку и инспекторов забрасывали на несколько километров вверх по реке, и, возвращаясь своим ходом, команда при помощи

«кошки» извлекала из воды до нескольких километров ставных сетей. Эффект был и природоохранный и просветительский — на плоды инспектирования с удивлением взирало не только местное население, но и вся студенческая практика.

Другая традиция — ежевечерняя проверка долины Москвы-реки на биостанции, где заезжие туристы, как сухопутные, так и «байдарочные», очень любили располагаться на ночёвку с кострами, палатками и т.п. Когда в 1970-х разъяснительная работа только начиналась, доходило чуть ли ни до драк. Помню наш рейд 1972 года в составе И. А. Шилова, А. Н. Солдатовой, К. К. Панютина и меня. Сколько негодования мы вызывали у туристов, пытавшихся заночевать с костром на нашей территории!

— А сами-то ночевать в доме будете...! — кричали они.

— А кто вас звал на биостанцию с палатками? — хотелось спросить, но мы не позволяли себе фамильярности. Следуя инструкциям учителей, мы разговаривали с непрошенными гостями предельно вежливо, и они постепенно «скисали». По инициативе Дружины во время практики удалось превратить такие инспекторские рейды в ежевечерние. Они были особенно необходимы в конце рабочей недели, когда толпы москвичей устремлялись в окрестные леса, а у работников лесной охраны незыблемо сохранялись выходные дни. Важно, что в рейдах принимали участие все учебные группы по очереди. Они назначались начальником практики на утренней линейке вместе с дежурной группой по лагерю. Одновременно ребята перекапывали кострища и ликвидировали мусор, оставшийся после стоянок, чинили информационные щиты и проводили беседы с туристами. Эти дела приобщали к охране природы всех без исключения и были убедительнее и для студентов, и для туристов, чем все уговоры беречь

природу. Постепенно у людей закрепилось представление об особом статусе территории, и нарушения стали реже, хотя и не прекратились. Однажды отдыхающие, расположившиеся на открытой для стоянок территории, сами радостно сообщили нам, что уже отправили группу, решившую обосноваться на ЗБС, за границы заказника. Это нас порадовало — наше дело завоёвывало массы...

С первых дней практики команда студентов-«мужиков» под руководством дружинников углубляла канавы на границах биостанции — т.н. «противозаездные устройства», ставшие особенно полезными в годы начала массовой автомобилизации, когда участились попытки проехать на берег на машине. В начале 1990-х на второй день практики кто-то из ихтиологов радостно сообщил: «А у вас там бегемот попался!» Действительно, хотя канавы были вовсе не ловчими ямами, а всего лишь преградами на пути в пойму, какой-то оранжевый «жигуль» туда всё же свалился!

В 1980-м году перед московской Олимпиадой Дружина расследовала инцидент, когда Москва-река против ЗБС неожиданно покрылась радужной плёнкой и стала издавать явственный бензиновый запах. Прямо как в частушке, сочинённой самими дружинниками:

По реке плывёт мазут,
А за ним – солярка,
Вот бычок туда швырнут —
То-то станет жарко!

Пробы вонючей воды были немедленно отвезены нами в СЭС, районный комитет народного контроля и газету «Новые Рубежи», которая напечатала заметку с соответствующей

щими комментариями. Но оперативнее всех отреагировала Московско-Окская бассейновая инспекция. Выяснилось, что виной всему был прибрежный совхоз, где оставались открытыми ёмкости с соляжкой. После дождя горючее попало в реку Дубежню, а оттуда — в Москву-реку. Меры были приняты, о чем нам сообщили письменно. Нефтяной дух от воды прекратился, а профессор И. А. Шилов на очередной линейке язвительно заметил: «Мы победили, и враг бежит!» Мне же хочется припомнить по этому случаю одну известную в узких кругах поговорку: «У природы везде должны быть свои люди!»

Поистине революционным событием в жизни ЗБС было присвоение лесному массиву и прилежащему к нему участку Шараповского лесничества с верховым болотом статуса областного заказника. К концу 1970-х при подготовке очередного пакета документов решили и биостанцию включить в список особо охраняемых природных территорий. Среди преподавателей эта идея не вызвала особого энтузиазма, им казалось, что природе вокруг ЗБС ничто не угрожает. Однако возражений не последовало. В 1981 году, исключительно благодаря упорству и стараниям членов ДОП, статус заказника был утверждён областной администрацией, тогда исполкомом московского областного Совета депутатов трудящихся. Время показало, что это решение было абсолютно правильным. В наши дни окрестности ЗБС за границами заказника быстро преобразились, на глазах «зарастая» коттеджными посёлками. Массив ЗБС стал «зелёным островом», только с юга соединяющимся с Шараповским лесничеством. В середине прошлого века этого никто предвидеть не мог.

Статус областного заказника, как часть официально утверждённой Схемы развития ООПТ Московской области, по закону должен был учитываться во всех решениях и до-

кументах, касающихся преобразования территории. К сожалению, это происходило не само собой, а только в результате тщательного контроля ситуации. Так, разработка Лесного плана Московской области после введения с 2007 года нового Лесного кодекса потребовала настоящего «мозгового штурма» и квалифицированной экспертизы со стороны членов ДОП, на что ушло немало времени. Карты предстоящего лесохозяйственного использования Подмосковья в ряде случаев не учитывали границ особо охраняемых природных территорий (а в Московской области их 240!) или учитывали, но с искажениями, как в случае с ЗБС. В результате анализа ситуации и многочисленных обращений в органы лесного хозяйства ошибки были устранены, но на это ушла масса сил и времени.

Одним из главных аргументов создания заказника стало наличие крупнейшей в Подмосковье популяции благородной печёночницы — красивого первоцвета, синими цветами которого усыпаны в апреле и начале мая берега оврагов, лесные поляны и прогалины. Драли его на продажу нещадно. Поэтому печёночница первой попала в паспорт заказника среди других редких видов растений. В дни её цветения проводили специальные рейды, в том числе — с участием главного лесничего Валентины Романченко, сотрудников биофака и, конечно, Дружины.

Ещё с конца 1960-х, когда природоохранное движение набирало силу, биостанция стала площадкой для научно-практических семинаров студенческих Дружин бывшего СССР. Душой этих мероприятий был К. Н. Благодосклонов. После первого удачного опыта в 1968 году, когда с 15 по 28 августа прошёл первый всероссийский лагерь-семинар по охране природы, он расширил свой просветительский энтузиазм до

международного уровня. В 1970 году на семинар приехали студенты из ГДР и Чехословакии. Конечно, кроме делового обмена мнениями и достижениями, было много песен, игр и разных шалостей. Например, В. Н. Тихомирова пытались научить играть на гитаре. В память об этих днях, исполненных надежд на грядущую гармонию природы и человека, у столовой посадили маньчжурские орехи и лиственницы.

В 1978 году вышла «знаковая» монография Н. Ф. Реймерса и Ф. Р. Штильмарка «Особо охраняемые природные территории». А в мае 1984 года на ЗБС собралась конференция Дружин, чтобы обсудить проблемы организации особо охраняемых природных территорий, прежде всего — заказников. Программа конференции поэтому включала не только обмен практическим опытом, но и серьёзную теоретическую базу. После конференции координация усилий молодёжных организаций укрепилась, а их деятельность вышла на новый виток, охватив движение Дружин всего Советского Союза. Научно обоснованная межвузовская студенческая стратегия, координирующая организацию сети особо охраняемых природных территорий в разных регионах, стала называться междружинной программой «Заказники».

В 1985 году Дружине исполнилось 25 лет. К этой дате ЦС ВООП выделил деньги на съёмки фильма о ДОП. Снимала его Центральная студия документальных фильмов — главная документальная студия в СССР. Большая часть съёмок проходила на ЗБС. Студенты, конечно, не принимали происходящего всерьёз и подтрунивали над режиссёром, который был и впрямь довольно циничен и к тому же любил приложиться к бутылке, что в Дружине было неприемлемо. Эти отношения отразились в комических стихах о съёмках фильма (автора, к сожалению, я не помню):

Ребятки, щас мы всех вас снимем,
Вот этот дядя — режиссёр!
Над ним смеяться некрасиво —
Семинарию кончил он!

Потом ударился в искусство,
Уж так у нас заведено:
Куда ж вы все? Ну, чтоб вам пусто!
Сниматься не хотят в кино!

Тогда мы съездим на моторке,
Где здесь поближе магазин?
Что кинохронику пятёрка?
Плачу я лично за бензин!

А то директор рупь добавит,
Он сам бутылку хряпнуть рад!
Вот чёрт, да кто ж ему поставил?
Чей спальник спёр и дрыхнет, гад?

По-быстрому костёр зажгите,
Не важно, что в разгаре дня!
Кружочком молча посидите
И все послушайте меня!

Я интервью у вас возьму...
Всё, тихо в студии, мотор!
Вот чёрт, я просто не пойму.
Как оператор сел в костёр?

Ах, он не сел? Но всё ж хотел?
Ну, это просто не смешно!
Да, я порядочно вспотел,
Пока снимал о вас кино!

Обед готов? Да что ж вы ждёте?
Опять в тарелке солитёр?
Уж лучше околеть в работе...
Всё! Тихо в студии! Мотор!

Ну что? Пора продолжить съёмку!
Вот Лилечка нам подойдёт.
Ах, как похожа на девчонку,
Кутил с которой прошлый год...

Что там? Дерьмо плывёт по Волге?
У рыб наметился замор?
Берите колбу и по локти...
Всё! Тихо в студии! Мотор!

Теперь мы песенку запишем.
Да уберите микрофон
Из кадра! Да, про тех, погибших...
Всё! Тихо в студии! Мотор!

Фильм получился довольно наивный и совсем коротенький — всего 10 минут, хотя отснято было много. Всё дело было в скромном финансировании. Очень жаль, что мы не догадались выпросить у съёмочной группы весь отснятый материал. Тем не менее — это страница истории ДОП, запечатлённая в документальных кадрах. Некоторых героев этих съёмов, в том числе куратора, с нами уже нет.

В 1986 году мне представилась возможность съездить на фестиваль экологических фильмов в чешский город Остраву. Конечно, сразу пришло в голову отвезти туда фильм о Дружине. Но как его официально представить на конкурс? За советом я пошла к К. Н. Благосклонову, который не раз бывал на этом фестивале. Он меня расстроил: такие вопросы решает комиссия Госкино, а её могущественный председатель Санцевич все роли распределяет сам и ничьих аргументов не принимает.

Тогда я решила отвезти фильм без благословения комиссии, просто оформив разрешение на вывоз. На любую рукопись, и тем более на фильм, надо было получить специальный документ. Несколько дней я ходила по кабинетам и организациям, пока время не кончилось. Тогда я завернула фильм в газету, положила в авоську и приехала в аэропорт. Никто не обратил внимания на то, что я там везу! Дело в том, что мы летели на фестиваль по служебным синим паспортам, а не по гражданским красным. У нас ничего не проверяли!

В Остраве наш фильм показали вне конкурса, но при большом стечении народа. У меня даже зашипало в горле, когда на экране появились дружинники на фоне биостанции. За пределами своей страны всё выглядит по-другому! Жюри положительно оценило ленту в заключительном выступлении, хотя никакого приза или грамоты как внеконкурсной ей не полагалось. И всё-таки мир увидел это кино! Режиссёры из советской делегации поздравляли меня так, как будто это я снимала! Потом пресса взяла у меня интервью, чем были очень недовольны члены команды от Госкино (а возможно и ещё от одной организации). Больше всего журналистам понравилось, что я отметила чёрных дроздов, разгуливающих по газонам Остравы. Может быть, сами они тогда впервые

обратили на птиц внимание? Коробки с плёнкой остались в коллекции жюри, и обратно я летела налегке.

Просветительская роль Дружины на звенигородской практике долгие годы выливалась в экскурсионную деятельность. За лето около 500 пионеров из окрестных лагерей «Мирный», «Дружба», «Чайка», «Имени Гайдара» и других проходили через «экологическое сито», организованное Дружиной. Зачинателем и вдохновителем этого дела был К. Н. Благосклонов. До последних дней жизни летом 1985 года он с восторгом наблюдал, как студенты, только вчера постигшие азы полевой зоологии и ботаники, как заправские экскурсоводы показывали школьникам аквариумы и гербарии, синичники и кормушки, учили пользоваться биноклем и правильно вести себя в лесу. Он не уставал повторять, что «рассказывать надо только о том, что показываешь» и что «знания передаются ученикам через эмоции преподавателя». Как нам пригодились эти советы! Константин Николаевич не скрывал, что не смог бы так интересно рассказать детям о растениях или рыбах, как это получалось у некоторых первокурсников! И это его особенно радовало.

В числе заказников, утверждённых при содействии Дружины в 1981 году⁶, было озеро Глубокое в 18 км от ЗБС. Это замечательное место со старейшей в Подмосковье гидробиологической станцией, населённое к тому же сотрудниками, среди которых есть выпускники Дружины нескольких поколений. В 1980-х годах оно оказалось в довольно уединённом и глухом уголке Подмосковья. Вокруг озера в результате ликвидации «неперспективных» деревень образовалось ши-

⁶ Заказник на оз. Глубокое был формально образован в 1966 году, а в 1981 году было утверждено составленное нами положение, а площадь заказника увеличена в три раза (прим. Н.А. Соболева).

рокое кольцо совершенно безлюдных густых заболоченных лесов, кое-где прорезанных труднопреодолимыми мелиоративными канавами. Названия Ордино, Тимонино, Терехово, Велькино, Петрово, Куркино ещё сохранялись на картах, а самих деревень уже не было. Это оказалось благоприятно для фауны, а стало быть и для Дружины, устроившей серию экспедиций по обследованию окрестностей озера. С 1978 по 1992 гг. мы почти каждое лето переносили полигон самостоятельной работы для группы студентов с ЗБС на Глубокое: запасались, как могли, продуктами, что в ту пору было не так-то просто, и уходили на неделю к озеру через леса и болота. Проезжей дороги на Глубокое не было, ездили зимой на санях от деревни Андреевское. Пройти и летом можно было только в болотных сапогах. Электричества на биостанции тоже не было, освещали избу свечками, готовили на костре. Зато была настоящая полевая работа! Помню, как-то мы бродили целый день по пояс в болоте, а наши собаки не могли достать лапами до дна, да так и плавали рядом. Впоследствии на Глубокое провели дорогу и свет, а на полях выросли коттеджи. Если бы не статус заказника, «пробитый» членами Дружины через все бюрократические рогатки, само озеро оказалось бы под угрозой.

Очередной скандал «с подачи» Дружины разыгрался на факультете в конце 1980-х. Не секрет, что мелкие нарушения режима охраны заказника существовали всегда, и только бдительный контроль не позволял им разрастаться до неприемлемых масштабов. Однако осенью 1986 (или 1987?) года масштабы вырубки взрослых здоровых деревьев явно превысили все мыслимые приличия. Привезённые Дружиной с места событий фотографии дважды опубликовала газета «Московский университет» под выразительным заголов-

ком «Заказник или лесосека?» К расследованию инцидента подключился студенческий комитет. Выяснилось, что в ходе рубки на большой площади был повреждён травянистый и почвенный покров, в том числе — с редкими видами растений, изуродованы просеки, пешеходные дороги превращены в глубокие канавы. Дальнейшее развитие событий было неожиданным: чтобы как-то загладить случившееся, из ближайшего карьера было привезено несколько самосвалов известняка, которым завалили испорченные дороги. Однако камня оказалось слишком много, просеки после «ремонта» превратились почти что в горные хребты. Общественность снова возмутилась, и злополучный известняк пришлось увозить обратно. В этих перипетиях прошла половина зимы. А весной деканат сменил руководство биостанции, правда, ненадолго. Народное творчество незамедлительно запечатлело эти события.

Алло-алло, декан и замдекана!
Дела идут, и мы горды!
У нас, конечно, всё по плану,
За исключением ерунды:
Дерева кто-то там таскал,
С дорожек почву ободрал,
Возили грунт и камень мы,
Дороги стали — что холмы,
А в остальном, прекрасная маркиза,
Всё хорошо, всё хорошо!

В Московском университете, как и повсюду, охрана природы финансировалась (если финансировалась) «по остаточному принципу». Добыть денег на два десятка инфор-

мационных щитов членам ДОП (а отнюдь не тогдашнему руководству биостанции!) удалось только в 1985 году, через четыре года после утверждения заказника. До того их рисовали сами, изготовив из подручных средств, и такие изделия были недолговечны. Но и более надёжным щитам, сделанным из жести для консервных банок (на изнанках красовались этикетки дефицитного растворимого кофе), через десять лет пришёл конец. От них осталось лишь ржавое железо. О том, чтобы получить средства на новые щиты из официальных источников, в середине «лихих девяностых» нечего было и думать. Тогда дружинники решились и написали заявку на получение «малого гранта» в российско-американский неправительственный центр «ИСАР», открывшийся среди прочих в Москве. Финансирование в форме грантов было тогда ещё новшеством. Программа по распределению денег называлась «Семена демократии», а в совет входили российские эксперты, хорошо знакомые с ситуацией в социально-экологической сфере. И в 1996 году на нужды ЗБС получили — ...целых 500 долларов! Сюда входили информационные щиты, новые квартальные столбы (лесоустройство не проводилось с 1986 года) и даже домики для летучих мышей. Обо всех расходах был представлен подробнейший отчёт. Правда, столбы так и не дошли до леса: по случаю увольнения отвечавшего за их установку лесника их попросту пустили на дрова. А щиты были изготовлены, благополучно провисели несколько лет и немного не дожили до изменения законодательства, официально изгнавшего международные фонды из России.

Ёлочная кампания. Заглохшая сегодня в Москве ёлочная кампания поглощала все наши силы в самое горячее для учёбы время — в зимнюю зачётную сессию. Начиналась она

21 декабря и заканчивалась под Новый год. Успешно сдавать сессию одновременно с круглосуточными дежурствами на вокзале (преимущественно Киевском) было чрезвычайно сложно. Но мы умудрялись делать и то, и другое. Чем ближе был новогодний праздник, тем чаще становились попытки протащить через вокзал незаконно срубленные в подмосковных лесах ёлки, тем меньше оставалось времени на последние зачёты, тем ожесточённее был накал страстей при задержании нарушителей. В народе наша работа не пользовалась популярностью: граждане, как правило, считали, что мы сами эти ёлки потом продаём. Разубедить их было трудно. Одна колоритная старуха как-то всю ночь провела под дверью дежурного помещения, ритмично раскачиваясь взад-вперёд со словами «Пусть господь пошлёт на вас страшную погибель!» Чтобы продемонстрировать окружающим, что и инспектора рискуют, однажды устроили такую инсценировку. Одного инспектора (К. Кривошапова) положили на овчинный тулуп, словно он пострадал в неравной схватке, и, взяв за четыре конца, торжественно пронесли сквозь толпу в двери ревизорской. Особенного эффекта это не произвело: народ на вокзале непрерывно сменяется.

В дежурствах принимали участие почти все студенты-младшекурсники, выезд на дежурство приравнивался к выполнению комсомольского поручения. Для дежурства выделялись обычно помещения, куда ревизоры приводили задержанных безбилетников для выяснения личности и оформления протокола. В ходе ёлочной кампании мы работали с ними по одной схеме, хотя в остальной жизни были «по разные стороны баррикад», ведь студенты, как правило, ездили без билетов! Чтобы проверить названную нарушителем фамилию, надо было связаться с Центральным адрес-

ным бюро по телефону. Там отвечали на запрос только после произнесения пароля. Обычно это были некие «железнодорожные» слова: «гудок», «сигнал» и т.п. Пароль менялся каждый день. Нам его сообщали ревизоры. Работа приобретала детективный оттенок. Обстановка разряжалась с наступлением ночного перерыва в движении поездов, примерно с часу до четырёх. Мы ставили чайник и до утра предавались безделью — травили байки, дремали, вспоминали эпизоды кампании... До часу и после четырёх дежурный оставался в штабе, а группа ездила на электричках до ближайших станций и вылавливала ввозимые в Москву ёлки, доставляя их вместе с владельцами в ревизорскую. Нарушители быстро поняли, что везти ёлки через вокзал опасно, но других способов в 1960-х годах практически не было. Позднее стало можно выходить из поезда, не доезжая до вокзала, и пересеживаться на автобус. Инспекторские группы начали дежурить на тех платформах, которые были связаны с автобусными маршрутами. Было несколько крупных стычек при попытках пересест с ёлками в автобус. Тогда родилась присказка: «Зубакину дали в зубы, а Глазову дали в глаз!»

Позднее появился способ курсирования на машине между инспекционными точками для сбора конфискованных ёлок, так как инспектора не могли их сложить в запёртом помещении, как на вокзале. А сложенные в ненадёжном месте они быстро оказывались украденными. Однажды мы с В. Куликовым весь вечер ездили, собирая ёлки. Чтобы я быстрее залезала в кузов, Валера каждый раз втягивал меня туда за шиворот. В конце рейда воротник у меня оказался напрочь оторванным.

После очередного дежурства конфискованные ёлки подлежали сдаче в объединение «Мосцветторг» для реализации

в торговой сети. В последний предновогодний день их не брали — не было времени на торговлю. Тогда распределяли своими способами — в общественные учреждения или на факультете. Попадались особенно высокие стройные деревья, которые трудно было назвать «ёлочками». Про одно такое Тихомиров сказал: «А это — почти деловая древесина!»

Приходилось охранять и живые ёлки в Ботаническом саду МГУ. Участились попытки их воровства в предновогодний период. Морозными вечерами, одевшись потеплее, мы регулярно по двое-трое курсировали вдоль ограды по Менделеевской улице и обсуждали все текущие научные и житейские дела, но, к счастью, так и не встретили ёлочных воров.

Позднее наступила эпоха пропаганды ёлочных букетов как альтернативы срубленным деревьям. А от традиционных дежурств на вокзале осталось ощущение азарта, хроническое недосыпа и риска завалить зачётную сессию.

Когда над миром сессия гудит,
Суля нам неприятностей немало,
Мы дни проводим в суете вокзала,
Не думая, чем это нам грозит!
Нам скажут: «Глупо ёлки охранять,
Когда их всё равно уже срубили!»
При этом вы, наверное, забыли,
Что завтра повторится всё опять!
Что встанут поредевшие леса,
Не будет в них ни птицы, ни оленя,
У них не будет новых поколений,
У вас — не будет веры в чудеса!
Не выдайте меня, мои друзья!
Я ничего плохого не затею,

Помочь стараясь так, как я умею,
Хоть и помочь на первый взгляд нельзя.
Не выдайте меня, мои цветы!
Вас заслонив от вора и невежды,
Я вам оставлю капельку надежды
На сохраненье в мире красоты.
Не выдайте меня, мои леса!
Вторженьем вас стараясь не обидеть,
Я вместе с вами так хочу увидеть,
Что на земле возможны чудеса!
Благодарю декабрьские снега,
Предновогодних мук святую школу:
Из-под пера летели протоколы,
Как очередь в убежище врага!
И мы не зря, чего-то не досдав,
Не для отчёта и не для проформы,
Топтались на заснеженных платформах,
Мотались в полуночных поездах!
Дрожали наши вечные враги!
И пусть деканы с нами были круты,
Мы пролагали новые маршруты
И отдавали старые долги!
Судьба и боль на всех была одна:
Так не бушуйте, власти и погоды!
Пусть грянет вновь священная война
За десять дней до окончанья года!

Эти стихи я сочинила, когда кампания в форме дежурства на вокзале давно ушла в прошлое. Наверное, в них отражена не столько охрана «ёлочного ресурса», сколько психология студента-дружинника, сплочённость коллектива единомыш-

ленников, равенство личных и общих интересов. Ни о чём таком мы тогда, конечно, не думали, это всплыло спустя много лет.

Ещё одним зимним природоохранным мероприятием были выезды по воскресеньям на Птичий рынок, находившийся тогда в традиционном месте, на Таганке. На «Птичке» я освоилась задолго до прихода в Дружину. Большую часть её в то время занимали голубятники со своими клетками, второй по размеру сектор отводился аквариумистам, на задворках ютились собачники, а в центре было несколько прилавков с канарейками и удивительно колоритными дедушками, торговавшими птичьими кормами в мешочках. Каждый год Мосгорисполком возобновлял постановление, запрещавшее торговлю с рук дикими певчими птицами. Но их, конечно, продавали из-под полы. Чтобы уличить продавцов, шли на разные хитрости. Следили за покупателями, запускали девушек с «наивными» вопросами, прикидывались «чайниками». Иногда удавалось конфисковать чижа или щегла, но настоящие птицеловы попадались редко: основной товар они держали за пределами рынка. Конфискованных птиц выпускали в скверике за рынком. Один раз зимой выпустили десятка два щеглов. При виде «освобождённых» птиц у меня сжалось сердце: их или плохо содержали, или они уже давно не жили на воле. По их поведению было ясно, что долго им не прожить! Это закрепило у меня скептическое отношение к работе на рынке. Закон законом, но ведь и здравый смысл должен сохраняться!

А вот другой пример. Как-то мы с Д. Н. Кавтарадзе совершили рейд на ВДНХ, где в дальнем углу на границе с Ботаническим садом РАН за павильоном был устроен настоящий точок — место ловли певчих птиц сетями на приманку. Пой-

манных птиц содержали в подсобке. У ловцов образовались крупные неприятности после нашего визита. По итогам этого рейда в одной из центральных газет была напечатана заметка «Синица в руках». Безусловно, рейд был полезен, он помог ликвидировать постоянную точку незаконного отлова.

Дни рождения и юбилеи Дружины. Запомнились шуточные телеграммы, полученные Дружиной к её 10-летнему юбилею 13 декабря 1970 г. Их бережно сохранила ветеран ДОП д.б.н. Н. Л. Горбачевская. По прошествии времени многие уже невозможно оценить без комментариев.

1. «В связи с государственным переворотом в Мали предлагаю свою кандидатуру на пост ответственного за сектор браконьерства. Модибо Кейта».

[Модибо Кейта (фр. Modibo Keita, 4 июня 1915 — 16 мая 1977) — африканский и французский политический деятель, лидер малийского национально-освободительного движения. Первый президент и глава правительства Мали (1960–1968). Основатель партии Суданский союз — Африканское демократическое объединение и её первый генеральный секретарь (1947-1968). Один из крупнейших теоретиков т. н. африканского социализма.]

2. «Повышаем моральный уровень, пьём только за вас. Туристы».

[В Дружине начиналась работа по изучению влияния туризма на природу].

3. «Мысленно с Вами. М. М. Бочкарёв».

[Бочкарёв Михаил Михайлович — председатель Госкомитета лесного хозяйства СССР в 1960-х гг. По совместительству браконьер].

4. «Ведутся съёмки нового фильма «Фантомас против ДОП». С приветом, студия «Мосфильм».

[То было время повального увлечения фильмами про Фантомаса].

5. «В ПТЗ Фантомас убил зубра. Мацкевич».

[Министр сельского хозяйства, замеченный неоднократно на охоте в Приокско-Террасном заповеднике. Застать его лично за этим делом не удалось, несмотря на многократные попытки. См. «план захвата»].

6. «Связи с юбилеем передаём вечное пользование два танка Т-34. Министерство обороны».

[Незадолго до этого Министерство связи подарило Дружине две рации!].

7. «Танки в помещении пожарной охраны хранить запрещать». Замдекана по хозчасти Васильев.

[Штаб в те годы делил помещение с пожарной охраной в рекреации зоны А].

8. «В связи с юбилеем Дружины приказываю открыть заповедник в районе р. Дубны (Вербилки) с подчинением Министерству сельского хозяйства. Алексей Николаевич Косыгин» [председатель Совета Министров СССР].

9. «К 10-летию юбилею Дружины обязуемся воспитать в своих рядах 2-х Дарвиновых, 3-х Тургеневых, 1-го Толстого, 3–4-х Пришвиных. Охотники».

10. «В связи с 50-летием ВЛКСМ и за заслуги перед советской властью объявить сбор металлолома на памятник первому командиру Дружины Е. Сманцеру. ЦК ВЛКСМ».

11. «Пекин. Приветствуем революционных рыцарей Киевского вокзала. 10 тысяч лет жизни декану Н. П. Наумову. Хунвейбины».

[Хунвейбины («красногвардейцы») — члены созданных в 1966–1967 годах отрядов студенческой и школьной молодёжи в Китае, одни из наиболее активных участников Куль-

турной революции. Этот период 1966–76 гг. характеризовался крайней политизацией всех областей городской жизни, насилием, творимым поощряемыми сверху бандами молодёжи, и хаосом в партийном руководстве страны].

12. «Отводим номер вопросу охраны сумчатого волка. Готовьте материалы. Журнал «Наука и жизнь».

[Сумчатый волк или тилацин вымер в 1930-е годы. См. <http://www.youtube.com/watch?v=NOgEXJYfWX4&hl=ru>. Характерно, что в 1999 году Национальный австралийский музей в Сиднее объявил о начале проекта по созданию клона сумчатого волка с использованием ДНК щенков этого животного, которые сохранились в музее, а в мае 2008 года учёным удалось заставить один из генов сумчатого волка работать в мышинном эмбрионе].

13. «Жду обещанную сеть тчк Ждите обещанную машину тчк Директор автобазы МГУ».

14. «Париж. Елисейские поля. Франк пал. Нет ничего вечного зпт кроме Дружины по охране природы тчк Шарль Де Голль».

Инспекторские учения. Каждый год 13 декабря Дружина должна бы отмечать день своего рождения. Но это происходит нерегулярно. Ведь дел так много, что даже новый год часто приходится встречать в полевых условиях, например, в ходе обследования очередного из двухсот сорока заказников Московской области. Но раз в десять лет юбилейные торжества происходят обязательно. Правда, и тут не обходится без «делового компонента»: праздник обязательно совмещается с обсуждением текущих задач, подведением итогов и, конечно, полевой работой. Время от времени юбилей проходит на Звенигородской биостанции. Так было и в декабре 2010 года, когда Дружина отмечала полвека своего суще-

ствования. Приехали не только гости из регионов России, но и бывшие студенты, те, кто стоял когда-то у истоков разных направлений природоохранной деятельности. Отработка навыков оперативной работы была представлена особенно разнообразно. Группа, имитировавшая отряд инспекторов, встретила и «нерадивых туристов», разжигавших костёр в заказнике, и псевдо-рыболова с устройством для глушения рыбы, и горе-агронома, пытавшегося поджигать сухую траву, и мирного научного сотрудника, расставлявшего ловушки на мелких грызунов. Все выявленные нарушения требовалось оформить в установленном порядке, а с нарушителями провести разъяснительную работу, дабы впредь поступать так им было неповадно. И хотя во многих «нарушителях» можно было узнать бывших студентов, все исполняли свои роли очень естественно и с большим энтузиазмом. Учитывая крайне ограниченные возможности общественных инспекторов в современных условиях, эти «ролевые игры» были очень полезны для поддержания навыков оперативной природоохранной работы.

Фольклор

Диалог В. Зубакина и Д. Кавтарадзе

Представлен Александром Мищенко и Ольгой Сухановой в форме кукольного спектакля на 35-летнем юбилее Дружины

З. Ой, Дим, однако ж мы в заказнике!
И надо сделать нам учёт!
К. У нас и так без вас, проказники,
Глобальных дел невпроворот!

К. Мы, Вить, займёмся ЭКОПОЛИСОМ
Мы кого надо — убедим!
Через семь лет упорных поисков
Рекомендации дадим!

Проблемы мы решим насущные
И наш дальнейший план таков:
Распространим мы опыт Пущина
На Клин, Донецк и на Тамбов!

Сперва напишем мы инструкции,
Брошюру выпустим затем,
Потом мы методом дедукции
Составим список важных тем.

З. Ой, Дим, беда над заповедником!
Нам надо что-то предпринять!
Мы обойдёмся без посредников,
Самим придётся бой принять!

Мы им сорвём мелиорацию,
Все им сумеем доказать...

К. Я напишу вам аннотацию,
Поставлю подпись и печать.

З. На радость новым поколениям
Орнитокомплекс сохраним.
К. Чтобы узнать вам птичье мнение,
Мы вам психолога дадим.

К. и З. хором: Дружинник, будь принципиальнее!
И чтоб природа расцвела,
К. Нужны программы нам глобальные!
З. Нужны конкретные дела!

Был ли в Дружине сухой закон и в каких случаях он нарушался?

Был не всегда. В 1960-х специально такого закона не принимали, но особенных злоупотреблений алкоголем я не помню. В 1970-х наоборот, закон был принят в радикальной редакции, что вызывало протест у некоторых старших дружинников. На эту тему порой разгорались жаркие споры.

Были ли продовольственные проблемы и как их решали?

Продовольственные проблемы во времена СССР были всегда. Мы «не делали из еды культа». К дефициту все привыкли и не обращали на него особенного внимания, чтобы не усложнял жизнь. Хотя никакой особенной голодухи я не помню, рацион был довольно скудный. В конце одного из юбилеев выяснилось, что еда необратимо кончилась. Когда к вечеру собрались ехать домой, на соседней базе охотники праздновали «отвальную». Остановившись, послали «женщин и детей», благо среди нас были и те, и другие, покоядовать. Через некоторое время посланцы вернулись с добычей.

«Чем хуже живём, тем лучше едим!» — эта поговорка часто звучала в ходе инвентаризации привезённой на выезд пищи. Во времена тотального дефицита каждый старался захватить с собой из домашних припасов самое лучшее.

Взаимодействие со СМИ. Сами дружинники, как правило, регулярно не писали в СМИ, не хватало их на это. Время от времени Дружина всё же сотрудничала с журналистами. Немало способствовал этому К. Н. Благосклонов, он сам был

прекрасным популяризатором природы и часто выступал в прессе. Несколько раз он проводил встречи с редакторами немногочисленных в ту пору природоохранных периодических изданий: например — с Н. Филипповским, составлявшим брошюры серии «Человек и природа» издательства «Знание». В редакции газеты «Московская правда» КНБ организовал постоянную рубрику «Город и природа», где были и публикации дружинников о первоцветах, ёлочной кампании, благоустройстве. Как-то при мне на факультет позвонил расстроенный персонаж одной из публикаций на тему незаконно добытых ёлок и долго сетовал, что «после вас у меня неприятности на работе». Конечно, это был не единственный звонок. В деканате такие жалобы воспринимали спокойно благодаря лояльной по отношению к Дружине позиции декана Н. П. Наумова.

Среди журналистов, с которыми мы общались, были великолепные профессионалы: Л. И. Графова — в «Комсомольской правде», В. М. Егикова — в «Московской правде» и другие. Попытки наладить сотрудничество с «зубром» отечественной журналистики В. М. Песковым не увенчались успехом. Слишком он был самодостаточным. Единственный «круглый стол» с его участием как-то провели в редакции «Комсомольской правды» на тему Байкала. Вёл встречу замечательный учёный — академик Петрянов-Соколов. Значимого результата, насколько я помню, от неё не было. Зато гораздо более эффективны были несколько встреч Дружины с журналистами в редакции только что созданного журнала «Природа и человек». После этого, если память не изменяет мне, кое-кто из штатного состава редакции вынужден был уйти.

В конце 1980-х состоялся очень полезный «круглый стол» о движении Дружин, организованный журналистом Верой

Жиляевой совместно с Е. Шварцем, Н. Соболевым и А. Зименко в газете «Советская Россия». О нём писал Е. А. Шварц в сборнике «И мир пройдёт по нашим вехам».

Встречались среди журналистов и нелепые фигуры, которых, как мы ни старались, никак нельзя было настроить на нужную волну (журнал «Наука в СССР»).

Уже позже, с 1979 по 1989 годы, я вела под эгидой Молодёжного Совета МГУ по охране природы созданную С. Забелиным в многотиражке «Московский университет» страницу «Человек и природа», заставку для которой нарисовала убеждённый и постоянный член ДОП Е. Н. Букварёва. Сперва казалось, что страница может стать дневником не только Дружины биофака, но и всего студенческого природоохранного движения. Но, хотя она выходила благодаря моим усилиям целых четыре раза в год, дискуссионные материалы в ней почти не появлялись, а все «подозрительные» места старательно вымарывались редакцией. Университетская газета была всё же слишком официальным изданием для нашего жанра. Конечно, сам факт существования страницы был полезен, так как она содержала элементы просвещения и не давала забывать о существовании Дружины. Материалы, опубликованные на странице «Человек и природа», составили основу сборника «Природа — вся наша жизнь», вышедшего сразу после 40-летнего юбилея ДОП биофака.

О семье. Мой муж, Николай Чернышёв, активно работал в Дружине в начале-середине 1970-х, ездил на оперативные выезды и в экспедиции. Вместе с другими членами сектора по борьбе с браконьерством наладил плодотворное сотрудничество с государственными инспекциями, что удавалось далеко не всегда. Мой сын, Василий Чернышёв, прошёл школу Дружины в 1990-х, участвовал в учётах журавлей, строительстве

плотин на мелиоративных канавах, дежурствах на вышке, словом, во всех «трудовых буднях» Журавлиной Родины и не только... Полагаю, что это пошло ему на пользу.

Остался ли в Вашей памяти съезд Дружин по охране природы в 1972 году? Что это было такое?

В июне 1972 года Стокгольмской Конференцией ООН по охране окружающей среды была принята Декларация о том, что улучшение качества окружающей человека среды является выражением воли народов всего мира и долгом правительств всех стран. А вслед за ней 20 сентября 1972 года Верховный Совет СССР принял Постановление «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов», где сказано: «Охрана природы и рациональное использование природных ресурсов... становятся одной из важнейших общегосударственных задач, от решения которой зависит успешное выполнение народнохозяйственных планов, благосостояние нынешних и будущих поколений».

Так вышло, что буквально на следующий день, 21-23 сентября 1972 года, на биофаке МГУ впервые собрались вместе делегаты от 34 Дружин из 28 городов СССР. Они поделились друг с другом своими достижениями и планами. Оказалось, что все занимаются примерно одним и тем же. Представители природоохранных ведомств — Минлесхоза, Главохоты при Совмине РСФСР, Главприроды Минсельхоза СССР, Главрыбвода, МВД тоже явились на это собрание и докладывали о важности поставленных задач. Всё это стало возможно благодаря давно назревшим и принятым решениям международного уровня. А в конце собрания в зал вошли дружинники-казанцы с большой красной свечой в резном подсвечнике, и Вадим Николаевич Тихомиров бережно зажжёт спичку

и поднёс к свече в полном молчании зала. Стояла мёртвая тишина, пока язычок пламени не разгорелся вовсю, и только тогда грянули аплодисменты! Как тут не вспомнить крылатые слова: «Когда идеи овладевают массами, они становятся материальной силой». Мы твёрдо верили, что пламя, разгоревшееся по всей огромной стране из искр нашего энтузиазма, останется негасимым.

Принесла ли работа Вашего поколения объективную пользу природе, и в чем Вы видите её результаты сегодня?

Да, принесла. «Новая волна» природоохранного сознания в конце 20-го века широко проникла в массы, а те, кто прошёл школу Дружин, были её активными носителями. Про формирование из выпускников ДОП «руководящего звена» и корпуса рядовых сотрудников как государственных, так и неправительственных организаций уже писали многие мои коллеги. Ну и вообще Дружина воспитала замечательных людей, настоящих учёных. Сколько выдающихся преподавателей и исследователей выросло в каждом поколении — попробуйте посчитать, я не берусь! И, как правило, не просто выдающихся, а обладающих цельным характером и здоровой нравственностью, а это в наше время — редкость.

Много в топке минувшего дней сожжено,
Но в дружинных шкафах цепко держат архивы
Не простые бумаги, а то, что должно
Дать нам новую веру и новые силы.

Сорок лет за спиной, как багаж в сорок тонн,
Мне вовек в одиночку, поверь, не осилить:
«Сорок тысяч друзей, сорок тысяч имён —
Как нам их сохранить в ошалевшей России?», —

Можешь Витьку Волошина тихо спросить,
Положивши ладони на мрамор холодный.
«Вам за нас предстоит и бороться и жить!» —
Так вам скажет и Таглин, навеки свободный.

С фотографий поблѣкших, среди рваных сетей
Они смотрят на вас сквозь горящие годы,
На Движенья Дружин непокорных детей,
На последнюю каплю надежды Природы.

*С. Г. Мухачёв. 13 октября 2000
(ред. К. В. Авиловой с разрешения автора)*

Самая большая несправедливость современности — неостребованность энтузиастов, получивших такое нужное «второе образование» в области практической природоохранной деятельности. Остаётся верить, что этот негативный для природы период закончится, как бывало уже не раз, и возросший авторитет Дружины снова умножит её ряды.

Горбачевская Наталья Леонидовна,

д.б.н., профессор, в.н.с. лаборатории нейрофизиологии
Научного центра психического здоровья (НЦПЗ),
заведующая научной лабораторией Московского
государственного психолого-педагогического университета

В Дружине с 1966 года, узнала о ней от подруги, с которой в школе ходили в походы и которая уже училась на геологическом факультете. Она сказала, что на биофаке есть организация, которая активно занимается охраной природы, и что ей очень понравились студенты, с которыми она познакомилась в электричке, когда те возвращались с выезда. В комитете ВЛКСМ факультета я поинтересовалась, где можно что-то узнать о Дружине, они указали мне на кудрявого паренька в синем свитере (это был Дима Кавтарадзе), который отвёл меня в Штаб Дружины, располагавшийся в небольшом помещении на первом этаже. Там было человек 15 молодых людей довольно серьёзного вида (по-видимому, довольно многие из них были членами охотколлектива биофака), которые обсуждали смену руководства Дружины. Сергей Николаевич Иванов, тогдашний командир (уже достаточно взрослый человек, отслуживший армейский срок), слагал свои полномочия. Все ждали Вадима Николаевича Тихомирова, чтобы начать заседание. Вопрос решился довольно быстро, и новым командиром Дружины стал Дима Кавтарадзе, который тогда учился на втором курсе. Потом обсуждали предстоящий выезд, и Вадим Николаевич предложил мне поехать с ними. Первый выезд произвёл на меня неизгладимое впечатление: он был чётко организован, старшекурсники проводили инструктаж, учили нас, первокурсников, которых было несколько человек, основным правилам поведения на выезде, мы принимали участие

в задержании нарушителей охотничьего законодательства, помогали составлять протоколы. Помню, когда мы ждали машину, чтобы ехать обратно, к Ксении Авиловой (третий курс) подошёл мой однокурсник Валера Куликов с какими-то сухими былинками и стал у неё спрашивать их название. Я была просто потрясена, когда она назвала их все по латыни. На втором выезде, который состоялся через неделю, было 9 человек, причём никто, кроме меня, не был ранее на выездах, и поэтому мне пришлось взять на себя ответственность за организацию нашей работы. Мы помогали егерям составлять протоколы на нарушителей (которых было более 20 человек). После этого на заседании Штаба Дружины, где я высказала своё возмущение отсутствием на выезде дружинников, мне было предложено возглавить работу организационного сектора. Как-то нашла списки членов Дружины — 68 человек (это 1967–1968 гг.). Активной работой в Дружине занималась до 1970 года, потом принимала участие в экспедиционной работе до 1976 г. Годы работы в Дружине были самыми лучшими годами юности, которые оставили самый важный след в жизни. Мы до сих пор дружим, наш Штаб (правда, уже не в полном составе) ежегодно собирается, мы знаем, что мы всегда можем рассчитывать на дружескую помощь бывших дружинников. Работа в Дружине дала навыки организаторской деятельности: практически все студенты, которые в наше время были в Штабе Дружины, использовали их в своей работе (из 11 членов Штаба 1966–1968 гг.: 4 руководителя лабораторий или кафедр, 1 учёный секретарь, 1 декан).

В наше время остро встала проблема влияния неорганизованного туризма на природу. Константин Николаевич Благодосклонов всё время критиковал наше стремление заниматься практической работой в виде выездов на борьбу с браконьер-

ством, он говорил: «Нельзя забивать гвозди микроскопом». И вот в 1967 году мы организовали научную конференцию по проблеме влияния туризма на окружающую природу, а в 1968 году первую научную экспедицию по исследованию влияния туризма на природу Соловецких островов. Экспедиция была профинансирована ВООП, от этой же организации был с нами и её представитель. Из дружинников были Сергей Иванов (бывший командир Дружины), Свет Забелин, Андрей Кубанин, Нина Сухорукова, Александр Ревущин, Андрей Филимонов. Мы изучали флору и фауну Большого Соловецкого острова как экспериментальную площадку, где было более всего заметно влияние туристов. В качестве объекта сравнения был выбран остров Анзер, куда туристов не пускали. Кроме того, занимались там и практической природоохранной работой. Получили первый опыт подобной работы и в 1969 г. организовали уже более солидную экспедицию в Подмосковье на берег Пестовского водохранилища. К работе в экспедиции кроме дружинников привлекли студентов, только что поступивших на биофак. Начальником экспедиции был Хамид Умяров.

В целом были следующие направления:

Оперативная работа

Мы ездили на выезды, в основном в Подмосковье, практически каждую неделю. В каникулы ездили в экспедиции или работали в заповедниках и охотничьих хозяйствах. Обычно на выезде было от 15 до 35 человек (на одном выезде было 43 человека). Составляли протоколы на нарушителей, конфисковывали незаконное оружие. У всех членов Штаба Дружины и у многих дружинников были инспекторские удостоверения. Весной ездили на водоёмы, где препятствовали незаконной рыбной ловле. Если возникала необходимость (получали ин-

формацию о незаконной охоте, например), могли ночью выехать на место. Было опасно, мы имели дело с вооружёнными, часто агрессивными людьми, но страшно не было.

К участию в «Ёлочной кампании» привлекали весь курс. Также весь курс (первый и второй) весной принимал участие в операции «Тяга». К каждой учебной группе были прикреплены не менее двух инспекторов из Дружины, которые отвечали за всю организацию выезда.

Наш оргсектор отправлял письма на работу нарушителям. Это была очень важная деятельность, которая занимала у нас довольно много времени.

Выезды в заповедники

Это была самая привлекательная часть нашей деятельности. Обычно с нами ездили наши кураторы, что уже само по себе было праздником. С Вадимом Николаевичем Тихомировым мы были в майские праздники 1967 года в Окском заповеднике, Константин Николаевич Благосклонов зимой 1968 года был с нами в Кызылагачском заповеднике. Практически все каникулы мы проводили или в Дружинных экспедициях, или в заповедниках.

Экспедиционная работа

Начиная с 1967 г. ежегодно летом проводились экспедиции по изучению влияния туризма на биоценозы. Это была прекрасная школа самостоятельного планирования и организации научных исследований.

Организация конференций

Ежегодно проводились конференции, посвящённые различным аспектам природоохранной деятельности.

В период моей активной работы в Дружине командирами были Дмитрий Николаевич Кавтарадзе и Владимир Сергеевич Прасолов.

Было три сектора: организационный (Нина Груздева, Наташа Дургарьян и я), ПАЛ (пропаганда, агитация, лекции) (Татьяна Бек, Сергей Остроумов, Татьяна Погожева) и БСБ (Валера Куликов, Оскар Гавва).

Дружина на факультете была очень заметна. Пришлось даже организовывать обязательную предварительную запись на выезды, так как было много желающих. После выездов Сергей Николаевич Иванов, потрясающий фотограф, делал огромные стенды с фотографиями, которые до сих пор у меня перед глазами. Перед ними постоянно толпился народ.

На выезде еду, которую каждый брал с собой, делили на всех. Экспедиции были организованы серьёзно, мы добивались финансирования, очень экономили, но всегда обеспечивали 3-разовое питание. Готовили по очереди. В первой экспедиции в Подмосковье в 1969 году Аркаша Тишков мужественно взял на себя функции повара, поскольку считал, что все хорошие дела разбиваются о быт.

Машину для выездов обычно удавалось получить в МГУ или в охотхозяйстве, там же обычно предоставляли ночлег. Деньги на экспедиции «выбивали» в ВООПе, были совместные проекты с ИГАНом (Институт географии АН).

Роль кураторов была велика. Они были почти на каждом штабе, мы всё обсуждали вместе с ними. Авторитет их был очень высок. Присутствие на выезде Вадима Николаевича запоминалось надолго.

Весной 1968 года нас пригласили на 10-летний юбилей Кружка по охране природы в г. Тарту. Поехали Дима Кавтарадзе, Сергей Иванов и я. Мы рассказывали о своей работе, Сергей Иванов показал снятый им на выезде фильм. Эстонцев удивило, что московские профессора на равных общаются с дружинниками. Нас удивило их умение очень активно

организовывать досуг, так что в общие игры вовлекались абсолютно все. Потом мы устанавливали связи с другими природоохранными организациями в стране, были совместные выезды, конференция, учения.

Близкие относились к моему увлечению неодобрительно, друзья детства завидовали, товарищи по учебной группе не понимали.

В наше время в Дружине приветствовалась хорошая учёба. Мы брали на выезды учебники, обсуждали сложные моменты, всегда помогали друг другу. Иногда не допускали к выездам дружинников с академической задолженностью. После третьего курса, когда началась серьёзная работа на кафедре, работа в Дружине становилась эпизодической. После окончания учёбы изредка ездила на выезды, иногда в экспедиции. Свободного времени практически не было. Нам приходилось чётко планировать свои дела, что позволяло многое успевать. Мы довольно часто вместе ходили на концерты в консерваторию, посещали выставки, отмечали праздники.

В день рождения Дружины обычно проводили что-то вроде конференции на факультете, а потом выезд.

Дружина дала верных друзей, с которыми вместе всю жизнь прошли уже более 50 лет, навыки практической организационной работы, способность без страха браться за любое сложное дело, умение устанавливать доброжелательные отношения с людьми.

Когда у меня возникли сложности с поиском места работы, именно дружинники помогли мне. Моя дочь знает про Дружину, знакома с дружинниками моего поколения, полностью разделяет наши идеи.

Я всю жизнь занимаюсь нейробиологией психического развития в норме и при различных клинических формах

его нарушения, в частности расстройствами аутистического спектра. Кстати, мы показали роль средовых факторов в патогенезе этого расстройства.

Уже половина века прошла с той поры, время другое, задачи другие. Нам повезло, мы сполна смогли реализовать наши врождённые биологические программы, свойственные всем людям подросткового возраста. С этологической точки зрения Дружина — это молодёжное объединение, называемое «бандой», с праведными целями, интеллектуальными участниками, авторитарным харизматическим руководителем и понятной совместной практической деятельностью. Здесь реализуется стремление к риску, совместные усилия по реализации высоких идей, отрабатываются навыки социальной коммуникации и пр. Если это происходит, биохимические процессы функционируют нужным образом и человек счастлив. И в настоящее время биология подростковая такая же, и это нужно учитывать в организации работы Дружины.

В моём сегодняшнем окружении со времени работы в Дружине остаются: Сергей Иванов, Ксения Авилова, Ирина Дмитриева, Владимир Прасолов, Дмитрий Кавтарадзе, Николай Марфенин, Татьяна Погожева (Мешкова), Сергей Багоцкий, Елена Блюменталь (Лосева), Надежда Григулевич.

Кавтарадзе Дмитрий Николаевич,

д.б.н., в.н.с. кафедры общей экологии и гидробиологии
биофака МГУ

Мало любить природу, надо понимать людей
Э. Шукуров

У человеческой памяти много удивительных сторон. Мало заметна её творческая роль: стоит туда чему-то попасть, и начинаются неспешные и всегда удивительные приключения. Память помогает быть благодарным за прошлое и глубже чувствовать настоящее.

Начало было простым: природа Подмосковья, Пироговское водохранилище, лодки, пристань, мормышка, перемёт, лесные тропинки, грибы и земляника. Позднее стали попадаться консервные банки, бумажные обёртки, битое стекло — ушла культура, пришла цивилизация. Дачники, не деревенские, стали собирать мусор вокруг, сетовать на то, как ведут себя беспечно люди. Появились первые объявления на деревянных столбах: «Сломав орешник или рябину, подумай, что оставил сыну». По ним стреляли из дробовиков, столбы шли на розжиг костров. Стекланные бутылки сдавали и получали в сельпо денежки, поэтому били их редко — деньги ведь.

Простор водохранилища открывал мир закатов и делал родными строки Фета:

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханье ночном, —
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зелёным огнём.

Куда идти после школы и чем заниматься? В МГУ на био-фак. Первый раз перепутал и в день открытых дверей оказался на химфаке. На следующий год восьмиклассником попал на биофак, кафедра цитологии и гистологии была открыта позднее других, и Галина Анатольевна Соколова очаровала. Микроскоп открывал чудеса форм и цветов клеток и тканей. Удивление необычному в биологии охватило и удерживало много лет.

Позднее природа объединяла с лирическими зарисовками, строками своих друзей биофака — дружинников и членов агитбригады. Стихи В. Н. Тихомирова на выездах в Подмосковье, в рязанской Мещёре, песни на Белом море в доме Н. А. Перцова после окончания работы стройотряда. Начав работать на факультете ещё до поступления, о Дружине был слышан от Эдика Седых — одного из первых дружинников. Возрождая смысл отношений студентов — «Дружина», вопрос «ты — в Дружине?» не оставлял свободы для раздумий: этим было всё сказано. Меня приняли в Дружину в 1966 году.

В Дружину приходили все, кто хотел. Но был порядок и непререкаемый авторитет куратора В. Н. Тихомирова с постоянным следованием собственным принципам, приоритету действий перед рассуждениями, и открытый для нас мир размышлений, ценностей, поэзии куратора К. Н. Благосклонова.

И ещё в комнатах кураторов часто были приоткрытые двери... Так хотелось заглянуть и спросить о чём-то важном. И так бывало много раз. Память не подводит: картиной питья чая (пачка со слоном — индийский!), принятым вопросом и ясным ответом. Сейчас за этими дверями иные лица, другая жизнь и заботы. Предмет разговора, видимо, есть, но иной, уже не вполне мой.

Так через открывавшуюся дверь и университетский стул-вертушку начиналось знакомство с моей будущей профессиональной жизненной средой, обстановкой, фотографиями на стенах, рисунками Ватагина, заманчивой картиной с пирующими монахами, стоящим у стены огромным сухим зонтичным, упирающимся в потолок. В какой-то раз глаз, освоившийся раньше, выявляет незамеченное — фронтовые фотографии преподавателей в пилотках, студентов в экспедиции. Со стен на нас смотрела совместная радость бытия, а не поврозь. Казалось, что это невысказанное приглашение — присоединяйтесь.

Постигшая нас перестройка, затем перезагрузка, впущенный Болонский конь в крепость российского образования, показали мудрость вузов страны, сохранявших в своих рядах выпускников, объединявших образ жизни учёных, преподавателей с открытостью для студентов. Главные правила — неписанные.

Дружина благодаря двум доцентам МГУ (В. Н. Тихомирова и К. Н. Благосклонова) смогла направить поиск и поисковую агрессию молодости в культурное русло и признать важность их общественной полезности. Студенческого криминала на биофаке не было. Когда бывало рукосуйство в борьбе с браконьерством, оно так и называлось, и порицалось. Из Дружины исключали.

Тех, кто просто любил быть в Природе, созерцать, чувствовать её вечное величие, тех оберегали от насмешек сверстников и признавали важность проявления своих чувств и к природе и товарищам. Стенгазеты о прошедшем выезде по борьбе с браконьерством — творения Алексея Гилярова — сохранялись десятилетиями. Чтение стихов, игра в шарады не были смешным чудачеством, а естественными

отношениями людей. К. Н. Благосклонов и В. Н. Тихомиров имели дар видения за горизонтом своего поколения и ухаживали за «подростом студенчества», зная, что им не придётся увидеть их расцвета, разнообразия и торжества (с последним, впрочем, не всё ладится). Оба писали стихи, читали их нам, пели с нами, делая естественным союз интересов исследователей и поэтов. У всех было ощущение честной жизни.

В той мере, в какой Н. А. Перцов и всё военное поколение могли, без слов, призывов, деклараций, номинаций, вымпелов, значков, грамот и сертификатов открыли часть своей жизни для студентов, сделали возможным продолжать их дело.

Наука, университет — это, прежде всего, отношения исследователей, совместное разделение ценностей жизни. Интеллект, природное дарование — это подарок всему сообществу учёных. Открытость старшего поколения позволяла, часто безотчётно, запечатлевать, копировать образ действий, брать пример, как говорят этологи — воспринимать «атомы поведения», по выражению Г. Н. Симкина.

Дружинное сообщество позволило каждой травке расти по-своему, однако укрепляя почву общего бытия поколения. Все, все (!) лидеры охраны природы СНГ прошли через Дружины. В новейшей истории страны, пожалуй, подобного не было, а ведь это и была (отчасти есть) жизнь гражданского общества, которую оно не заметило.

Дружина и была моей Жизнью много лет. В Дружине были и Душа, и Смысл, которые породнили несколько поколений. Исключительное везение — получить классическое биологическое образование, профессию исследователя и жизненный опыт «ёлочной кампании» с однокурсниками: каждому поколению важно взглянуть на своё изображение в социальном зеркале. В Дружине была и свобода выбора интересов, и

престиж действия в первую очередь (!!!), признание величия науки, овеществлённой в практике. Позднее прочитал: «математика — это не знание формул, а умение их применять».

В биологии возможно направить социальный темперамент на применение представлений на практике: зоолог и декан факультета Н. П. Наумов после экспедиций в Эвенкию стал помогать становлению культуры этого региона, К. Н. Благосклонов придал орнитологии, поведению животных практический ход — привлечение птиц и их охрану, В. Н. Тихомиров содействовал созданию особо охраняемых природных территорий, Свет Забелин и Коля Марфенин создали Молодёжный Совет МГУ по охране природы, позднее Свет организовал и возглавлял СоЭС, был помощником Советника Президента РФ по проблемам окружающей среды, Виктор Зубакин создал Союз охраны птиц России, Игорь Честин, Женя Шварц поставили на ноги WWF России, Сергей Багоцкий ведёт природоохранную жизнь МОИПа.

В последние годы в страну пришли восточные учения, издаётся Конфуций, народ увлекается иными представлениями о правильности (фэн-шуй) и неправильности поведения и порядка в жизни. Остаётся присоединить доступную уму часть этих представлений и признать: это не время проходит, это мы проходим. И выезды по борьбе с браконьерством, экспедиции по заказникам, учёты птиц и зверей продолжают, но ты не записываешь себя в лист участников. Честно, но грустно.

Оставаться в унынии — великий грех. А потому приоткроем ещё одно важное дело, начатое на кафедре высших растений под прямым патронажем В. Н. Тихомирова.

Молодёжный Совет МГУ по охране природы после 11 лет работы перерос границы общественной организации

(5–6 экспедиций в год, бюджет ректората МГУ, листаж изданий, международные встречи, координация движения Дружин страны) и при заботе ботаника, проректора Г. П. Гапочки и прямого обращения к ректору В. Н. Тихомирова стал основой для учреждения «новой структурно-функциональной единицы» лаборатории экологии охраны природы (Приказ МГУ № 726 от 29 июня 1978 г.).

Чем заниматься штатной лаборатории охраны природы? Какой уровень проблемы науки и практики важен для её самостояния? Остановились на странной для биофака проблеме урбанизации, которая «всё сметает на своём пути» (Астафьев). Видимо, повлиял марксизм, который на семинарах открыл правду о капитализме (сейчас все мы это наблюдаем), включая положение «урбанизация — основная черта современной цивилизации». Раз основная черта советской урбанизации приводит к деградации природы вокруг, порождает болезни цивилизации внутри городской черты, то этой проблемой и надо заниматься экологам.

Появилось неотчётливое понимание того, что мы — биологи — сами проблему изучить можем, решить — нет. Можем сконструировать образ биологически благополучной среды — да. Привлечь, заинтересовать психологов, социологов, философов, архитекторов — да. Организовать международную практику для студентов по охране природы (1977–1978) — да. Оставалось «ввязаться в драку».

В. Н. Тихомиров уже давно заведовал всей кафедрой высших растений, стал чл.-корр. АН СССР, возглавил комиссию по особо охраняемым природным территориям, стал Президентом МОИП. Однако осмотрительность требовала тройного внимания к социальным вопросам, а тут шутка ли — «урбанизация».

Поиск партнёров привёл к участию в проблеме философа А. А. Брудного, социолога О. Н. Яницкого, культуролога и философа Эльны Орловой, медика Т. М. Максимовой, психолога Л. Б. Филонова и позднее замечательных учёных и Граждан Пущина — биологического наукограда АН СССР: Б. Н. Вепринцева, А. С. Керженцева, Ю. В. Сафрошкина, Ю. В. Беспалова, А. И. Газиева, А. Букина.

Придумали новое для россиян понятие «экополис» и дали ему простор — оказалось, что оно содержит привлекательный образ и звуки, получило широкое хождение в инициативных экологических поселениях страны, продуктовых объединениях, частных фирмах и др. Если название удалось, то его наполняют своим собственным содержанием. С детства помним: «как корабль назовёшь, так он и поплывёт».

Почему вспоминаю о В. Н. Тихомирове, о лаборатории — причём здесь экополис?

Догадались? Именно потому, что беспартийный Тихомиров сохранил свободу мышления, обширный талант питал самосознание гражданина и если даже не успевал осознать, то натура подсказывала, что верно, а что — нет. Тихомиров сохранил свободу мышления гражданина, педагога и учёного.

Это сейчас есть, что разложить по полочкам, дать объяснение. А тогда — была опора на чувство сопричастности к тому, что «мало любить природу, надо понимать людей» (принцип Э. Д. Шукурова). На биофаке многое важное приходилось начинать «под асфальтом». Вадим Николаевич, заявив, что «поднятие целины разрушает землю, приведёт к природному бедствию», был отстранён парткомом от занятий со студентами.

В. Н. Тихомиров продолжал отстаивать необходимость охраны природы, бороться с браконьерством, порубщиками

ёлок, отвергать оценки коллег студенческой природоохранной деятельности в Дружине – «это как забивать гвозди микроскопом». Он сам прошёл это. Вадим Николаевич понимал и людей, и себя.

Остаётся заметить, что только на биофаке МГУ была благоприятная среда для выражения собственных биологических ценностей в социальной жизни страны. Последняя почти цитата — горькая самоирония: в Пущинских природных заказниках, учреждённых по административным, законодательным нормам тех лет, взятых под охрану институтами АН СССР, оборудованных информационными щитами, включая природную тропу, вошедших в информационный бюллетень ООН, теперь расположены коттеджи. И тоже в пределах современного законодательства.

Лаборатория экологии и охраны природы кафедры высших растений была единственным участником (на общественных началах) I Международного конгресса по биосферным заповедникам (Минск, 1982), распространившим на русском и английском языках пухлые рефераты работ по программе «экополис». Лаборатория была единственным участником от МГУ на двух Всемирных выставках — в Японии (Цукуба, 1985) и Австралии (Брисбен, 1987) — с десятком буклетов, огромными полотнами с рисунками студии Е. А. Розенблюма — проектом художественного образа «экополиса» на примере Старого Оскола, имитационными играми для координации усилий коллег. Е. Е. Божукова закрепила успех проекта неотступным следованием принципам и задачам экополиса на самом биофаке, включая участие в полевых работах 80 студентов МГУ и более 120 студентов-дружинников СССР. Доклад В. Н. Тихомирова в Цукубе был неслыханно успешным на симпозиуме учёных мира по городам будуще-

го. Об экополисах МГУ заявил первый, Запад был увлечён технополисами.

Наша благодарность кураторам Дружины только растёт, в 50-летний юбилей Дружины на пятом этаже мы установили памятную доску — как напоминание о созданной ими истории и культуре в стране, в которых мы вспоминаем и себя.

Спустя сорок лет с начала проекта «экополис» историк М. Мыльников обобщил опыт экологического движения в СССР и, сравнивая этот проект с другими планами масштабных преобразований в стране, выделил его как единственный научно и организационно состоятельный.

Открылась глубина кураторства и дружинного сотрудничества со студенческой скамьи — содружество на жизненном пути.

Бритаев Темир Аланович,

д.б.н., профессор, заведующий лабораторией морфологии и экологии морских беспозвоночных в ИПЭЭ РАН

Июль 1969 года, биофак. Вступительные экзамены позади. На душе легко и радостно. Впереди — учёба в университете, а до неё ещё безоблачный месяц август. В голове никаких планов. И тут мой новый товарищ, Вадим Дьяченко, показывает мне объявление: Дружина по Охране Природы Биофака набирает участников (в том числе из вчерашних абитуриентов) в студенческую экспедицию на август изучать влияние туристов на лесные сообщества. Завтра — собеседование. И хотя экспедиция будет работать совсем недалеко, в подмосковном Тишково, всё равно здорово, ведь для меня эта экспедиция будет первой!

Но сперва собеседование: строгая комиссия из бывалых дружинников второго-третьего курсов, вакансий меньше, чем претендентов, и вопросы самые разные, порой неожиданные и каверзные. Но мне повезло — берут!

Из вчерашних абитуриентов отобрали 6 человек. С Вадимом я уже был знаком, многих других — Виктора Михеева, Андрея Кисловского, Веню Вейнера, Альберта Харлова, Ирину Остроухову — встречал на экзаменах. Вадим — человек бывалый. Он окончил школу в Севастополе год назад, работал лаборантом в Институте биологии южных морей и уже успел побывать в экспедиции. Виктор — кружковец из МОИПа, он тоже бывал в экспедициях, в отличие от меня хорошо знает птиц, зверей, растения и, самое главное, некоторых старшекурсников, с которыми мы едем в экспедицию, и чувствует себя, как рыба в воде.

Руководит экспедицией третьекурсник Хамид Умяров, заместитель — Наташа Горбачевская, ещё с третьего курса

едут Михаил Снетков, Сергей Багоцкий, Петр Меланхолин. Второкурсники — Аркадий Тишков, Ольга Тюгина и Ирина Егорова. Вот такая компания.

После собеседования всё завертелось стремительно. На домашние сборы — один день. Затем закупка продуктов — непростое дело, учитывая ограниченные ресурсы (в день нам выделяют по 50 копеек). В саду у биофака собрали яблоки, это обеспечило нас компотами на первые 10–15 дней. Потом — походы по магазинам. Закупками руководил Аркадий Тишков — наш повар и завхоз в одном лице. По магазинам ходили с рюкзаками всей экспедицией, кроме «начальства», у которого были свои организационные заботы.

В то время Дружину курировал Вадим Николаевич Тихомиров и, видимо с его помощью, экспедиции предоставили автобус. В первых числах августа 1969 года мы загрузили в него свои пожитки, нехитрое экспедиционное оборудование и продукты. У кого-то нашлась гитара, с песнями и в приподнятом настроении мы отправились в путь.

Тишково оказалось небольшой деревней, на окраине которой располагался санаторий с подсобным хозяйством. Мы расположились на другом краю деревни, на отшибе, на высоком мысу между речкой и оврагом, в деревянном двухэтажном доме, принадлежавшем рыбнадзору. В нашем распоряжении оказался второй этаж, на который вела крутая скрипучая деревянная лестница, и деревянная весельная лодка. Рыбинспектор оставил ключи начальнику экспедиции и исчез, не обременяя нас своим присутствием. В большой комнате мы оборудовали столовую, составив вместе столы и стащив почти все найденные в помещении стулья и скамейки. Под спальни заняли просторную террасу, в которой разместились мы, первокурсники, и несколько пусту-

ющих комнат. Спали в спальнях мешках на полу. Кухни не было, поэтому Тишков готовил на костре, походную кухню разместили на уютной поляне на высоком берегу залива Пестовского водохранилища.

Обязанности участников были чётко распределены. Каждое утро после завтрака мы выходили (или выезжали в лодке) на работу. В экспедиции было два отряда: зоологический и геоботанический. Зоологи ставили и проверяли давилки, вскрывали грызунов, собирали паразитов; геоботаники закладывали площадки для оценки состояния растительного покрова, определяли растения, собирали гербарий. Каждый день приносил что-то новое. Я учился отличать берёзу бородавчатую от пушистой, заучивал признаки и звучные латинские названия деревьев, трав и кустарников, осваивал методы закладки геоботанических площадок. Много из того, что я почерпнул в этой экспедиции, не раз пригодилось мне в жизни.

Отдыхали вечером, после того как были обработаны все пробы. Август в том году выдался прохладным и дождливым. В редкие погожие вечера мы собирались у костра на берегу: пели песни, играли в английские шарady, беседовали. Обычно за столом солировал Сергей Багоцкий: он неторопливо рассказывал различные необычные истории, которые успели случиться за его жизнь, и политические анекдоты. Последние сильно напрягали руководителя экспедиции (такое было время), но мы воспринимали их с юмором. Иногда после работы или на утренней зорьке мы с Тишковым выезжали на лодке поудить рыбу, и тогда наш рацион разнообразили окушки или плотвички. Вечером девушки-зоологи жарили кубики чёрного хлеба на постном масле (этими кубиками заряжали давилки на грызунов). По дому растекался

невероятно соблазнительный аромат, который приманивал нас не хуже, чем полёвок. Но, увы, чаще всего мы уходили ни с чем, в редких случаях нам перепало несколько соблазнительных кубиков, которые, конечно, не могли удовлетворить наш молодой аппетит.

В то время на берегах Пестовского водохранилища было довольно много «диких» туристов. Кто-то приезжал порыбачить, кто-то за грибами, многие просто расслабиться, отдохнуть от городской жизни. Многие из них не отличались бережным отношением к природе — вытаптывали растения, рубили деревья на колышки для палаток, на дрова. Мы пытались увещевать туристов, кто-то к нам прислушивался, кто-то игнорировал наши увещевания, некоторые реагировали достаточно бурно, что несколько раз приводило к конфликтам. Однажды кто-то из туристов распустил слух, что давилки, которые мы ставим, это ловушки на кротов, а мы занимаемся не научными исследованиями, а добычей кротовых шкурок. После этого давилки стали пропадать, иногда мы находили их изуродованными и непригодными для использования, что привело к их дефициту у зоологов. К счастью, большинство туристов не задерживалось больше недели, и после заезда новой волны туристов проблема рассосалась.

Несколько раз к нам приезжали старшекурсники-инспектора из секции борьбы с браконьерством ДОП, и мы устраивали совместные выезды по борьбе с браконьерами-рыболовами. На лодке проверяли прибрежную растительность, изымали и уничтожали сети. Несколько раз браконьеры оказывали сопротивление, но ни разу эти конфликты не приводили к серьёзным последствиям. Браконьеры в принципе понимали, что совершают незаконные действия, и старались уйти, бросив орудия лова. Сейчас мне трудно представить,

что матёрый браконьер уйдёт, оставив улов и снасти, чтобы не связываться с 19–20-летними мальчишками.

Ближе к концу экспедиции был организован выезд в деревню Мартьянково, расположенную в 20–25 км к северу от Тишково. Это был конец августа — начало сезона охоты. В то время Мартьянково была небольшая жилая деревушка, затерявшаяся в лесах между Радонежем и Икшей, со всех сторон окружённая лесами и болотами. Мы пришли в деревню вечером: по низинам белели полосы тумана, окна избушек светились тёплыми огнями, через жердину огорода перескочил и растаял в тумане заяц. Избушку егеря отыскивали без труда. Гостеприимный хозяин разместил нас в своём доме и угостил молоком.

Рано утром до рассвета мы вышли в путь. Нашей задачей была проверка документов и путёвок у охотников. Первые охотники нам встретились скоро, недалеко от окраины деревни. Трое мужичков вели оживлённую беседу у костра. Около палатки валялись расчехлённые ружья, пустые бутылки водки наглядно говорили о том, что спать охотники не ложились. Документы у них оказались в порядке, да и так было понятно, что охота для них не самоцель.

Ориентируясь на звуки первых выстрелов, мы вышли на небольшое моховое болото, на котором встретили ещё несколько охотников, но и у них всё было в порядке. Эта поездка была небогата какими-то событиями. Но мне она запомнилась потому, что там я впервые остро почувствовал тихую умиротворяющую красоту русской природы. Кроме того, я впервые попал на верховое болото, оно меня очаровало. Мягкие моховые кочки с бусинками поспевающей клюквы, терпкий запах багульника, красные листочки росянки с предательскими клейкими капельками, пряные ягоды го-

лубики. Этот удивительный мир произвёл на меня сильное впечатление и запомнился навсегда. С тех пор я полюбил моховые болота и потом много лет подряд выбирался на болота Калининской (ныне Тверской) и Псковской областей.

Месяц пролетел удивительно быстро. Дни стали короче, ночи — прохладнее. Экспедиция подошла к концу. Было жалко покидать ставшее привычным Тишково и расставаться с новыми друзьями. Но мы знали, что скоро встретимся снова, что впереди нас ждёт учёба на биофаке, новые встречи, новые выезды с Дружиной.

С тех пор прошло 50 лет. Кого-то из участников экспедиции уже нет в живых, кто-то ушёл из биологии. Так, мой товарищ по вступительным экзаменам Вадим Дьяченко после окончания университета неожиданно стал военным. Судьба большинства моих товарищей по экспедиции мне неизвестна. Кого-то я изредка встречаю на семинарах или конференциях: Сергей Багоцкий сейчас учёный секретарь МОИП, Аркадий Тишков — заместитель директора Института географии РАН. С Виктором Михеевым мы так и остались друзьями и близкими коллегами: сперва оказались на одной кафедре зоологии беспозвоночных, а потом и в одном институте. За прошедшие годы я побывал во многих экспедициях и многими экспедициями руководил, но сейчас, вспоминая эту первую, я тепло вспоминаю всех её участников и удивляюсь, насколько хорошо она была организована и насколько слаженно и дружно мы жили и работали в Тишково.

Раздел 2. 1970–1979 гг.

Воробьёв Иван Андреевич,

заведующий лабораторией в НИИ ФХБ им. Белозерского МГУ,
профессор кафедры клеточной биологии и гистологии биофака
МГУ

За успех безнадёжного дела!
О Дружине начала 70-х

Я пришёл в Дружину осенью 1970 года — на первом курсе, и на выезды по БсБ начал ездить уже с сентября. В ДОП я попал не совсем обычным образом — через экспедицию в Подмосковье, которую в 1970 году проводили Коля Марфенин и Дима Кавтарадзе — в тот момент выпускники Биофака, которые поступали в аспирантуру. Марфенин числился официальным начальником экспедиции. Кавтарадзе был его заместителем. В дальнейшем Коля организовал ещё две экспедиции в 1971 и 1972 гг., о которых скажу ниже. Где и как добывалось финансирование экспедиций — не знаю. В том году они решили набрать в экспедицию только что поступивших абитуриентов.

Мы пришли на собеседование втроём — Андрей Карлсен, Андрей Иванов-Смоленский и я. Основной мотив был простой — хотим в экспедицию. Побочный мотив тоже был: остальные поступившие, кто не ехал в экспедицию, шли работать в августе на стройку на Ленинском проспекте.

В это время мы, вчерашние школьники (ещё даже без студбилетов — их выдавали 31 августа), практически ничего в полевой биологии не знали и не умели, но наш энтузиазм произвёл впечатление — нас взяли. Вместе с нами в экспедицию попа-

ли ещё четыре человека из биологического класса 57-й школы: Суслов Юра, Родионов Володя, Гончарова Ирина и Прудникова Галя. Они уже кое-что знали, так как были членами КЮБЗа (кружок юных биологов зоопарка) и в поле ездили.

Старшие участники экспедиции, кроме Марфенина и Кавтарадзе, были студентами 2-5 курсов, а мы — семеро младших.

Так что природоохранная работа началась для меня уже в экспедиции и затем продолжилась на биофаке осенью.

В экспедиции в Тишково (подмосковная зона массового отдыха на Пестовском водохранилище) всё было необычно: оценка рекреационных нагрузок и описание биоценоза, то есть чисто научная работа, и в то же время — фактическая охрана природы от туристов (в основном борьба с самовольными порубками). Жили мы (всего было примерно 20 человек) в здании сельской школы, и быт был полностью экспедиционным — с дежурными, общей готовкой и прочее.

Помимо научной работы занимались и практической охраной природы. В этом плане самыми активными были Дмитрий Кавтарадзе и Наташа Горбачевская (тогда студентка 4 курса). Они имели инспекторские удостоверения и умели разговаривать с людьми (особенно Наташа), которые были намного старше, так убедительно, что протоколы о самовольных порубках составлялись нередко.

Цель экспедиции, которая была связана с Институтом географии АН — исследование влияния массового отдыха на биоценозы. Вопрос был в том, какую антропогенную нагрузку лес может выдержать, и когда он начинает деградировать (это называлось рекреационная дигрессия). Поскольку деградация леса на берегах водохранилища была очевидной, то были выделены стадии рекреационной дигрессии по мере удаления от берега, и мы пытались их охарактери-

зовать. Работа велась параллельно по нескольким направлениям: геоботаника, учёт птиц, описание энтомофауны (вредители леса), почвенные беспозвоночные, собственно структура почв (делались полноценные разрезы глубиной до 2 м, на которых описывались все слои). Я лично занимался геоботаникой под руководством студентки 3-го курса Ольги Тюгиной (каф. Цитологии и гистологии). Научился определять основные травянистые растения «по виду», то есть без определителя. Интересно, что названия многих видов по латыни помню до сих пор... Осенью после экспедиции начал читать литературу, кое-что полезное узнал: что такое биогеоценоз (по Сукачеву), что такое ярусность леса, как на глаз определять бонитет лесных насаждений, общее проективное покрытие и многое другое. Очень сильное впечатление произвела книга «Учение о лесе» Г. Ф. Морозова. Автор так ярко и подробно описывал биологию лесов средней полосы!

Уже на втором курсе, после экспедиции 1971 года (тоже в Тишково), где мы самостоятельно делали очень детальное геоботаническое описание, выяснил, что для оценки проективного покрытия фактически использовал шкалу Браун-Бланке (причём в десятибалльном варианте), а не принятую у нас тогда шестибалльную нелинейную шкалу Друде.

После экспедиции 1971 года остался солидный научный отчёт. Насколько я знаю, он никогда и нигде не был опубликован, а материалы были интересные. Единственный опубликованный результат — маленькая статья о методике определения рекреационных нагрузок. Материалы экспедиции представлялись на ВДНХ. Два участника работ и авторы статьи — Н. С. Казанская (научный сотрудник из Института географии, которая нас курировала) и Николай Марфенин получили за них золотые медали ВДНХ. Я, как третий автор, удостоился бронзовой медали.

Теперь я понимаю, что проблема рекреационной дигрессии, которую мы изучали, толком не была сформулирована: реальная динамика биоценоза предполагает многолетние наблюдения, но их-то мы не вели (Институт географии, как оказалось, тоже). А без многолетних наблюдений говорить о динамике, естественно, нельзя. Я потом специально просматривал на протяжении многих лет места, подобные тем, которые мы изучали, и никакой динамики во времени там нет. Тропиночная сеть возникает и поддерживается за счёт определённой плотности посетителей данной территории, но динамики увеличения нарушений во времени никто пока не описал. Биоценоз, который мы изучали, в основном сосново-еловый лес на берегах водохранилища, находился далеко не в стационарном состоянии. Берег Пестовского водохранилища возник всего за 35 лет до начала нашей работы, и даже процесс береговой эрозии там в 70-е годы не закончился. А о сукцессии хвойного леса и опушечных эффектах мы ничего не знали — учились на ходу. Обо всём этом я уже читал в литературе позднее. В экспедиции всё было очень интересно, но на кафедру геоботаники я не собирался, так что биогеоценология как научное направление закончилась для меня на третьем курсе.

Мы фактически исследовали «дикий» отдых людей на природе, но тогда мы ничего (за железным занавесом) не знали о национальных парках и организации массового отдыха. Но мы, вчерашние школьники и студенты разных курсов, добросовестно проводили детальные описания участков леса в различных участках зоны массового отдыха в Тишково, и описания эти могли бы послужить интересным материалом для сравнительных исследований.

После экспедиции 1970 года была повторная экспедиция в Тишково в августе 1971 года, где на тех же территориях

мы проводили повторное исследование. Затем, в 1972 году, экспедиция под Рязань (2 недели в зоне массового отдыха в Солотче) и на Байкал (2 недели в Листвянке), на чем всё и закончилось. К сожалению, после 1972 года подобные экспедиции с попыткой комплексного описания биогеоценоза более не возрождались, и сравнивать с чем-либо старые материалы теперь уже некому, да и вряд ли они сохранились.

Собственно с Дружиной я познакомился в сентябре уже на биофаке. Начались собрания, выезды и другая работа, которая быстро затягивала. Осенью мы (молодые дружинники) почти сразу получили удостоверения общественных инспекторов ВООП (Всероссийское общество охраны природы) — довольно странные «корочки», как их тогда называли, но они давали определённые права на проверки в лесу. Более серьёзными были удостоверения общественного инспектора лесоохраны и общественной охотинспекции. Но последние выдавали только зарегистрированным охотникам.

В 1969–1970 году командиром Дружины был Свет Забелин, в 1970–1971 — Павел Томкович. Выборы командира проходили на общем собрании ДОП. Как правило, на выборах был один кандидат, который имел поддержку большинства, но иногда возникал и альтернативный кандидат. Желающих задержаться на посту командира больше года было мало: это огромный объём работы для студента, а учёбу никто не отменял. В начале 70-х в Дружине сохранялся институт кураторов — ими были доценты Вадим Николаевич Тихомиров и Константин Николаевич Благосклонов (по прозвищу КНБ). Вадим Николаевич играл тогда активную роль: он не только помогал нам на факультете, но ездил даже на Юбилейные выезды и участвовал в торжественных заседаниях.

Константин Николаевич уже скорее только числился. Во всяком случае, я не помню случая, чтобы с ним приходилось советоваться. С Вадимом Николаевичем, будучи командиром Дружины, я общался довольно часто. Его мнение было для нас очень важным. Позже дружинники очень радовались, когда Тихомиров стал профессором, а затем и членкором.

Помню популярную теорию Вадима Николаевича Тихомирова (сам от него не слышал, но старшие ему приписывали) — «круги по воде». Речь шла о том, что наша деятельность, конечно, ничтожна даже в масштабах Москвы и области, но она создаёт определённый общественный резонанс. Поэтому, в частности, упор в Дружине делался на пропаганду — выступления в газетах, перед школьниками. Приглашали журналистов и писали маленькие репортажи сами. Но в 70-е годы эта активность снижалась по сравнению с более ранними временами. На всесоюзную арену уже не удавалось выйти.

Тем не менее в какой-то момент нам удалось попасть на центральное телевидение: один из каналов специально прислал команду репортёров на выезд по борьбе с браконьерством, чтобы снять репортаж о нашей работе. И репортаж прошёл по телевидению! После этого я с удивлением узнал, сколько народу смотрит 4-й канал. Но достигалось это героическими усилиями отдельных людей. Кто конкретно сумел добыть телевизионщиков, уже не вспомню, кажется, неутомный Дима Кавтарадзе.

Фактически ДОП в то время сильно опередила своё время. Мы пытались заниматься формированием общественного мнения и делали это «снизу», вне зависимости от генеральной линии партии и мнения начальства. Как это ни удивительно, к нам прислушивались, вплоть до ЦК ВЛКСМ.

Общественная активность была непривычна на советском пространстве, а природоохранная тема на политическом уровне не регулировалась. Говоря современным языком, Дружина лоббировала природоохранные проблемы, чем потом занялись (хотя и немного в другом ключе) Greenpeace и другие.

Но надо самокритично сказать, что мы в те годы, да и в 80-е, практически не занимались промышленным загрязнением. Тема была совсем непопулярная, кроме отдельных вопиющих случаев. Дружина пыталась в конце 60-х годов бороться со строительством Байкальского целлюлозного завода, но безуспешно. Других серьёзных попыток не помню.

В это время сектор Борьбы с браконьерством (сокращённо БсБ) переживал очередной кризис. Хорошо помню одно из первых собраний (октябрь 70-го), в котором участвовал. Вопрос стоял, кто поедет на выезд или вообще надо «лавочку закрывать». Проблема была в том, что БсБ-шники старой закалки были сами охотниками, практически ни в чём другом в Дружине больше не участвовали и образовывали слегка замкнутое сообщество. Сообщество было маленьким и, естественно, нестабильным, так как студенты постоянно приходили и уходили. Кто-то начинал заниматься научной работой на кафедре, кто-то просто уставал от дружинной работы. Так что в те годы многие молодые дружинники-неохотники ездили на выезды только «по разнарядке». Исключением был ежегодный юбилейный выезд Дружины в начале декабря. На него собиралось очень много народу. Заранее договаривались с охотхозяйством, где была достаточно большая база. Часто это было Темповское охотхозяйство около станции Темпы по Савёловской дороге. Иногда для юбилейного выезда удавалось добыть транспорт от МГУ.

Основное направление выездов — борьба с охотничьим браконьерством, то есть с такими нарушениями, как охота без путёвок, охота без документов, использование неразрешённых патронов. Пули и картечь в подмосковных лесах практически никогда не разрешались: охота шла в основном на птицу, а лицензии на копытных давались редко. На выезды ездили как в ближнее Подмосковье, так и в отдалённые охотхозяйства: Виноградовское, Талдомское, Петушинское и другие. Обычно добирались на электричке, на дальних выездах ночевали по договорённости в охотхозяйстве, а утром шли собственно в рейд. На «ближних» выездах всё мероприятие занимало один день. Весной были специфические вечерние выезды «на тягу»: весенняя охота на вальдшнепа проходит на закате солнца.

Дружина на рубеже 60-х-70-х годов была очень активной. И её уважали на биофаке. Фактически все активные студенты на биофаке тех лет шли в Дружину по охране природы или в Агитбригаду. Некоторые ухитрялись быть и там, и там. Так что желающих участвовать в работе Дружины среди первокурсников было довольно много. Для отбора среди студентов был создан институт «кандидатов в члены ДОП». Приём в кандидаты происходил легко, а в члены ДОП осуществлялся на общем собрании. Чтобы стать полноценным членом ДОП, надо было себя как-то проявить (обычно съездить на несколько выездов БСБ), получить рекомендации от действующих дружинников, а позднее (кажется с 1971 года) ещё сдать теоретический экзамен под названием «кандидатский минимум». Стенд и доска объявлений Дружины висел около ББА, там, где сейчас доска ветеранов ВОВ. Я помню многолетнюю вязкую борьбу против нашей доски объявлений со стороны факультетского начальства: и вид у неё недостаточно причёсанный, какие-то записки всё время появляются...

Но мы много лет отбивались. Доску Дружины от ББА решительно убрали уже в конце 70-х. Было у Дружины в то время своё большое помещение в подвале биофака. Там размещался штаб, хранились конфискованные снасти с выездов и иногда проходили собрания секторов или открытого штаба. Помещение ДОП продержалось дольше, чем доска около ББА.

Представитель Дружины в эти годы входил в состав бюро комитета ВЛКСМ факультета, и комитет комсомола реально помогал в некоторых кампаниях. Так, в начале 70-х у дружинников младших курсов была льгота. В сентябре вместо поездок на картошку мы работали по будням в Ботаническом саду биофака, что давало возможность в выходные ездить на выезды и не отрываться на месяц от остального коллектива.

Командир Дружины в то время избирался (по должности — комсомольские выборы были без конкурса, как мы понимаем, кандидатуры согласовывались в комитете ВЛКСМ заранее) в состав комитета комсомола факультета. А представитель ДОП был (избирался) членом бюро комитета комсомола (фактически — факультетской номенклатурой). Парадоксальная ситуация состояла в том, что нашего представителя в бюро не выбрали на факультетской конференции ВЛКСМ, а меня, как командира, выбрали. Элемент комсомольской демократии состоял в том, что, хотя конкурса не было, но могли кандидатуру, предложенную (то есть согласованную) комитетом ВЛКСМ заранее, завалить на общем открытом голосовании. Манипулировать голосованием (оно было открытым) тогда не умели, и нашего кандидата в бюро комитета ВЛКСМ на выборах 1973 года завалили. В результате мне пришлось целый год (из них половину — в должности командира) отдуваться на заседаниях бюро комитета ВЛКСМ. К охране природы никакого это вроде бы отноше-

ния не имело, однако удавалось поддерживать определённый статус ДОП на факультете.

Чаще всего штаб Дружины заседал в обычной комнате на 2 этаже биофака. Заседания были почти каждую неделю, бурные и нередко продолжительные. Они делились на две категории: обычный штаб, куда могли прийти все желающие, и «закрытый» штаб. На последнем обсуждались наиболее щекотливые темы, которые при большом стечении народа могли легко превратиться в бесконечный балаган. Но даже «в узком кругу» из 5–6 членов штаба обсуждение нередко затягивалось, так как точки зрения не совпадали, а энтузиазма у всех было с избытком. Специфика заседаний штаба, да и общих собраний Дружины, состояла в том, что не было «запретных тем», и каждый отстаивал свою точку зрения. Свобода выражения мнений, по-видимому, приближалась к Новгородскому вече. Тогда сложился мем, что такое «тихий ужас» — это третий час закрытого штаба.

Надо сказать, что школа ДОП и, в частности, наших заседаний для меня и некоторых других членов штаба оказалась весьма и весьма полезной. Эту пользу я ощущаю и сейчас, когда приходится вести различные заседания или участвовать в них. Мы научились отстаивать собственное мнение и чётко его формулировать, быстро искать компромиссы. А тогда никакого другого обучения менеджменту не было. Во всяком случае, сейчас на многих заседаниях кафедры, деканата и проч. я с удивлением вижу, насколько уже взрослые люди (кандидаты и доктора наук) не подготовлены вести дискуссии, не могут внятно сформулировать и аргументировать своё мнение и даже задать точный вопрос. И, в результате, если ведущий даёт слабину, заседания расплываются, затягиваются и не приводят ни к каким решениям.

Структура ДОП начала 70-х: сектора БсБ (в основном борьба с охотничьим браконьерством: охота без путёвок, а часто и без охотбилета), ПАЛ (пропаганда, агитация, лекции) — организация лекций, в частности в школах, и других мероприятий, взаимодействие с прессой. Существенным элементом был оргсектор, который должен был обеспечивать все наши мероприятия поддержкой по линии МГУ, вести учёт работы дружинников и т.д. Научная работа тоже велась, но до появления сектора «Заказники» в 1973 году оформлена как отдельный сектор не была.

В начале декабря (по возможности — 5 числа — это был праздничный выходной) проходил Юбилейный выезд. Он завершал выезды по БсБ. Затем, в декабре, каждый год Дружина проводила ёлочную кампанию. К ней привлекались все дружинники и, по договорённости с комитетом комсомола, студенты факультета. В основном кампания состояла в дежурствах на вокзалах, куда приезжали граждане с ёлками из лесу, и на автомобильных магистралях. Останавливать машины мы сами не могли — это была прерогатива милиции. Но, по специальной договорённости с милицией, дежурили на некоторых постах на въезде в Москву. Милиция останавливала — мы проверяли документы и составляли протоколы о незаконных порубках, если накладные были не в порядке. Иногда предпринимались попытки организовывать дежурство в лесу, в районах посадок елового молодняка, но это было крайне неэффективно. У граждан (в основном на вокзалах) требовали чек на ёлку, и, если его не было, ёлки отбирали и составляли протокол о самовольной порубке, но как решалась проблема оформления ёлок дальше — уже трудно вспомнить. Помню, что отобранные ёлки приходилось запирать на ночь в каких-то помещениях, чтобы потом сдавать на ёлочные базары.

Надо сказать, что ёлочные базары в Москве создавали абсолютный дефицит: ёлок было мало и очень плохого качества, а мода на них была огромная. Там стояли страшные очереди (но в СССР всё доставалось через стояние в очереди, так что ничего из ряда вон выходящего с ёлками не было). Лично у меня после работы на нескольких ёлочных кампаниях выработалась стойкая аллергия на новогоднюю ёлку в доме. Получил такую «прививку» от новогодней ёлки, что желания ставить её дома нет, и уже (спустя 50 лет), наверное, не появится.

В ёлочную кампанию 1970 и 1971 годов мне удалось привнести некоторый научный подход. Мы пытались (как потом оказалось, совсем безуспешно) дать расчёты потребностей Москвы в новогодних ёлках и внедрить идею посадки специализированных ёлочных плантаций вместо рубок в дальних подмосковных лесах. Я сам ездил в управление лесопаркового хозяйства (УЛПХ), пытался разговаривать с чиновниками, объяснял очевидные, как мне казалось, выгоды специализированных новогодних лесопосадок, приводил расчёты потребных площадей (это могли быть площади вырубок под ЛЭП), но это никого не заинтересовало. Для меня интересно было уже то, что меня, студента 1–2 курса, принимали вполне солидные чиновники в управлении — Дружина была известна по всей Москве. Однако результатов эти разговоры не дали: посадки новогодних ёлок так и не возникли в Подмоскowie ни в 70-е, ни в 80-е годы. Судя по тому, что продают на ёлочных базарах, их и сейчас нет⁷.

Теперь-то я хорошо понимаю неповоротливость государственной экономической машины, но тогда нам казалось,

⁷ Если погуглить, то выясняется, что есть такие плантации, в том числе и на ЛЭП, но вот оценка качества продаваемых елей на базарах — прерогатива покупателя (прим. Н. А. Соболева).

что если убедить начальство УЛПХ, и оно скомандует, то дело сдвинется.

Уже намного позже, приехав в США в декабре примерно 2000 года, я увидел специальную ярмарку роскошных новогодних ёлок со специальных плантаций — там продавались ели и пихты, причём нескольких видов. Саму плантацию новогодних ёлок я видел даже в южной Калифорнии, где на неорошаемых землях кроме кактусов ничего не растёт, зато живёт теперь много народу. И ёлки (на самом деле пихты) на рождество они ставят.

О выездах

Для выездов по БсБ факультет нередко давал машину (то есть оплачивал выезд крытой грузовой машины из университетского гаража в охотхозяйство). Выезды БсБ были всю осень (с сентября до декабря), весной в апреле — на тягу. Иногда были выезды по рыболовным делам — находили и снимали сети, лов которыми был строго запрещён в Подмосковье, но весьма популярен среди сельских жителей. Сети, впрочем, находили и во время выездов по охотничьему браконьерству. По итогам выездов старались оперативно делать фотоотчёты.

Больше всего народу ездило на выезды осенью. С базы расходились небольшими группами (по 3–5 человек), причём инспекторское удостоверение могло быть только у одного или двоих. Многолетняя практика показывала, что большинство людей в дальних и не очень подмосковных охотхозяйствах ходили в лес без путёвок (но, как правило, с охотбилетом, чтобы не отобрали ружьё). Поэтому любой встреченный охотник был для нас потенциальным браконьером, и на практике лишь у меньшинства были оформлены пу-

тёвки. О своих нарушениях люди обычно хорошо знали, так что были попытки и убежать, и выбросить патроны (с пулями или картечью) в снег и проч. Прямо инспекторам обычно не угрожали, но неприятные коллизии случались. Например, самые агрессивные пытались выхватить удостоверение. Поэтому начинающих инспекторов в Дружине учили, как надо показывать удостоверение, чтобы его не порвали.

Так, однажды в Виноградово мне пришлось составлять одновременно 8 протоколов на группу вполне интеллигентного вида охотников (ни у кого не было путёвок, только охотбилеты). Хорошо помню, как я сижу среди них на корточках и пишу протоколы, наша группа стоит вокруг, и умом я понимаю, что в любой момент ситуация может поменяться, и из «охотника», то есть инспектора, я могу стать «жертвой». Тогда всё обошлось, но на других выездах бывали разные ситуации. Поэтому всегда старались ходить группами не менее чем по три человека. Присутствие девушек в бригаде, пусть и без удостоверений, всегда оказывало положительный эффект.

Для выездов в Дружине была важная статусная вещь — две настоящие ракетницы. К ним были и ракеты, и разрешение на использование. Пользовались ими по назначению (запуск сигнальной ракеты) крайне редко, но носили с собой часто. Выглядит она как пистолет огромного калибра, что на некоторых выездах производило должное впечатление на нарушителей.

На летней практике в Чашниково (после 1 курса) несколько выездов мы организовали по рыбному браконьерству.

«Уставя в угол взгляды тусклы,
Дружина выезд соберёт....»

В Звенигороде после 2 курса уже выездов не было — все занимались практикой.

Из общедружинных событий запомнился семинар в конце августа 1971 года. Семинар проводился на базе Окского заповедника, жили на центральной усадьбе (Брыкин Бор). Был большой отчёт Паши Томковича как командира, потом бурные заседания по поводу того, что сделано и что делать дальше. Частью семинара стал большой выезд по рыбному браконьерству. В пойме Оки масса озёр, и сети в них местные жители ставили регулярно. Местным природоохранникам (сотрудникам заповедника и егерям) отбирать эти сети было «не с руки» — все всех знают, а мы как приезжие могли это сделать более эффективно. Поскольку у сетей, как правило, никто не дежурил, а если и дежурил, то не признавался, что сети его, то протоколов практически не составляли, просто собирали сети, которые потом отвезли в Москву. Некоторые сети просто уничтожали на месте.

Семинар Дружин — осень 1972 года

В конце 60-х годов молодёжные организации по образу и подобию ДОП стали возникать в различных ВУЗах. Наиболее интересными были ДОП «Служба охраны природы» в Казани (там же возникла первая в стране Кафедра охраны природы) и Дружина по охране природы имени Виктора Волошина Кировского сельскохозяйственного института, где готовили охотоведов. Так что показалось естественным собрать всероссийское совещание, чтобы познакомиться и, может быть, создать какую-то более широкую организацию. В общем семинар провели осенью 1972 года. Основные заседания прошли в М-2 на биофаке. В аудитории на кафедре был выставлен антураж — отобранные топоры, сети и многое другое с выездов.

На открытие пришёл представитель ЦК ВЛКСМ по фамилии Лысенко (имени уже не помню), который держал

какую-то речь. Но про Дружины он ничего не знал и сказать не мог. Были какие-то общие лозунги. После его выступления в память об ушедших дружинниках на открытии зажгли свечи — получился сильный диссонанс.

К сожалению, конкретных планов, кроме как познакомиться и обменяться опытом, ни у кого из дружинников не было, но энтузиазма было много. Одним из последствий этого собрания было создание Молодёжного совета по охране природы в МГУ. Основным инициатором был Свет Забелин, который вёл очень большую переписку с Дружинами из разных городов, и он его возглавил в первый год. Свет пытался создать какую-то структуру на всесоюзном уровне, но она так и не заработала. Довольно быстро Забелина на должности председателя Молодёжного совета сменил Николай Марфенин. У нас поначалу обсуждался вопрос, что Дружина сама себе создала начальство, и были определённые опасения в связи с этим — мы очень беспокоились о собственной независимости. Но получилось так, что Молодёжный совет 70-х с Дружиной практически не взаимодействовал — они существовали в параллельных пространствах, которые изредка пересекались до конца 80-х.

С годами в Дружине возникла и набрала обороты проблема «стариков» — людей, окончивших биофак, которым было уже не очень интересно ездить на выезды со студентами, но хотелось какой-то активной природоохранной работы. В частности, для них был создан, кажется, в 1973 году, институт «почётных членов ДОП». Идея была популярная, но постепенно сошла на нет. Небольшая часть так называемых стариков пошла работать вначале в МСОП, но многие (как Витя Зубакин) так и остались фактически в Дружине на многие годы.

Ещё одна интересная страница — зимние поездки дружинников в заповедники (на юг, в основном на зимовки птиц). Ездили студенты (в основном 1–2 курсов) группами под руководством старшего (часто на один курс) за свой счёт, но договаривались с заповедником от имени Биофака и ДОП. Поездки немного напоминали зимнюю практику кафедры зоологии позвоночных, но мы были без преподавателей. В основном ходили с биноклями смотреть птиц и другую живность. Бинокли, ветровки и болотные сапоги частично выдавал биофак. Тогда про термин «birdwatching» ещё никто не знал.

Я лично, таким образом, побывал в Кызылагачском заповеднике (зимовка розовых фламинго, оба вида пеликанов и много других водоплавающих птиц, а также дроф и стрепетов — тогда ещё можно было увидеть стаи стрепетов в степи), Красноводском заповеднике (Красноводский залив на Каспии и озёра Большое и Малое Далили на иранской границе — теперь это Туркменистан, и даже не знаю, как они называются), Черноморском заповеднике (зимовка лебедей и др. водоплавающих около устья Днепра). Во время последней поездки до водоплавающих мы не добрались — была рекордно морозная зима (–15–20°С), Чёрное море замёрзло от берега на много километров, и все зимующие птицы находились в большой полынье, а наши болотные сапоги остались невостребованными. Так что нам пришлось ограничиться наблюдениями за фазанами и пятнистыми оленями в колках вокруг базы заповедника.

В Кызыл-Агаче (1971 год) мы познакомились с «охраной природы» в местном понимании. В самом заповеднике, недалеко от въезда, стоял «гостевой домик» за высоким забором. Нам говорили, что это для ответственных работников (име-

лись в виду секретари ЦК, вероятно, Азербайджана). Так что заповедник в советское время по совместительству выполнял функции VIP-охотхозяйства. Но и в отсутствие высоких гостей охота процветала. Мы жили на краю заповедника (в главной конторе) и специально ездили с местными егерями вглубь заповедника считать выстрелы в плавнях. С одной точки были слышны десятки выстрелов в час. Кызылагачский заповедник был единственной в СССР зимовкой розовых фламинго, и на них тоже охотились браконьеры. Так что фламинго уже в начале 70-х там оставалось совсем мало. Нам рассказывали, что большая часть стала летать на зимовку в Иран.

Зимой 1972 года, когда мы ездили на озеро Малое Далили (филиал Красноводского заповедника на юге Туркмении), я познакомился с «умными» птицами — около домика егеря лысухи и утки плавали в тростниках и подпускали на расстояние несколько десятков метров — их можно было даже сфотографировать, а с противоположной стороны озера они взлетали при подходе человека к берегу на расстояние значительно больше 200 метров, и держались в основном на открытой воде. Объяснялось всё просто — около домика, где обычно бывал егерь, никто не охотился, а на противоположный берег озера, куда егерь, возможно, и не заезжал, местные браконьеры выезжали на мотоциклах.

Практика поездок дружинников в зимние каникулы сохранялась долго. Позднее, уже сотрудником (в начале 1980-х), ездил на зимние каникулы со студентами Дружины в Узбекистан (охраняемые территории на Джизакском хребте) и под Рязань (Мещёра). В Узбекистане мы пытались что-то узнать про Айдарские разливы и загрязнение пестицидами: тогда в них шли большие сбросы воды из оросительных систем Аму-Дарьи. В Ташкенте я ходил с дружинниками на приём

к замминистра: нас приняли, но, конечно, никакой информации мы не получили...

В познавательном плане зимние поездки были очень интересные, но, к сожалению, всё было на уровне самообразования, и отчётов по этим поездкам никто не делал.

Ещё один кусок жизни, хотя и не связанный непосредственно с Дружиной. В конце 80-х годов в рамках «разрядки» начались контакты с зарубежными организациями. Я участвовал в поездке по нескольким национальным паркам в Венгрии (она была организована по линии ЦК ВЛКСМ как чисто ознакомительная), и в двух мероприятиях между МГУ и какими-то американскими общественными организациями (точных названий не вспомню, да и это не важно). В результате летом 1988 и 1989 годов мы (в основном студенты и молодые аспиранты — я был сильно старше) ездили в США, а молодые американцы, соответственно, приезжали в СССР. Оба раза я попал в Аппалачи. Нас принимал АМС — Аппалачский горный клуб (Appalachian mountain club). Это организация почти со столетней историей. Мы ездили смотреть, как у них организован туризм, и работали волонтерами на Аппалачской тропе в штате Вермонт. Там я практически познакомился с тем, как организованы рекреационные службы в США. Мы были на территории так называемого Государственного леса (National forest). Это не совсем национальный парк (в частности, вход и въезд туда бесплатный), но довольно близко к нему. Аппалачская тропа — это целая система троп, проложенных вдоль и по вершинам Аппалачских гор общей длиной более 2000 километров. Она поддерживается в хорошем состоянии за счёт работы волонтерских организаций.

Волонтеры расчищают тропу, делая её удобной для пешеходов, прокладывают водоотводные канавки, на спусках подкладывают камни и брёвна, чтобы подъёмы и спуски были не слишком крутыми, и др. Работа ведётся постоянно, так как всё это подвержено эрозии, и материалы, за исключением камней, недолговечные. Поскольку тропа туристическая, то искусственных сооружений типа мостиков минимум, и они всегда деревянные, также нет ни металлических, ни бетонных труб. Таким образом, люди, которые хотят общаться с природой, в основном идут именно по тропе, хотя сойти с неё в лес никто не запрещает. В результате лесные насаждения в минимальной степени страдают от отдыхающих.

Организация работы волонтеров. Мы жили в летнем лагере и почти каждый день выходили на работу на тропу на целый день. Иногда вместо работы были экскурсии по окрестностям, которые проводили сотрудники АМС. Так что нам показали не только тропу, но и всю инфраструктуру: гостевые домики с двух-трёхэтажными нарами, площадки для постановки палаток и прочее. Помню занятный эпизод. Мы получили инвентарь и пришли на тропу к месту начала работы. Наши студенты (основная часть группы были студенты географического факультета) решили для начала покурить. Мол, работа не волк... Через примерно 2 минуты подошёл кто-то из хозяев и спросил вежливо, по какой причине у нас забастовка? Ребята немного опешили, но пришлось сворачиваться и брать заступы и лопаты в руки... С точки зрения американцев, на работе люди работают непрерывно, кроме ланча. Про перекуры они не понимали уже тогда, хотя борьба с курением в США только-только начиналась.

Культурный шок от попадания в США я комментировать не буду: сейчас это выглядит уже совсем странно, но в то вре-

мя железный занавес только поднимался, и выездных виз из СССР ещё не отменили. В США в 80-е годы приезжало из нашей страны несколько сотен (может быть тысяч, с учётом дипломатического обмена) человек в год, так что любая группа была событием. Наш маршрут по США согласовывался на уровне МИДов, и в паспорте стояла не просто виза, а был перечислен список городов, в которых мы могли ночевать. Поэтому в штат Мэн нас завезли только на несколько часов, показали ферму для разведения лам и прилетающих к поилкам колибри (самых северных в мире) и отвезли обратно. Более того, на следующий год мне рассказал принимавший нас представитель Аппалачского горного клуба, что в 1988 году нас провезли из Бостона в Аппалачи по несогласованному маршруту (ребята хотели показать нам местную АЭС), о чём в клуб пришло представление со стороны Госдепартамента.

Ещё во время этих поездок познакомился с работой Гринпис. В офисе одной из природоохранных организаций меня попросили просмотреть подборку их природоохранных статей и сделать что-то вроде реферативного обзора. Меня сразу удивила политическая направленность этой организации. В СССР про её деятельность тогда практически никто не знал. В центре их материалов были призывы не покупать продукцию из Исландии (в магазинах, в ресторанах), поскольку исландцы в 80-е годы продолжали китобойный промысел. То есть речь шла не о конкретных нарушениях, которые надо выявлять и разоблачать, а о том, чтобы оказывать политическое давление на страну (имея в виду политику её правительства). Для меня это был некоторый культурный шок, но принципы работы американцев я запомнил с тех пор хорошо. Американские принципы, надо сказать, гораздо шире природоохранной тематики, и за последние 30 лет они не изменились.

В этом смысле современный Гринпис в России — это совсем другая организация, хотя и у них есть определённые политические моменты.

Так что, если резюмировать мои краткие записки, то опыт Дружины лично для меня был очень ценным. Я очень рад, что сама ДОП как молодёжная организация продемонстрировала удивительную жизнеспособность и сохранилась, что очень приятно, в новых условиях после распада СССР. Надеюсь, что для новых поколений студентов биофака ДОП биофака МГУ тоже послужит хорошей школой реальной жизни, какой была для многих из нас.

Харитонов Сергей Павлович,

д.б.н., в.н.с. Научно-информационного Центра кольцевания птиц Института проблем экологии и эволюции им. Северцова РАН, Почётный работник охраны природы

«Почётного работника» получил уже в зрелом возрасте, в 2016 г., за восстановление колонии озёрных чаек на территории памятника природы федерального значения «Озеро Киёво и его котловина». Таким образом, неожиданно для себя удалось сделать одно из главных дел в своей жизни, и на душе радостно оттого, что это дело связано с охраной и даже в какой-то мере «восстановлением природы», чему всегда посвящала себя Дружина. Колония озёрных чаек на этом озере располагалась по большей части на плавающих островах. С 1975 г. Дружина взяла шефство над озером, и мы совместно с Виктором Зубакиным более 10 лет организовывали здесь учёты и кольцевание чаек. Учёты проводили стандартно 9 мая, кольцевание 22–24 мая в зависимости от положения выходных. Естественная сукцессия на озере привела к тому, что острова, постепенно уменьшающиеся в размере, в 1983 г. достигли критического (в смысле уменьшения) размера и стали поворачиваться под действием ветра более чем на 90 градусов. По этой причине тысячи чаек теряли ориентацию, не могли найти свои гнёзда и покидали колонию. Процесс продолжался 15 лет, в 1996 г. на озере уже не гнездились ни одной чайки. С 2009 г. совместно с активными жителями города Лобни (я выполнял в основном роль специалиста, который «указывал», что и как делать) начались работы по восстановлению колонии. Не без проблем, но усилия увенчались успехом: в 2013 г. чайки вновь загнездились на озере, а с 2014 года

колонию можно было уже считать восстановленной. Сейчас колония год от года, хоть и медленно, но набирает численность, несмотря на полное отсутствие свалок (основной кормовой ресурс озёрных чаек в других колониях Московской области) в ближних и дальних окрестностях озера Киёво.

Однако всё это произошло потом. А в начале была Дружина. Скажу сразу, хотя в Дружине я провёл примерно 7-8 лет, по большей части был рядовым дружинником. Нередко был старшим на выездах, но в командиры подразделений не попал — то ли не стремился, то ли не соответствовал, трудно сейчас сказать.

Моё пребывание в Дружине имеет следующую особенность — у меня было как бы «два прихода» в Дружину с перерывом примерно в 3 года. Первый «приход» — 1970–1975 гг. — начался с выезда сектора БсБ. Привлёк меня туда Виктор Пичугин, с которым я дружил, и мы в течение первого семестра съездили на несколько выездов. После этого произошло интересное событие — «дружинный» выезд в заповедник Кызыл-Агач в январе-феврале 1971 года. Нас туда поехало 18 человек, организовал выезд Свет Забелин. Конечно, основным нашим занятием в заповеднике было ознакомление с зимующей орнитофауной заповедника. Однако дружинная жилка не дремала: мы провели довольно сложный учёт уровня браконьерства в заповеднике. До сих пор хорошо помню, что в те времена в январе-феврале в воскресные дни внутри заповедника насчитывалось в среднем 5 выстрелов в минуту.

В те годы именно Дружина, поскольку она собирала и таким образом знакомила студентов разных групп и кафедр между собой, нередко организовывала зимние выезды групп единомышленников в разные заповедники. После опыта

Кызыл-Агача, где я был первокурсником, уже на втором курсе, в зимние каникулы 1972 года, мы вместе с Валентином Рыльниковым (тоже дружинником) уже сами организовали выезд группы в заповедник Гасан-Кули (филиал тогдашнего Красноводского заповедника). Нас всего было 15 человек. К счастью, в отличие от Кызыл-Агача, в Гасан-Кули браконьерство не процветало (хотя о полном его отсутствии говорить не приходится: «Много птичек в сеть попадайся – много птичек кушай, мало птичек в сеть попадайся – мало птичек кушай»), и мы могли всё своё время посвятить знакомству с замечательной природой полупустынь Туркмении и околоводной фауной озера Малое Делили.

В течение остальных студенческих лет (до 1975 г.) в основном также ездил на выезды БсБ, иногда немного работал в других секторах. В эти же годы привёл в Дружину своего брата Николая Харитонова. Брат меня младше на 4 года, и в эти годы был ещё старшим школьником, тем не менее, неплохо помогал нам ловить браконьеров. Позже, когда брат после армии поступил на биофак, он оказался в Дружине сразу, практически автоматом, и уже в какой-то мере как «заслуженный дружинник», поскольку был активнее, чем я.

Здесь я бы хотел отметить ещё один интересный необычный момент — на биологическом факультете Дружина имела не только всяческую поддержку преподавательского состава и деканата, но и бюрократический статус, то есть через Дружину было возможным вести в некотором роде «делопроизводство». Понял я это следующим образом. После первого курса мы с Виктором Пичугиным списались с Кандалакшским заповедником, и директор согласился нас принять для временной работы в одном из филиалов заповедника — Семь Островов. Однако — погранзона. Чтобы получить туда про-

пуск, необходима командировка. А чтобы была командировка, необходима была организация, которая своего «работника» в эту командировку пошлёт. Хотя мы были студентами факультета, но не являлись его работниками, в получении командировок мы с Виктором всё время получали отказ. Время шло, надо было успеть сделать пропуска до начала летней практики. Стою я на мостике пригорюнившись. Ко мне подходит тогдашний командир Дружины Паша Томкович: «О чем печаль...» «Да вот...» «Какая проблема, пиши заявление на командировки, я подпишу». И — чудо, по заявке от Дружины деканат дал нам командировки, и мы, счастливые, поехали на Семь Островов. Был у Дружины и свой материально ответственный, через которого можно было получить на выезды или в экспедиции спальные мешки, бинокли, энцефалитные костюмы и другое полевое оборудование. Это была молодая женщина, штатный сотрудник факультета, имя и фамилию её я, извините, не помню.

Второй приход в Дружину состоялся с 1978 по 1980 гг., когда я начал работать в Центре кольцевания птиц. Хотя я также ездил на выезды, ловил браконьеров, работал в секторе «Фауна», тем не менее, наверное, основным мотивом этого второго прихода было желание вновь оказаться в массовой студенческой молодёжной среде. Окончание этого «второго прихода» произошло в 1980–81 гг. уже после женитьбы (супруга не из Дружины) и появления семьи.

В этот период мне особенно запомнился один момент, который расцениваю как негативный, хотя я действовал полностью по закону. Однако потом пришла долгая рефлексия, отчего усомнился в правильности некоторых показателей в работе Дружины. Дело было осенью 1979 года, выезд под Шатуру. Выезд был массовый, поэтому для работы пришлось

разбиться на несколько групп. Мне выпало быть старшим одной их групп. Народ был настроен решительно: «Надо поймать больше браконьеров, а значит — составить больше протоколов». Выловили браконьера — ловил рыбу запрещённым орудием: вершей. Я на адреналине составил протокол. Когда прошла пара дней, я вдруг начал рефлексировать. Да, мужик наловил рыбу вершей, но что это была за рыба? А наловил он килограмма полтора-два одних бычков-ротанов, поедателей икры гораздо более ценных рыб. Наловил их вершей, ну туда им и дорога!... Бычков мы выпустили. Ну, и кому от этого хорошо? Надо сказать, что тот случай мне сильно врезался в память, до сих пор муки совести по этому поводу посещают.

В последующие годы всё же время от времени участвовал в работе, правда уже не в ловле браконьеров, а разведке распределения и учёте редких птиц Московской области, поскольку появилась своя машина. Подобные наблюдения мы с супругой время от времени выполняем и сейчас, уже сильно «не в студенческом» возрасте.

Линник Виталий Григорьевич,

д.г.н., главный научный сотрудник лаборатории эволюционной биогеохимии и геоэкологии Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН

Как я оказался в Дружине по охране природы биофака МГУ?

Весной 1971 года (точно уже не помню, вероятно, это было в мае) в лифтовом холле ГЗ МГУ (где расположены лифты, ведущие в Музей земледения и на географический ф-т — 17–22 этажи) появилось объявление о том, что приглашаются студенты в рекреационно-биогеоценологическую экспедицию МГУ, которая планируется на август в Московской области. Была указана дата собеседования для отбора претендентов. Я был студентом I курса географического факультета, экзаменационная сессия завершалась в конце мая, затем была полевая практика для всего курса (это более 200 студентов) в д. Сатино (Боровский р-н Калужской области) в июне-июле и первых числах августа, затем у меня было свободное время. Некоторые мои друзья-географы, которые хотели куда-нибудь поехать, устраивались в экспедицию на август, учёба на II курсе начиналась с сентября (в то время студентов обычно отправляли в колхоз собирать картошку). Поэтому я проявил интерес к экспедиции, тем более что это был для меня малознакомый биологический факультет — хотелось поближе познакомиться с биогеоценологией на практике.

В указанное время я пришёл на собеседование. Уже сейчас не помню всех членов этой «комиссии», но среди них ярко выделялся Н. Н. Марфенин. С бородкой, чернявый, очень энергичный аспирант, как магнит, притягивающий к себе собеседника. Он как раз и был командиром (руководителем)

этой экспедиции. Собеседование в основном касалось не практических навыков (откуда им взяться у студента I курса), а в большей степени коммуникативности и психологической совместимости для работы в молодёжном коллективе. Собеседование я успешно прошёл, и мне Н. Н. Марфенин сообщил, что я буду работать непосредственно под его руководством: составлять карты рекреационных зон на Тишковском водохранилище, расположенном к северу от Москвы. Поскольку в весеннюю сессию я завалил математику и мне предстояла пересдача 25 мая, то я был больше озабочен пересдачей экзамена, поэтому контактов с биологами у меня было до самого августа.

Экспедиция в Тишково в 1971 году

Моя студенческая практика в Сатино завершилась в первых числах августа, к тому времени студенческая экспедиция уже работала в Тишково, так что я самостоятельно добирался туда на «Ракете». Так как никто не знал точно, когда я приеду, меня никто не встречал, то выйдя на пристани в Тишково и спросив, где базируется экспедиция, я с рюкзаком отправился искать базу Управления Лесопаркового хозяйства Московской области. Это было двухэтажное деревянное здание, где участники экспедиции жили, питались и здесь же были организованы лаборатории. Я был последним, кто приехал в экспедицию, свободные места для проживания оставались только на дебаркадере, о чём я нисколько не жалел. На дебаркадере было 2–3 человека (одни ребята), уже и не вспомню, кто это был. Умыться утром было очень удобно — мы ведь жили на воде. Но эта моя «изоляция» на дебаркадере в то время сыграла свою отрицательную роль, поскольку я толком не «влился» в коллектив, где все хорошо знали друг друга по совместной учёбе на биофаке.

Крайне необычным для меня было то, что в экспедиции были только одни студенты и аспиранты (никаких преподавателей!) Аспиранты, как более опытные, осуществляли руководство. Ничего подобного, как было в нашей экспедиции, я больше не встречал.

В 1971 году была уже вторая студенческая экспедиция. Первая годом или двумя годами ранее проходила на Соловках. Об этой экспедиции я услышал от Наташи Горбачевской, принимавшей в ней участие как геоботаник, хотя училась на кафедре высшей нервной деятельности. Хотя биогеоэкологические исследования предполагали выполнение полевых исследований, многие студенты по своей основной специальности были с других кафедр, не экологического профиля. Тем не менее работали они вполне квалифицированно, освоив смежные специальности. Так, в группе геоботаников, которые занимались оценкой разрушения растительного покрова, работали также студенты с других кафедр.

Исследования проводились в береговой зоне водохранилища, на которой располагались «стационарные» отдыхающие, среди них много было пенсионеров, которые отдыхали целыми компаниями. Они отдыхали многие недели и даже месяцы на водохранилище. Для этого сооружались целые лагеря, со своей «жилой» зоной в палатках, оборудовались «столовые», закрытые полиэтиленом от дождя. В основном такие отдыхающие вели себя вполне цивилизованно: убирали за собой мусор, следили за порядком, лес, как правило, не вырубали.

Негативное воздействие отдыхающих заключалось в уничтожении растительности и чрезмерном уплотнении почвы в результате вытаптывания. Аборигенные лесные виды растений замещались луговыми и однолетними видами, устойчивыми к вытаптыванию. В задачи наших иссле-

дований как раз и входило определение допустимых рекреационных нагрузок, то есть сколько отдыхающих может находиться на берегу водохранилища без особого ущерба для леса.

Неорганизованные «воскресные» туристы, которые приезжали на выходные дни, вели себя совершенно по-другому, часто варварски: рубили целые деревья, а не собирали валежник, оставляли после себя груды мусора в виде консервных банок и бутылок. Кстати, в наши задачи входил подсчёт этого количества банок. Вот такие стоянки и проверялись инспекторами из числа дружинников. Такие рейды для меня были непривычными, так что можно сказать, что я в свой первый рейд попал в августе 1971 на берегу Пестовского водохранилища. Я впервые узнал, что такое инструктаж, как нужно окружать туристов, как нужно стоять, когда инспектор ведёт беседу, какие могут быть опасности при общении с зачастую уже нетрезвыми туристами, у которых под рукой топор.

Этот рейд мне запомнился не тем, что он был первым для меня, а тем, что он проходил уже поздно вечером, было темно. Проверяемые стоянки «диких» туристов находились на удалении друг от друга, нужно было в темноте без лишнего шума передвигаться в лесу по тропе, а затем заходить на стоянку. Там уже был свет от костра, были уже наши клиенты — «турики». Но вот само это зрелище, когда с десятков совсем юных ребят и девчонок окружают стоянку, перекрывают пути отхода, для отдыхающих могло быть и шоком.

В тот раз инспектором был Ваня Воробьёв. А он настолько был вездливый в общении с потенциальными нарушителями, что как-то не верилось, что ничего противозаконного он не найдёт. Обычные нарушения в таких случаях — это лапник из вырубленных молодых ёлочек под палаткой, рубка

которых была под запретом. У меня перед глазами картина, как Иван Воробьёв тихим голосом разговаривает с туристами, и если находит нарушение, то с каким-то буквоедством заполняет протокол на нарушителя при свете фонарика. Дружинники при этом не стояли на месте, часть их осматривала окрестный лес на предмет срубленных деревьев для кострища. Но ничего такого особо запоминающегося в этом рейде не было.

Рекреационные исследования в тот период активно поддерживались руководителями лесопаркового хозяйства Московской области, которые как раз и отвечали за сохранность лесных массивов на берегах водохранилищ. Научное руководство осуществлялось Н. С. Казанской, геоботаником из Института географии АН СССР, ведущим специалистом по рекреационным дигрессиям лесных биогеоценозов. Подключение дружинников биофака МГУ различных специальностей расширило круг изучаемых проблем рекреации: из чисто геоботанических эти исследования превратились в настоящие биогеоэкологические.

Экспедиция была многочисленной (15–20 человек) и включала несколько групп: энтомологов, геоботаников, почвоведов, микробиологов, группу по почвенным беспозвоночным. Мне, как географу, было поручено картирование туристических стоянок и тропиной сети, чтобы оценить ущерб от «дикого» и «стационарного» туризма.

Контрольные площадки были выбраны на двух берегах. Эти площадки характеризовали разные стадии дигрессии. В запретной (водоохранной) зоне была выбрана контрольная площадка. На том берегу, где мы жили, на площадки отправлялись пешком. Пара дежурных оставалась на базе на кухне. Я один-два раза также был дежурным на кухне, но воспоми-

наний на это счёт у меня уже не осталось. Но кормились мы неплохо.

На противоположный берег на контрольные площадки отправлялись с дебаркадера, где у нас было две лодки. Плыть до дальних площадок нужно было более получаса. Само по себе плавание при хорошей погоде всегда было в радость, вода в водохранилище в это время была ещё тёплой.

Что запомнилось в экспедиции в Тишково — так это написание отчёта. На летней географической практике в Сатино я уже привык к тому режиму, когда практика по отдельным дисциплинам (геоботаника, почвоведение, гидрология и др.) продолжалась всего лишь неделю. Несколько дней учебных, затем самостоятельная работа и к концу недели написание зачётного отчёта. Времени всегда не хватало, поэтому отчёты в основном писались в ночное время. Что-то аналогичное было и в экспедиции ДОП в 1971 году. С той лишь разницей, что в подготовке отчёта принимало участие намного больше участников и на завершение отчёта потребовалось 3–4 дня.

Инициатором и «цербером» при подготовке студенческого отчёта был Николай Марфенин, который ясно дал понять, что отчёт должен быть завершён прямо в экспедиции. Важным было, чтобы все дневниковые записи по экспедиционным дням были обязательно обработаны и дано описание результатов, поскольку добиться письменных отчётов от студентов осенью, когда уже идут учебные занятия, было бы абсолютно безнадёжным делом. В этом я сам хорошо убедился уже на следующий 1972 год, когда отчёт по материалам экспедиции на Байкал составлялся осенью в Москве. Но об этом я расскажу чуть позже, описывая экспедицию на Байкал.

Итак, во время подготовки отчёта участники экспедиции находились круглосуточно все вместе в одном помеще-

нии. Вот за эти несколько дней подготовки отчёта я сблизился с дружинниками ближе, чем за всё время экспедиции. Каждая группа (в которой был свой командир) готовила свой раздел. Н. Н. Марфенин редактировал все разделы. Тогда не было компьютеров, и все отчёты были рукописными. Графики рисовались на миллиметровке. На гидрологической и метеорологической практиках в Сатино, наиболее математизированных, мы просто рисовали графики, хотя с основами статистики уже были знакомы (в весеннем семестре нам читали курс по статистике, был зачёт, но не экзамен). Здесь же я увидел совершенно иной уровень владения статистикой. Использовался учебник А. Н. Плохинского «Биометрия». В экспедиции была прекрасная библиотека, которую привезли из Москвы. Статистикой свободно владели Лена Надеждина и Иван Воробьёв, которые проводили геоботанические исследования.

Свою часть отчёта по картам стоянок я довольно быстро завершил, поэтому мог вникать в то, чем занимаются другие группы. Я помню, как Андрей Карлсен (работал с Н. Н. Марфениным) не успевал обрабатывать данные по почвенным беспозвоночным. Николай Марфенин тогда привлёк для помощи всех «свободных». Был составлен график, мне выпало считать количество нематод (никогда в жизни до этого их не видел, меня быстро научили их различать) под биноклем несколько часов ночью, пока меня не сменили.

Вот такое профессиональное общение меня, географа, с биологами оказалось очень полезным в будущем, когда в моей новой профессиональной деятельности радиоэколога понадобились экологические навыки, полученные в биологических экспедициях: студента в 18 лет можно научить чему угодно, лишь бы у него самого было желание учиться.

Интересно, что многие дружинники не были профессионалами в той области биологии, которой они занимались в экспедиции. Так, например, Н. Н. Марфенин, командир экспедиции, был аспирантом кафедры зоологии беспозвоночных. Лена Надеждина и Иван Воробьёв, которые в Тишково работали как геоботаники, стали молекулярными биологами, хотя уже в 18 лет они предлагали нестандартные решения в рекреационной биогеоценологии. Лена Надеждина предложила исследовать куртины леса (части фитоценоза, где в центре группа деревьев с кустарниками) как локальные модели стадий дигрессии. В прибрежном лесу стадии дигрессии (от 5-й до 3-й) занимают пространство в десятки или даже сотни метров. Тогда как в куртине леса (её размер несколько метров) можно выделить аналогичные стадии дигрессии (микродигрессия).

После экспедиции 1971 года я не так часто контактировал с дружинниками биофака, хотя участие в «ёлочной кампании» принимал. В это время на географическом факультете благодаря инициативе Константина Клокова (кафедра биогеографии географического факультета), с которым я познакомился, также делались попытки организации, аналогичной ДОП биофака. Он был членом ДОП биофака, ездил с ними на выезды. Костя Клоков рекомендовал меня в кандидаты ДОП. Поэтому предложение Н. Н. Марфенина относительно поездки в экспедицию в 1972 году на Байкал меня, естественно, заинтересовало.

ДОП географического факультета появилась чуть позже, скорее всего, в 1972 году. Первым командиром был Лёня Рыбалов, затем следующим командиром стал Саша Мартынов, но это уже был, скорее всего, 1974 год. Я ездил несколько раз на выезды с географами. Мне запомнился выезд в 1974 году

в Конобеево. Андрей Сурбанос, как инспектор, задержал двух браконьеров, мы отошли на станцию, где забаррикадировались в ожидании милиции. Нас было не больше 10 человек, а осаждающих — несколько десятков (в это время в клубе были танцы, поэтому местные просто решили сменить танцы на мордобой). При этом местный общественник с «корочками» предлагал нам по-хорошему отпустить браконьеров. По-хорошему не получалось, мы не уступали, в итоге браконьеров у нас всё-таки отбили (при этом нам всем хорошо досталось). Общественник следил за тем, чтобы нас особо не покалечили, причём его нападавшие слушались беспрекословно: он был старше всех по возрасту. Нам была предложена эвакуация, силы были явно не в нашу пользу, поэтому, так и не добравшись до базы в охотхозяйстве, под охраной вызванного наряда милиции мы поехали электричкой ночевать на вокзал в Воскресенск. При выходе с вокзала в Конобеево, когда мы проходили сквозь толпу негодующих местных жителей, нас осыпали тумаками, доступно объясняя, что у них здесь КНР (Конобеевская народная республика), а не власть советов, и каждый второй уже сидел, а не сидевшие — это кандидаты на отсидку.

Экспедиция на Байкал в 1972 году

Лето 1972 года было необычайно жарким. Все изнывали от жары, а к концу лета также из-за дыма — горели леса. Первая часть нашей экспедиции проводилась на Ласковском озере (Солотча, 30 км от Рязани) — любимом месте отдыха жителей Рязани. Точно уже не помню, но мы там работали не очень долго, вряд ли больше, чем неделю. Пожара, к счастью, здесь не было. Но противопожарные меры были строгие.

Как и везде в рекреационных лесах, здесь нами также выделялись все стадии рекреационной дигрессии лесов. Отли-

чие соснового леса от ранее изученных ельников и березняков на Пестовском водохранилище с суглинистыми почвами было в том, что Ласковское озеро расположено в Мещёре, которая относится к полесскому типу ландшафтов с песчаными почвами. Здесь исследования проводились по сокращённой программе, из них самыми важными были геоботанические исследования для выделения стадий дигрессии. Я уже не могу точно вспомнить, писали ли мы тогда общий отчёт (полевые материалы у меня не сохранились). Возможно, это связано с тем, что меня, как и остальных членов экспедиции, ожидало необычное путешествие на оз. Байкал, которое по своим впечатлениям затмило всё то, что происходило тогда в 1972 году.

Итак, в августе 1972 г. после экспедиции на оз. Ласковское дружинники отправились в экспедицию на оз. Байкал. Насколько я помню, финансировал нашу экспедицию Совет Молодых Учёных МГУ. Мы были первыми, кому предстояло оценить, какой же ущерб наносит природе «дикий» туризм. Добирались мы до Байкала самолётом до Иркутска, затем автобусом до Листвянки, где и была наша временная база.

Почему-то мне запомнился первый наш выход из Листвянки в сторону Больших Котов — одного из туристических маршрутов неорганизованных туристов. Что собой представляло побережье Байкала? Это сосновые леса, растущие на крутом каменистом склоне. Наземный растительный покров довольно разреженный, склоны все осыпные. Начиная от обрывистого берега, параллельно друг другу на разной высоте проходили туристические тропы. Из-за крутизны склона перемещаться можно было только по тропам, иначе можно было свалиться вниз. На склоне росли сосны. Пригодный участок для стоянки располагался на удалении примерно

3 км от Листвянки в днище распадка. Так же как и в предыдущих экспедициях, были выделены стадии рекреационной дигрессии, но из-за обрывистого рельефа их площади были небольшими. Вытаптывание растительности и разрушение почвы в окрестностях Байкала происходит быстрее, чем в равнинных лесах.

До Больших Котов (расстояние 18 км) мы так и не дошли, исследовали только ближние к Листвянке стоянки. В Больших Котах размещалась Байкальская биостанция Иркутского университета. Наверняка коллеги биологи оказали бы нам существенную помощь при проведении наших исследований. Однако по причинам, которые я уже сейчас не могу вспомнить, я в окрестностях Больших Котов не работал, а руководство экспедиции (Н.Н. Марфенин и Д.Н. Кавтарадзе) отправило меня командиром небольшого отряда (со мной был Николай Шоромов, брат Любы Шоромовой, и ещё 2–3 геботаника — все девушки) на несколько дней в бухту Песчаную, которая находилась на удалении 80 км от Листвянки. В бухту Песчаную мы добирались по воде, туда регулярно ходил пароход из Иркутска, который привозил туристов на турбазу, работающую и в летний период.

Бухта Песчаная считалась экзотическим местом благодаря своеобразным ландшафтными условиям. Бухта размером примерно 700 м с песчаным узким пляжем (20–30 м) полумесяцем врезалась в берег Байкала. С севера и юга её ограничивали два скалистых выступа высотой 50–80 м, которые назывались Большая и Малая Колокольня. Это были любимые места, куда туристы днём карабкались на вершину. Благодаря защищённости бухты от ветров, а также более тёплому микроклимату вода в бухте была теплее, чем в Листвянке, однако всё же холодная для купания, если сравнивать

её с морской водой в Чёрном море. Поэтому только самые отчаянные решались купаться в озере.

В самой бухте располагалось деревянное здание турбазы и несколько деревянных домиков. Здесь жили организованные туристы, которые ходили на несколько дней в маршруты. Нас же интересовало влияние неорганизованных туристов, которые организовывали стоянки за пределами самой бухты.

Мы расположились в двух палатках на некотором удалении от турбазы рядом с Большой Колокольной в северной части бухты, где и провели 2–3 дня. Днём мы выходили в маршруты к югу и к северу от бухты Песчаной. Удобных мест для стоянок здесь было немного, да и плотность «диких» туристов была не очень высокой, благодаря чему их отрицательное воздействие не было катастрофическим.

Вечером после маршрута мы обычно проводили время у костра в разговорах о науке. Коля Шоромов заканчивал физтех в Долгопрудном по специальности химфизика. Мы долго с ним обсуждали, как соотносится физика и химия с биологией и географией. Какое место занимает математика в познании мира. Взгляд физика на привычные мне вещи был необычным, но он заставлял задуматься о многом. Для меня это был совершенно иной взгляд на окружающий мир, который манил своей таинственностью. Именно тогда я уже точно для себя решил, что на одном географическом образовании останавливаться нельзя и необходимо расширить свой научный фундамент в пользу математики и физики, чтобы решать те проблемы, которые меня интересовали.

Чуть позже (в 1979 г.), когда я стал сотрудником лаборатории системной экологии (все сотрудники лаборатории, кроме меня, были выпускниками физтеха) и участником школ по математическому моделированию в экологии (с 1980 года),

то узнал, что математики не обошли своим интересом озеро Байкал. В 1969 году летом в течение 20 дней в бухте Песчаная проводилась школа по «Методам оптимизации и их приложениям». Причём все доклады проходили на открытом воздухе — математики писали формулы на доске, прикрепленной к двум соснам. Математикам настолько понравилось это место, что в 80-е годы здесь были проведены ещё две школы.

Одним из замечательных эпизодов экспедиции на Байкале было плавание на пароходе «Комсомолец» по всему озеру. Время в пути составляло 5 суток, протяжённость нашего маршрута составляла более 1 тысячи километров. Это была своего рода «озёрная электричка», которая на своём пути с южной части озера (Порт Байкал) на север (Нижнеангарск) ходила галсами, пересекая несколько раз озеро с западного побережья к восточному и наоборот.

Пароход был древний, довоенной постройки. Это было единственное транспортное судно, которое перевозило как грузы, так и пассажиров. Число перевозимых пассажиров было ограниченным (нашёл в Интернете цифру, равную 200). Поскольку желающих путешествовать было намного больше, чем мест на корабле, то проблема «захвата» мест на корабле была самой важной. Билетов на корабль заранее не продавали (билеты продавались уже на пароходе тем, кто занял места), поэтому пассажиры брали «штурмом» это судно. Не дожидаясь окончания швартовки, нужно было прыгать на корабль и бежать «захватывать» места. Прыгали на пароход налегке (без спальников, но с рюкзаком), чтобы легче было бежать до свободной каюты. Девушки в этой давке не участвовали и сидели последними на судно на занятые нами места. Подробности этой «операции» уже стёрлись из памяти, но никто из членов нашей экспедиции на берегу не остался.

Многие из туристов, кому не достались места внизу корабля, размещались прямо на палубе, расстелив спальные. Так что при желании мы могли ночевать как в каюте, так и на верхней палубе.

В 1972 году «Комсомолец» был единственным транспортным средством на Байкале, на котором можно было достичь немногочисленные населённые пункты на побережье озера. Поэтому, кроме туристов, на судне перемещались также местные жители, а также многочисленные участники различных экспедиций (или командировочные). Естественно, поскольку на судне среди пассажиров был разный народ, часто нетрезвый, то возникали драки. Помню один случай, когда в трюме началась «заварушка», к счастью не дошедшая до поножовщины. Её прекратил Дмитрий Кавтарадзе. У него был милицейский свисток, он без раздумий бросился в трюм и стал свистеть. Буза, к счастью, затихла. Я тогда у него спросил, не боялся ли он озверевшей толпы. И он мне честно ответил, что здесь дело случая — драка после свистка или прекратится, или могут прирезать. Но поскольку совсем «отмороженных» на «Комсомольце» в то время не было, инцидент был исчерпан.

Мы практически всё свободное время проводили на палубе, фотографировали берега. Байкал отличался поразительной чистотой воздуха, поэтому, несмотря на его размеры (ширина озера в наиболее узкой части изменяется в пределах 40–70 км) видимость была поразительной, можно было прекрасно наблюдать распадки горных массивов за сотню километров.

И ещё. На Байкале были потрясающие закаты. Я сделал целую серию байкальских слайдов и с гордостью показывал их своим знакомым. Перед этим в июле 1972 г. я проходил

учебную ландшафтную практику в Хибинах. Лето 1972 года было экстремально засушливым, горели леса. Тогда в Хибинах в июле я впервые увидел то, что можно условно назвать «закатами» (поскольку в июле полярный день). В те 2–3 ночных часа в атмосфере рождались необычные картины: облака подсвечивались и яркие краски ночного неба напоминали картины Рокуэлла Кента, популярного в СССР американского художника, картины которого выставлялись в Москве.

Не везде «Комсомолец» мог подойти к берегу и не везде были оборудованные причалы. Чтобы попасть на берег, на «Комсомольце» спускались шлюпки. Волнение на озере играло немаловажную роль, была опасность окунуться в холодные воды Байкала (около 12 градусов). Так что не всегда была возможность сойти с корабля на берег.

Судно было приспособлено плавать в любую погоду, даже в шторм. Это уже было ближе к концу августа, стало довольно прохладно. Помню, как уже на обратном пути рядом с о. Ольхон мы попали в шторм, был сильный ветер, высокие волны, качка, от которой у многих началась «морская болезнь». Я вышел на палубу, ветер буквально валил с ног, было ощущение, что может сдуть тебя прямо в озеро. От волн постоянно окатывало брызгами. И при этом было очень яркое солнце. Вот такое необычное сочетание природных стихий потрясло воображение.

Пожалуй, самым интересным местом при движении на север озера были две труднодоступные точки. Одна из них — это бухта Хакусы на северо-восточном берегу Байкала. В памяти остались горячие источники, в которых мы купались (температура явно выше 35 градусов), а также бухта Аяя, в которой запомнились практически непуганые бурундуки, которые стаяй сбегались, чтобы посмотреть на людей. Тогда

в 1972 году это были практически нетронутые ландшафты. По крайней мере, явного отрицательного влияния отдыхающих мы не обнаружили.

После круиза на «Комсомольце» несколько дружинников (я также был в их числе) решили добраться до г. Байкальска, который располагался на южном берегу озера. Это место было известно из-за Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК), который производил авиационный корд, причём отходы производства сливались в воду, загрязняя Байкал. В это время шла ожесточённая борьба общественности за сохранение Байкала. Поэтому мы и решили побывать в Байкальске. Как мы туда добирались из Листвянки и обратно — помню очень смутно. Однако в памяти осталась поездка по Кругобайкальской железной дороге от ст. Байкал до Слюдянки. Это была однопутная дорога, которая проходила прямо у берега озера через многочисленные туннели.

Окрестности Байкальского ЦБК запомнились тем, что окружающий лес имел признаки явного усыхания, однако на саму промплощадку, чтобы увидеть сточные сооружения, мы так и не попали. В этой же поездке мы посетили карьер в отрогах Хамар-Дабана (точное его местоположение не могу вспомнить, скорее всего это было рядом со Слюдяной), где добывался мрамор. В памяти осталась автомобильная дорога от рудника, выложенная мраморной крошкой. Действительно, богатства Сибири были необъятны, если дороги делались из мрамора. Это оказалось дешевле, чем завозить из другого места щебень, да и отходы с рудника нужно было куда-то девать.

После экспедиции на Байкал нужно было писать отчёт для Совета Молодых Учёных МГУ, который нас финансировал. Н. Н. Марфенин взялся за меня очень цепко — ответ-

ственным за отчёт был назначен я. Очень тяжело дался этот отчёт, в сентябре и октябре я занимался отчётом, буквально «выколачивая» его части из участников экспедиции. Тем не менее к ноябрьским праздникам он был подготовлен, и мы отчитались за расходование полученных средств.

После экспедиции на Байкал я стал более активно принимать участие в деятельности ДОП. Я стал чаще ездить на выезды. Запомнились то, что все выезды сопровождались пением под гитару, начиная ещё с электрички. И ещё — это сильно отличало биофак от географов. Совсем уж сухого закона не было, но и не было беспробудного пьянства. Для Дружины это было бурное время, кипели «политические» страсти, в подоплёке многих из них мне было трудно разобраться, поскольку я всё-таки был с другого факультета, а многие личностные взаимоотношения формируются в процессе учёбы. Чтобы стать членом ДОП, нужно было сдать теоретический минимум. Его принимали КНБ и Тихомиров В. Н. Поразительно, но такая теоретическая подготовка, даже если ты не всё из теории охраны природы (экологии, биогеоценологии) усвоил, подымала «планку» требований и ожиданий очень высоко.

Экспедиция в Тишково в 1973 году

Летом 1973 года по предложению В. В. Ланиной из Управления лесопаркового хозяйства в Тишково было предложено спроектировать зону отдыха в соответствии с разработанными в ДОП рекомендациями. Н. Н. Марфенин предложил мне стать командиром этой экспедиции, которая проходила в августе. Мы размещались, как и в 1971 году, в том же деревянном двухэтажном доме. Также плавали на двух лодках до своей площадки на противоположном берегу. К нам регуляр-

но на несколько дней приезжали дружинники. Воспоминаниями об этой экспедиции поделилась Наташа Пономарева в предыдущем выпуске воспоминаний. Поэтому я не буду повторяться, отмечу только, что обработка полевого материала и написание отчёта — это традиционная «ахиллесова пята» студенческих экспедиций. И те несколько дней, которые отводились на обработку данных, переходили в ночные посиделки, поскольку не хватало дня. В итоге я, не спавши двое суток подряд, отправился на слёт дружинников в Окский заповедник, который проходил в конце августа. Уже в заповеднике я «проспал» в прямом смысле этого слова одно из важных заседаний (оно проходило без меня), за что получил заслуженный выговор, ведь нам предстояло отправиться на р. Оку для борьбы с браконьерами.

Я попал в группу из трёх человек (Иван Воробьёв, Миша Штейнбах и я), которым было поручено перегнать казанку из центральной усадьбы на Оку. Расстояние до Оки было примерно 20 километров. Чтобы не пугать зверей, мы перемещались ночью без мотора, используя только весла. Стояла холодная погода. Когда мы плыли по р. Пра, то в темноте постоянно натывались на брёвна в воде, нужно было каждый раз выплывать в правильном направлении. Но больше всего досаждали бобры, их там было много. Они всегда неожиданно прыгали перед лодкой или рядом с лодкой с берега в воду, окатывая нас холодной водой, и к этому невозможно было привыкнуть. Так мы и плыли вниз по течению, мокрые, но нисколько не жалеющие о том, что согласились на такое путешествие. К месту назначения мы приплыли уже на рассвете. Когда стало светло, вся прелесть ночного плавания вмиг улетучилась и превратилась в трудную, но необходимую работу. Да и бобры перестали прыгать в воду, хотелось

их поближе рассмотреть. Миша Штейнбах, великолепный фотограф, пытался всё наше путешествие запечатлеть на фотографиях. Хотелось бы их сейчас увидеть.

Осенью 1973 я стал членом штаба ДОП как командир сектора рекреации. Вероятно, я единственный за всю историю ДОП тех лет, кто стал членом штаба, не будучи студентом биофака МГУ. Об этом периоде (работа в штабе) у меня мало воспоминаний. Вероятно из-за того, что это в большей степени «бюрократическая» деятельность, где нет места каким-то эффективным событиям.

Относительно рекреации для себя я не видел там особых перспектив, поскольку методики уже были предложены, мы уже спроектировали одну из зон отдыха в Тишково. Оставалось только тиражировать всё изобретённое на новых объектах. Поэтому я отказался организовывать очередную экспедицию.

У меня уже тогда были другие интересы, мне нужно было искать своё место в географии. IV курс — это как раз то время, когда надо было становиться профессионалом по той специальности (у меня была кафедра физической географии), по которой ты учишься. Но меня уже тогда привлекало моделирование (я продолжал контактировать с Колей Шоромовым, с которым мы в бухте Песчаной обсуждали моделирование в географии). В наступившем будущем, в 80-е годы, это получило название геоинформационное моделирование. Но в середине 70-х годов в СССР геоинформатики ещё не было — время ещё не пришло.

Николай Николаевич меня убеждал, что рекреация — это и есть удачный пример для географического моделирования. В экспедициях ДОП было показано, что расположение туристических стоянок зависит от удалённости от береговой линии, рельефа, распределения растительности. Если пе-

ремещение туристов хаотическое, то происходит сплошное разрушение наземного растительного покрова. Оптимизируя расположение тропинок от стоянок к пляжу, можно снизить рекреационные нагрузки. Аналогичным образом возможна минимизация антропогенного воздействия, если удачно разместить в ландшафте объекты техногенного воздействия. В настоящее время такими задачами занимается ландшафтная экология. Но тогда, в начале 70-х годов, всё это было только в виде смутных предположений.

Согласившись не полностью с Н. Н. Марфениным, я решил специализироваться на районных планировках, оптимизации размещения промышленных объектов и их влиянии на окружающую среду. В настоящее время это называется «экологической экспертизой». Поэтому для прохождения преддипломной практики я выбрал Архитектурно-планировочное управление г. Москвы, где как раз и занимался рекреацией, но уже не на уровне отдельных стоянок, а целых зон отдыха на побережье водохранилищ.

Экспедиция в Аксаково в 1974 году

Экспедиций на практике в Архитектурно-планировочном управлении г. Москвы у меня не было, были только короткие командировки от МГУ (географический ф-т) по разным фондовым организациям.

Летом 1974 года был чемпионат мира (ЧМ) по футболу. Я смотрел практически все матчи, очень огорчился, что сборная Нидерландов (за которую я болел) взяла серебро, проиграв в финале Германии.

И вот когда закончился ЧМ, я ехал в метро от м. Университет в центр. Перед станцией Ленгоры метropоезд резко затормозил, я стоял в вагоне, не держался за поручень. От рез-

кой остановки я «пролетел» с полвагона, но устоял на ногах. И меня осенило! Я вспомнил одну работу поляков по рекреации, где студенты экспериментально определяли устойчивость травяного покрова к вытаптыванию: группа студентов хаотично ходила по площадке, пока не появлялись проплешины голой земли. Это было воздействие одноразовое. И у меня родилась идея, что нужно смоделировать одноразовое и многократное воздействие экспериментально: ходить по тропинкам, фиксируя число проходов в течение двух-трёх недель. Оценивая состояние травяного покрова, мы можем получить критические значения рекреационных нагрузок.

Я хорошо понимал, что это у меня единственный шанс в жизни, больше такого не будет. Все, к кому я обращался за помощью, были ошарашены моим предложением: весной отказывался от экспедиции, а сейчас вдруг «проснулся». Многие просто не верили в эту идею, отвергая её как пустышку. В. В. Ланина из Управления лесопаркового хозяйства сожалела, что провести экспедицию в Тишково (база уже была занята другими) стало невозможно. Однако она помогла договориться о проведении таких работ в Аксаково (Пяловское водохранилище).

Обычно на подготовку экспедиции требовалось определённое время. А здесь всё делалось очень быстро. И у нас всё получилось. Наташа Горбачевская и Ира Социна (биофак пединститута) взяли на себя всю геоботанику. Были у нас и абитуриенты, среди них Саша Мищенко, который фотографировал по дням состояние травяного покрова, и Миша Эльдаров. Таня Зубкова и Серёжа Макаренко занимались уплотнением почвы. Надя Григулевич в первые дни также была в этой экспедиции, однако вынуждена была срочно уехать из-за болезни отца.

Отдыхающие с интересом наблюдали, как студенты регулярно маршировали по тропинкам по лесу. Мы огородили эту площадку и написали грозные предупреждения, что проводятся испытания ядохимикатов для обработки леса, чтобы посторонние не топтали нашу площадку. Мы сами с интересом ждали, что же получится и какие могут быть значения допустимых нагрузок. Осенью мы ездили на эту площадку, чтобы исследовать скорость восстановления на этой площадке.

Мне не пришлось разрываться между дипломом и отчётом по экспедиции, поскольку тема моего диплома была связана с результатами работ в экспедиции. Это дало мне возможность активно «трясти» всех участников экспедиции, требуя от них обработать свои полевые данные и написать разделы отчёта. Основная нагрузка выпала на меня и Наташу Горбачевскую, с которой я регулярно встречался у неё дома по выходным и мы верстали отчёт. Весной 1975 года отчёт был напечатан и переплетён. В мае 1975 года я защитил диплом по результатам экспедиции августа 1974 года.

В 1978 году материалы отчётов рекреационно-биогеоэкологических экспедиций ДОП, проведённых в 1971–1974 гг. по инициативе Молодёжного Совета по охране природы (ред. Н. Н. Марфенин), были опубликованы в сборнике «Влияние массового туризма на биогеоценозы леса». Интересно отметить, что проведённые дружинниками исследования срок пять лет назад не потеряли актуальность и в настоящее время, они цитируются в наши дни (общее число цитирований на данный момент согласно elibrary.ru более 50). Эти работы стали известны в конце 90-х годов, то есть спустя 25 лет после экспедиции.

Осенью 1974 года по рекомендации Н. Н. Марфенина меня ввели в Молодёжный Совет по Охране Природы МГУ как

представителя географического факультета. В связи с этим в ДОП я проводил существенно меньше времени. Я уже не был членом штаба ДОП, но в отдельных мероприятиях Дружины участвовал. Относительно Молодёжного Совета. В этом Совете были представители всех факультетов МГУ. Мы отчаянно спорили относительно стратегии государственной экологической политики в СССР. На идейное лидерство в Молодёжном Совете претендовали представители экономического и юридического факультетов. Я хорошо помню доводы Н. Н. Марфенина и свои. Мы рассуждали как профессионалы в экологии. Но наши оппоненты исходили из других соображений. Представитель юридического факультета настаивал на том, что все проблемы экологии — в несовершенстве юридических законов. Нужно написать «правильные» законы — и всё будет решено. Представитель экономического факультета исходил из того, что всё решают деньги: нет нерешаемых проблем, всё дело в недостатке денег для их решения. В дискуссии, которая проходила 45 лет назад, победили юристы и экономисты. Сегодня мы ясно видим, что все нынешние государственные решения в области экологической политики принимаются преимущественно экономистами и юристами. А сам представитель экономического факультета, с кем мы спорили, экономист Лопухин В. М. стал министром топлива и энергетики в правительстве Е. Гайдара. Голоса профессионалов-экологов не были услышаны.

Больше я не занимался рекреацией, а стал заниматься ландшафтным моделированием, о чём мечтал в студенческие годы. Но для меня моё участие в ДОП и всё, что связано с этим периодом, — это как первая ступень космической ракеты, стартующей в неведомый и увлекательный мир науки.

Авданин Вадим Олегович,

к.б.н., Президент некоммерческого партнёрства по развитию орнитологии «Птицы и Люди»

Для меня ДОП начался с Ёлочных кампаний в 1973 г. Подтянул меня к этому Тимофей Зацепин, старший брат которого, Сергей, был со своими однокурсниками в центре доповских тусовок. Участвовал в «Ёлках» несколько лет. Помнится, на Ярославском вокзале и на посту ДПС на МКАД. Было прикольно подростку повышенное чувство ответственности за порученное дело. А ещё было желание реально подражаться за правое дело. До этого, правда, ни разу не дошло, разве что пару раз заламывали руки сопротивлявшимся «ёлочникам».

Первый раз в выезде БсБ мы с Тимой участвовали осенью 1974 г. на Можайском водохранилище. Выезд был массовый, кажется, на машине. Кроме ДОП, участвовала ГОП геофака. Тогда я познакомился с кучей народа, из которой особенно памятны Павел Томкович и Саша Мартынов. Ружейных браконьеров не было, снимали донки, телевизоры и верши.

Поступив на биофак в 1975 г., регулярно участвовал в выездах БсБ, но ничего особенного вспомнить не могу. В полевой дневник записывал только зоологические наблюдения. Запомнились, впрочем, местечковые учения на ЗБС. Браконьера играл Миша Переладов. Господи, как он мастерски нас дурил, пряча ружьё, и при составлении протокола!

Был замечательный семинар по проблеме борьбы с браконьерством в Пушино. Было море интересной информации, в том числе по оперативной работе. Много интересных знакомств. И, наконец, учения. Старшим нашей группы был Миша Переладов, а столкнулась наша группа с «браконье-

ром», который отказывался разрядить оружие перед проверкой документов. Миша уверенно вёл «базар», но браконьер ни в какую не соглашался. Ситуация заходила в тупик, и я кивнул инспектору — сделаем. Команда — и «браконьер» на земле, обезоружен, обездвижен. Одна беда, падая, он сломал ложе «тулки» В. А. Зубакина. Эта история вызвала бурную дискуссию на семинаре — как действовать, если охотник отказывается разрядить оружие по требованию инспектора. Так погибли несколько известных природоохранников. После многолетней практики в заповеднике я ответ знаю, но, простите, не поделюсь.

На первом курсе прошёл школу охотинспектора, сдал старшим экзамен и получил удостоверение. Заодно у меня появилась «корочка» ВООП, очень пригодившаяся в Крыму и Центрально-Лесном заповеднике.

В 1977 г. на БсБ начался наезд из-за какого-то инцидента (суть не помню). А меня как раз избрали командиром сектора. Мой принцип с 1972 года — прочь от руководящих должностей! В общем, меня принудили, дефицит кадров.

На новом посту меня сразу пригласил на беседу легендарный В. Н. Тихомиров. Беседа была жёсткой, хотя я к «грехам отцов» был не причастен. Вадим Николаевич ни разу не улыбнулся, а требовал: никакого авантюризма, никакого алкоголя и т.д. После этого Старики не то чтобы совсем ушли, а отодвинулись. Некоторые наши опытные инспекторы продолжали работать своими компаниями или индивидуально. Андрей Щербаков, например, в одиночку эффективно работал по подлёдной рыбалке.

От старших я слышал истории о БсБ. Всё шло волнами. Когда была вольница, собиралась большая, весёлая, пьющая и эффективная компания — протоколы текли рекой. Тут же

шёл окрик сверху, и наступал период застоя. Именно очередной застой выпал на мою командирскую долю. Ребят-инспекторов осталось раз-два-три и обчёлся, зато девушек хватало. Я решил, что когда в группе один инспектор и три девицы, то это не оперативная работа, и предложил сектору сосредоточиться на разведке, и был поддержан. Наши малочисленные группы ездили по интересным «по браконьерству» местам, собирали сведения, начиная от расписания автобусов, встречались с местными егерями и т.д. Было введено строгое правило написания детальных отчётов о выездах. Я их перепечатывал дома на машинке, и, если архив ДОП сохранился, они должны в нём лежать. На выездах той поры инспекторы работали, но, как на грех, все охотники были праведными. Помнится, за несколько выездов я проверил несколько бригад «лосятников». Проверял всё по всем правилам, вплоть до сверки номеров оружия. Все руководители команд были очень вежливы, даже выражали благодарность за нашу инспекторскую деятельность. Но было скучновато без потасовок и перестрелок.

Сектор «Фауна»

Эта прогрессивная дебютная идея целиком принадлежит Виктору Анатольевичу Зубакину. Хотя мы с ним были тесно связаны, но организационные действия состоялись без меня. Инициаторами были Зубакин, Никита Вронский, Костя Гарушянц и Саша Мищенко. Меня пригласили только на второе собрание инициативной группы. Основная идея была составить список редких видов животных Московской области, придать ему правовой статус (сиречь, новаторская идея региональной Красной книги), проводить полевые обследования ценных территорий, способствовать организации ООПТ.

Начали с составления списков редких видов. Те, кто участвовал в составлении нынешних региональных Красных книг, легко поймут проблему. А мы тогда на новенького спорили до хрипоты. Список каждый раз перекраивался, а я его перепечатывал на машинке.

Наконец, состоялось собрание ДОП. В.А. Зубакин предложил создать сектор «Фауна», что было принято. Меня пихали в руководителя ДОП, но я отбрехался, и тяжкий груз возложили на Андрея Войцика. Так же я с облегчением сложил с себя груз командира БСБ, но с удовольствием принял назначение командиром новоиспечённого сектора. Собственно, с начала 70-х я увлечённо обследовал интересные орнитологические места Подмосковья, а делать это с координируемой командой — это продуктивно.

Сектор резво взял с места в карьер. Впрочем, это случилось благодаря тому, что В.А. Зубакин был членом Молодёжного совета по охране природы МГУ. Было получено финансирование на полевые работы.

Первой экспедицией стало обследование оз. Палецкое (на охотбазе там столько ползало по постелям клещей!) и Нарских прудов. Эти места я уже хорошо знал, выезд получился очень интересным. Несколькими группами были зарегистрированы 119 видов птиц, при этом в список не попал с десятков самых банальных видов.

Вторая экспедиция была на Туголесские озёра. Базировались мы на охотбазе у ст. Воймежный и обследовали большую территорию, используя действующую узкоколейку торфоразработок. Впечатлений и открытий была масса.

Есть один секрет: свои поездки мы планировали по трёхкилометровке 1939 г. Глядя на такую карту, легко представить себе местный ландшафт. Поэтому мы выбирали самые перспективные территории, и куда бы ни ездил «Фауна»,

езде надо было учреждать заказники. Так, кстати, и «Журавлиная родина» образовалась.

Ну, и вишенка на торте. Поскольку сектор «Фауна» не ограничивал себя географическими границами, В. А. Зубакин получил от Молодёжного совета по охране природы МГУ финансирование на изучение краснокнижной розовой чайки. Но это уже другая история.

Идея «Фауны» была востребована на «ура» и получила развитие во многих регионах, затмив по массовости участников традиционные сектора ДОП, включая БсБ.

Мищенко Александр Леонидович,

к.б.н, старший научный сотрудник ИПЭЭ РАН

После поступления на биофак в сентябре 1974 года, чтобы не ехать на «картошку», я записался в экспедицию ДОП геофака МГУ по изучению рекреационного воздействия на биогеоценозы, которая работала в ближнем Подмосковье под руководством Виталия Линника. Хорошая дружная компания, интересная полевая работа, экспедиционный дух — меня это сильно захватило. Узнав в этой экспедиции о ДОП биофака МГУ, я примкнул к её работе сразу же после начала занятий на 1-м курсе (осенью 1974-го) и работал в Дружине до окончания университета весной 1979 года. Для меня это было время полевой дружинной романтики, я участвовал в выездах Сектора БсБ, в ёлочных кампаниях, а потом — в выездах и экспедициях Сектора «Фауна». Был первым командиром Сектора «Фауна» ДОП с 3 ноября 1976 г. и, кажется, до конца 1978 г. (точно не помню).

В те годы остро стояли вопросы борьбы с охотничьим и рыбным браконьерством и сбора данных по распространению и численности редких видов животных (и птиц в частности) в Московской области, которая, как ни странно, была весьма слабо изучена в этом плане. Экспедиции Сектора «Фауна» с самого начала собрали много новых и неожиданных данных о редких видах птиц (например, уникальное скопление журавлей в Талдомском районе, или гнездо большого подорлика, который считался исчезнувшим в области). Мы сразу ощутили нужность такой работы как для научных целей, так и для обоснования создания заказников. Кроме того, данные, собранные во время работы экспедиций и выездов сектора «Фауна», явились большим подспорьем при составлении Красной книги Московской области.

На регулярных заседаниях Сектора «Фауна» планировали работу выездов и экспедиций, а потом обсуждали и подытоживали их результаты. Кроме того, были междружинные школы-семинары по программе «Фауна» в разных городах. Мы писали письма в поддержку заповедников, создавали мнение в прессе. Было ощущение, что это не зря.

Экспедиции Сектора «Фауна» в моё время работали в Талдомском, Шатурском, Шаховском и Луховицком районах области, каждую зиму и весну организовывалась экспедиция. Количество народу разное, от 3-х до 12 человек. Объективный критерий нашей работы: создание заказников «Журавлиная Родина», «Верховье р. Иночь» и других. Было столько всего интересного и поучительного, всего не перечислить. Запомнились рассказы местных жителей о видах сов, которые живут в их местах: «есть большие филины, а есть маленькие».

На выезды в основном ездили на свои деньги. С обеспечением продовольствием проблем не было. Но того, кто брал на выезд консервы «Завтрак туриста рыбо-крупяной», составляли за один присест самому съесть эту гадость.

Всех командиров Дружины уже не помню. В 1975 г. командиром был Владимир Лебедев, потом Ольга Ган, затем Андрей Войцик. Разногласий с командирами не было. Из членов ДОП особенно запомнились Коля Соболев, Сергей Переладов, Лена Краснова.

В наше время фольклор был очень развит! Многие известные бардовские песни мы переделывали на дружинный лад. Ну, и незабываемые частушки Коли Соболева. На выездах играли в традиционные кюбзовско-вооповские игры: в кобылу, конный бой. «Правила хорошего тона» или «Словарь Дружинника» в наше время как-то не фигурировали.

Времени на природоохранные дела уходило много. Иногда почти столько же, сколько на учёбу на биофаке. Вместе с тем учёба с Дружиной и другими делами хорошо сочеталась, «хвостов» не было. У меня лишь одна тройка в дипломе. Близкие и друзья природоохранную деятельность одобряли. В целом не вспоминается ничего негативного, связанного с работой в Дружине.

Насколько я помню, мнение о Дружине на биофаке и в университете было положительное. Этому немало способствовало то, что в мои годы её кураторами были известные учёные и деятели охраны природы К. Н. Благосклонов и В. Н. Тихомиров. В Дружине роль обоих наставников постоянно ощущалась: к ним всегда можно было обратиться за советом.

Дни рождения и юбилеи Дружины проходили уже позже моего окончания университета. К одному юбилею (не помню, к какому) мы с женой Олей подготовили шуточный диалог Виктора Зубакина и Дмитрия Кавтарадзе в стихах по мотивам песни В. Высоцкого «Разговор у телевизора». Кукол обеих персонажей мастерски сделала (по фотографиям!) олина бабушка, работавшая до пенсии художником при кукольных театрах. Диалог-спектакль прошёл на «ура»! После него Д. Кавтарадзе долго фотографировался на память со своим кукольным двойником.

Что касается формирования меня как личности, как зоолога-полевика, то основную роль в этом сыграл кружок ВООП Петра Петровича Смолина. А Дружина научила принципиальности в природоохранной работе, умению коллективной работы в этом направлении. Сейчас я во многом развиваю те идеи в области охраны птиц и их местообитаний, которые когда-то возникли при работе в Секторе «Фауна». Дружина сы-

грала огромную роль и в моей личной жизни: с моей будущей женой Ольгой Сухановой, с которой мы вместе уже без малого сорок лет, познакомились при работе в Секторе «Фауна».

Мой сын Илья разделяет мои природоохранные идеи, хотя и далёк от биологии. Он оказывает большую техническую помощь работе Русского общества сохранения и изучения птиц. О движении Дружин Илья знает очень мало, только с моих слов. Моё дружинное прошлое в его жизни не играет никакой роли.

В моём нынешнем окружении до сих пор много бывших ДОПовцев. Ну, во-первых, моя жена и по совместительству коллега-орнитолог Оля Суханова. С ней, Леной Красновой и Олей Гринченко мы работаем в «одной упряжке» в Русском обществе сохранения и изучения птиц. Мои университетские однокашники-дружинники Андрей Войцик, Шурик Шилов, Лена Жарикова, Надя Рожанская, Игорь Попов, Галя Пронькина (Лунина), с которыми мы по-прежнему дружны и регулярно встречаемся. Хорошие рабочие контакты с Николаем Соболевым и Виктором Зубакиным.

Попов Игорь Юрьевич,

к.б.н., старший научный сотрудник ИПЭЭ
им А.Н. Северцова РАН

О Дружине Биофака МГУ был наслышан ещё в школьные годы, поскольку на факультете училась старшая сестра. Поэтому сразу после поступления в 1974 г. пришёл на первое собрание, которое проводила Надя Григулевич, в то время бывшая командиром ДОП. Больше всего привлекала работа сектора БсБ, но и другие направления работы показались достаточно интересными. В течение первых трёх лет учёбы заниматься приходилось самыми разными вещами: это и обследование вивариев на предмет условий содержания животных, и организационная работа по проведению школы Дружин охраны природы на Звенигородской биостанции в 1976 г., и просветительская работа со школьниками на той же биостанции во время летней практики, и помощь в проведении учётов животных на охраняемых территориях. Особенно запомнилась поездка на втором курсе в зимние каникулы в Черноморский заповедник. В те годы подобные поездки в различные заповедники под эгидой Дружины широко практиковались студентами. Практически везде администрация доброжелательно встречала дружинников. Мне посоветовали Черноморский заповедник Коля Чернышев и Ася Авилова, поскольку у них был налажен контакт с зам. директора заповедника по науке Ардамацкой Татьяной Борисовной. С их подачи я списался с заповедником и получил приглашение на группу из 5-6 человек для проведения учётных работ. Нас собралось 6 однокурсников (кроме меня: Андрей Войцик, Юра Кантор, Ира Стрельникова, Валера Батцевич и Серёжа Рыбалкин). Мы сели на поезд до Херсона,

а там пересели на катер до Голой пристани (Гопри), где находилась контора заповедника. Татьяна Борисовна радушно приняла нас, выдала сопроводительные документы, провела инструктирование по учёту животных и направила последовательно на 2 кордона заповедника (один степной, другой прибрежный морской), на каждом из которых мы пробыли дней по 5. Уж не знаю, насколько были полезны наши учёты для заповедника, но ежедневное прохождение заданных маршрутов давало ощущение того, что мы заняты действительно полезным и важным делом.

Но, конечно, наибольшее удовлетворение приносила работа в БсБ. На первом-втором курсах на выезды удавалось ездить чуть не каждые выходные. Причём не важно, в каких условиях предполагалась ночёвка – хорошо, если на какой-либо базе, а зачастую просто в лесу, в дождь или в снег. Хорошо, если был какой-то тент, палатки таскать было тяжело, да и не было их, так же как и ковриков. Конечно, был юношеский романтизм и азарт, но обвинения в «охоте на людей» я считаю совершенно незаслуженными, поскольку было понимание, что это делается во благо, тем более что тогда развернулся сбор материала по программе «Выстрел» о причинах и характере браконьерства, разрабатывавшейся А. Мартыновым (Дружина геофака).

Вообще энтузиазма и иллюзий на первых курсах было очень много, и это было хорошо, поскольку позволяло делать много полезного. Однако к началу третьего курса, когда начиналась специализация по кафедрам, каждый начинал задумываться и делать выбор: чему посвятить дальнейшую жизнь – науке или делу охраны природы. Об этом мы вели бесконечные споры со Светом Забелиным, который часто приезжал на ЗБС во время нашей практики (мы снимали

учебный фильм по работе БсБ). Он считал, что это вполне можно совмещать, я же полагаю, что это удаётся очень немногим людям, таким как Свет. В дальнейшем он целиком посвятил себя природоохранной деятельности. Именно во время Звенигородской практики Светик с Андреем Кубаниным пытались убедить меня согласиться стать командиром Дружины, а когда это не удалось, предложили ввести должность заместителя командира, кем меня и назначили при командире Оле Ган (Гаше). Боюсь ошибиться, но, по-моему, в дальнейшем этой должности в Дружине не было. Так или иначе, с этого момента мой энтузиазм в Дружине пошёл на спад, и хотя на выезды БсБ я ездил до пятого курса включительно, активного участия в её работе уже не принимал, поскольку началась серьёзная работа на кафедре.

В целом же вспоминая время работы в ДОП, на память приходит только самое хорошее: это и выезды, и учения, и дружинный Новый год у Света Забелина, и споры о судьбе студенческого природоохранного движения, и друзья, с которыми объединяла общность интересов, а не пустая «тусовка», и многое-многое другое. Конечно же, это свойство памяти оставлять самое хорошее, но всё равно очень приятно, что дружинное движение, хоть и сильно изменилось, что вполне естественно, но по-прежнему живо, и в него приходят молодые люди, которым хочется пожелать успеха в их «безнадёжном деле» (это был обычный тост в дружинных застольях).

Герасимова Ольга Владимировна

Первый раз на выезд Дружины охраны природы я попала осенью 1976 г. Будучи первокурсницей, я азартно изучала жизнь биологического факультета. Моё внимание привлекла доска Дружины, а также объявление о выезде на Гремячий ключ, куда можно было записаться самостоятельно. Понравилось всё — и люди (Андрей Щербаков, Коля Соболев, Валя Романова, Наташа Пономарёва, Сергей Майоров — помню, а сколько лет прошло!), и песни, которые мы пели в электричке, и красивое растение лунник. Ну, а идеи охраны природы мне были близки с младшего школьного возраста.

Правда, на младших курсах я не могла позволить себе окупиться в работу Дружины с головой, потому что была «иногородней» — поступление в МГУ далось мне достаточно тяжело. Я хорошо понимала, что если сейчас сойду с дистанции, то обратного пути в МГУ мне не будет. Поэтому в эти годы я была скорее в рядах сочувствующих.

Чаще я принимала участие в выездах секторов «Фауна» и «Заказники», но ничего особо интересного на выездах с моим участием не происходило. Разве что появление «мема» «Большая красная труба»...

...На этом выезде старшей была Оля Шекарова. Приехав на место, мы разделились на группы, каждая пошла по своему маршруту, а общий сбор в конце выезда был назначен «у большой красной трубы». Когда время сбора настало, выяснилось, что красных труб в поле зрения несколько. И все — большие! И под каждой, возможно, дружинники сидят... Мобильных телефонов тогда в природе ещё не водилось, и пришлось старшей выезда протопать ко всем трубам, прежде чем группа оказалась в сборе.

Вспоминается также весёлый и многолюдный выезд весной на озеро Киево, где дружинники вели многолетние наблюдения за колонией озёрных чаек. В тот выезд нашей задачей был учёт чайчьих гнёзд. Мы шли цепью по зыбкой сплаvine, над нами кружились возмущённые чайки и обстреливали помётом. Я, будучи уже опытным исследователем, знала, что оценки в биологии часто носят вероятностный характер, точно посчитать невозможно. А вот мой сосед по цепи, Алексей Зименко, был полон решимости посчитать всё. Всё как есть. И про каждое гнездо в полосе нашего общего внимания он методично и слегка занудливо спрашивал: «А это гнездо ты посчитала? А это посчитала? А это?..» Боюсь, мои ответы иногда носили тоже весьма вероятностный характер.

К концу учёта вымокли все — по колено и выше. Я была полегче прочих и умудрилась остаться сухой — пока не попала на глаза Лене Красновой. После её возмущённого возгласа: «Это нечестно!» я тут же начала погружаться вместе с куском сплавины, на котором стояла. Через минуту уже ничем не отличалась от остальных. Да, промокшую одежду наши ребята выжимали с таким азартом и молодецкой силушкой, что чьи-то джинсы не выдержали напора и — делились.

Признаюсь, в студенческие годы, кроме Дружины, был ещё один коллектив, которым я безмерно восхищалась — студенческий строительный отряд ББС МГУ. Там я познакомилась с Сашей Смирновой, студенткой Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

...Август 1979 года, заканчивается смена стройотряда, вечер, завтра — отъезд, мы бродим с Сашей по литорали Белого моря, грустим, конечно, и тут я говорю, что кроме нашего замечательного стройотряда знаю ещё одну уникальную

организацию — нашу замечательную Дружину. Всё совпало: время, место, настроение и человек. Саша заинтересовалась.

А потом было новоселье — мы с Аней Могильнер, студентки четвёртого курса, переселялись из ФДС на Мичуринском в общежитие Главного здания МГУ. Это событие решено было отметить: накрыть стол, пригласить друзей; среди приглашённых была и Саша. А прямо перед намечавшимися торжествами мы были на собрании сектора «Фауна» и пригласили на новоселье всех присутствовавших, не задумываясь, как вся эта наша фауна поместится в крохотной комнатке общежития ГЗ МГУ.

Поместились, заняв комнату, прихожую и немного коридора. Вот тут, в толчее и неразберихе, мне удалось познакомиться Сашу с Колей Соболевым.

Вспоминает Саша Смирнова: Как потом говорил Коля, он в тот момент как раз заболел гриппом, у него начинался жар: «Какой бред я нёс, не помню». А мне этот бред очень даже понравился, прямо заворожил. Оказалось, что существует то, что я представляла в самых смелых своих мечтах.

Многие в нашей группе в Тимирязевке очень тосковали, изучая базисные кондиции хранения зерна и электрификацию свиарников, и рвались в пампасы. Мы выезжали на природу, ходили в походы, но не хватало знаний и смысла. А тут — возможность выезжать в компании единомышленников, полевиков, компетентных специалистов. И при этом делать настоящее, полезное дело! И плюс — бесценные семинары, где учили тому, что не прочтёшь ни в каких учебниках, дружинные песни у костра, романтика и всё такое. Целый мир!

Потом было несколько совместных выездов, участие тимирязевцев в операции «Ель». А когда отмечали двадцатилетие ДОП МГУ, Саша поздравляла дружинников уже от

имени кружка охраны природы: «Мы организация очень молодая...» Подарок тимирязевцев — «традиционный сельскохозяйственный букет» — принял из её рук лично Вадим Николаевич Тихомиров. Позже я узнала, что в Тимирязевке работает уже настоящая Дружина охраны природы.

Вспоминает Саша Смирнова: Сначала нам не хватало знаний и опыта, чтобы работать самостоятельно. Помню, первая попытка рассказать в Тимирязевке про Дружинное движение была после Талдома, куда мы поехали той осенью вдвоём с Ирой Прозоровой. Нас очаровали и люди, и осенние поля с журавлями, и романтика предрасветного стучания зубами с биноклями в стогу. Мы снимали фото друг друга во всех ракурсах, в капюшонах и без, со спины и в профиль, так, чтобы не было понятно, сколько нас было. И сделали восторженную агитационную стенгазету. К нам потянулись люди.

К весне сформировалась небольшая ещё группа, готовая ездить по заданиям сектора заказников ДОП МГУ, но самостоятельной Дружиной это ещё не было. А весной, среди прочего, у ДОП МГУ был грандиозный выезд в Мещеру. Несколькими отдельными группами. В каждую группу взяли тимирязевцев. Все майские праздники шли дожди. Пра, на которой стояла наша группа, разлилась до такой степени, что было непонятно, где кончается собственно река и начинаются болота. Мы ходили в маршруты в промокших штормовках и болотниках, а вечером ухитрялись как-то жечь костёр, обсушиваться и готовить еду. Было много живности, впечатлений, интересных разговоров. Когда мы, тимирязевцы, собрались в Москве после этой поездки, родилось решение создавать у нас Дружину. А ещё — песня на мотив окуджавского «В склянке тёмного стекла»:

*Где калужница цвела, где темнели рек разливы
С рюкзаками группа шла быстро, но не торопливо.
Были дали и вода, было фауны в избытке
И не плакали, когда промокали все до нитки.*

*А в Мещере мокро что-то,
Там кругом одни болота,
Неожиданно в болота можно, братцы, угодить.
Так природа захотела,
Почему, не наше дело,
Для чего не нам судить.*

*Прокоптившийся носок надевал я понемногу,
А потом совал в сапог неподатливую ногу,
Странный чай употреблял, где плясали как чаинки
Комариные личинки. И рожками заедал.*

Но Дружина у нас получилась не сразу.

*Поначалу, как я уже сказала, мы занимались в основном
обследованиём заказников для сектора «Заказники». Обыч-
но ездили парами, несколькими группами. Первые наши са-
мостоятельные выезды стали потом устными юмористи-
ческими рассказами. Например, мы с Любой Дорофеевой,
приехав на место, никак не могли сориентироваться по
компасу: у него залипала стрелка. И Любочка попыталась
обращаться за помощью к местным жителям: «Скажи-
те, пожалуйста, где у вас тут север?» Ночевали мы с ней
в тот раз в мелких ёлочках, по обыкновению прямо так, без
палатки, чтобы рюкзаки были полегче. И вот, пробираясь
сквозь эти ёлочки, я всё волновалась, что мы тут ноче-
вать собрались, а попадаютя лёжки кабанов, страшнова-*

*то как-то. Любочка оборачивается ко мне и с непередава-
емым выражением спрашивает: «А они что, кусаются?..»*

*Дружина начала своё самостоятельное существование,
когда у нас появился подходящий для этой роли командир –
Миша Березин и куратор – зав. кафедрой энтомологии
Юрий Алексеевич Захваткин. Стоит ли удивляться, что
очень скоро мы стали заниматься охраной насекомых?*

На праздновании упомянутого выше двадцатилетия ДОП перед ББА была развёрнута целая выставка всяких увлека- тельных и остроумных штук. Был там, в частности, рисунок, представлявший двадцатилетнюю историю Дружины в виде синусоиды, со всеми её спадами и подъёмами. Шуточный график давал пищу для серьёзных размышлений — получа- лось, что каждый подъем чреват грядущим спадом, а в каж- дом спаде есть зародыш будущего подъёма. Позже я встре- тила общую формулу этой закономерности: тяжёлые времена воспитывают сильных людей; сильные люди создают лёгкие времена; в лёгкие времена появляются слабые люди; слабые люди приводят к тяжёлым временам... В Дружине, конечно, немного не так, но ясно одно — живая, саморазвивающаяся организация неизбежно проходит сквозь череду подъёмов и спадов, это естественно. Другое дело, если организация формальная и идеологизированная, вроде тогдашнего ком- сомола. Здесь, конечно, никакие спады не допустимы, дви- жение только вверх — в никуда...

На одно из отчётно-перевыборных собраний Дружины (год 1979 или 1980) был приглашён какой-то видный ком- сомольский деятель МГУ. А такие собрания проходили весь- ма бурно и непредсказуемо — совершенно невозможно было предугадать, кого выберут в командиры Дружины и её секто- ров. Вот и в этот раз дружинный народ, не обращая внима-

ния на гостя, бурлил, обсуждал, спорил, голосовал... А в конце собрания комсомольский вожак взял слово — и сказал, что он потрясён и восхищён увиденным и услышанным. Чувствовалось, что он говорит искренне, и на комсомольских собраниях он никогда ничего подобного не видел, хотя понимает — вот оно, так и должно быть в молодёжной организации! «Ребята, если потребуется, от комсомола — любая помощь!..» И чуть не убил Дружину следующим предложением: «А нельзя ли сделать так, чтобы каждый студент биофака автоматически становился дружинником?..»

На старших курсах я уделяла работе в Дружине больше времени. Был даже период, когда я, в единственном лице, представляла целый сектор — «Сектор работы со школьниками». Из одной школы, находящейся в районе метро «Автозаводская», поступил запрос на сотрудничество — они готовили выставку, посвящённую охране природы. Я ездила туда несколько раз, в результате на выставке появился стенд, посвящённый ДОП МГУ, а мы с Леной Красновой и Олей Шекаровой были на её открытии.

Потом появилась идея привлечь школьников к операции «Подснежник», и я отправилась на методическое совещание учителей-биологов того же района. Получив слово в самом конце совещания, я всё же умудрилась завладеть вниманием уже изрядно уставшей аудитории. В зале установилась заинтересованная тишина, а когда я закончила выступление, учителя одобрительно зашумели и твёрдо пообещали: «Пришлём детей!»

Честно говоря, я была слегка встревожена своим успехом. Судя по реакции педагогов, на биофак ожидалось нашествие — нет, НАШЕСТВИЕ! — школьников, желающих принять участие в операции «Подснежник». А ведь их всех надо

как-то встретить, где-то разместить, ввести в курс дела... Как выяснилось, зря волновалась — пришло три человека. Позже, познакомившись с учительской средой поближе, я поняла, что так оно обычно и бывает, а мои ожидания были сильно завышены.

Я работала в Дружине до 1981 года. Надо отметить, что уже в зрелые годы и я, и Саша Смирнова, и Аня Могильнер посвятили изрядную часть своей жизни работе со школьниками. Возможно, мы работали не столь фундаментально, как Ника Палыч Харитонов, но дух Дружины присутствовал и в наших объединениях. Мои ребята, создавшие молодёжный эколого-биологический союз «Чилим», знали и с удовольствием пели песни Коли Соболева. А после того, как чилимовец Кирилл Губин исполнил один соболевский хит со сцены фестиваля бардовской песни «Макушка лета», символом фестиваля стала — вернее, стал — выхухоль по имени Григорий.

Раздел 3. 1980–1989 гг.

Теплинский Сергей Георгиевич,

Агентство «Инком-недвижимость»

В Дружину я пришёл сразу, как поступил на биофак в 1980 году. Ещё до поступления я знал о ней и знал, что буду в ней работать. С 1981 – кандидат в члены ДОП. С 1982 – член ДОП. Тогда же избран командиром сектора БсБ. В 1985 окончил биофак, но продолжал работать в ДОП и объявил об окончании работы лишь осенью 1991 года. С самого начала я собирался работать в БсБ, но случилось так, что на первые выезды вместе с другом и сокурсником Вадимом Мокиевским отправился с «Фауной». А в декабре 1980 – юбилей, т.е. 20-летие ДОП. Грандиозное междружинное мероприятие я и Вадим, вместе с другими молодыми дружинниками, обслуживали в должности «подай – принеси – уйди на фиг, не мешай», но это нам не помешало набраться впечатлений на долгую дружинную жизнь и обеспечить её эмоциональным зарядом.

Юбилей впечатлял размахом. Хоть потом были и более грандиозные, но это был наш первый юбилей.

Прежде всего впечатляла выставка стенгазет от нашей ДОП и гостей юбилея. Дружинники внимательно рассматривали листы с фотографиями разных эпох. На 25-летие серия дополнится листом с фотографиями нашей эпохи, а я буду выискивать среди фото старых дружинников своих преподавателей, научных руководителей, шефов по работе. Рядом стенгазеты, где серьёзные статьи перемежались с юмором, карикатурами, весёлыми анкетами, конкурсами и другими

приколами. Так там были правила игры «Экологические бирюльки». «На стол из коробка высыпаются спички (природные ресурсы). Каждый играющий (хозяйственник) должен в свою очередь освоить природный ресурс (взять спичку), не нарушив природного равновесия (не сдвинув другие спички). Если хозяйственник нарушает природное равновесие, он пропускает следующий ход (его лишают премии). После трёх нарушений природного равновесия хозяйственник выбывает из игры (его сажают). Игра ведётся до полного истощения природных ресурсов». Я думал, что эта игра – фейк, и её придумали ради последней фразы. Но гости юбилея из иногородних ДОП активно переписывали правила в свои блокноты и по дороге домой в самолётах и поездах играли в эту игру. Оказалось, в неё реально можно играть.

Но больше всего впечатлили цветные стенгазеты-«раскладушки» от ДОП КХТИ. В них рассказывалось о фантастических, сказочных приключениях дружинников. Имена героев были изменены «до узнаваемости». Так Забелин был «Засветов», Зубакин – «Кусакин», Кавтарадзе – «Экополидзе». Сюжеты этих забавных рассказов в различной степени основывались на реальных событиях, точнее разбавлялись ими. Вспоминать и приводить здесь эти замечательные истории совершенно невозможно. Их надо бы восстановить и собрать в каком-то доступном месте интернета.

Там же я впервые познакомился с «Толковым словарём дружинника». Не всё и не всегда в юморных расшифровках было понятно. Почему «Четвёрка – шесть человек», я понял лишь прочитав воспоминания Зубакина. Или ещё: «Чомбовцы – как гласит молва, это мы». Больших трудов стоило узнать, что Чомбе – конголезский диктатор, причастный к убийству Патриса Лумумбы. Менялись времена и дик-

таторы. Нас браконьеры уже величали полпотовцами, что, конечно, круче. А «Вот — слово-паразит», «Малёк — дружинник младше тебя курсом», «Предупредительный выстрел — промах», а «Клиент — природопользователь, допускающий те или иные нарушения в зависимости от возраста, пола и времени суток» понималось и запоминалось легко. У слова «клиент», помимо юморной, было две практических расшифровки: 1) природопользователь, нуждающийся в проверке, 2) браконьер, нуждающийся в задержании.

Ещё на юбилее награждали дружинными орденами, как реальными, так и потешными. Орден святого Евсеича — лучшему инспектору, орден Урсулы-воительницы — лучшему инспектору среди девушек, «За озеленение дружины» — тому, кто привёл больше новичков, «За сусанизм» — без комментариев. Орден «За спасение утопающего» вручили Ане Могильнер. На выезде она, увидев, что Женя Шварц и браконьер скатились с берега в реку и продолжают борьбу в воде, притапливая друг друга, подобрала с берега браконьерское ружьё и ударила браконьера прикладом.

За выслугу 10 лет в ДОП вручали «Орден Вечности» в виде плюшевого мамонта. Мне такой вручили в 1991 году с опозданием на год на том собрании, где я заявил об окончании работы. Это позволило мне шутить, что «Орден Вечности» вручён мне «посмертно».

Юбилейный выезд на охотбазу «Палашкино» запомнился мне перманентным дежурством по кухне, а ещё первыми для меня инспекторскими учениями. В какой-то момент я забыл, что передо мной подставные браконьеры, а не настоящие. То ли старики хорошо играли, то ли я был слишком неопытным. Следующие учения на моей памяти были лишь в середине 80-х годов. Мне они не нравились, т.к. часто превраща-

лись в потеху и шутовство, а должны проверить подготовку инспекторов. Впрочем, и серьёзные учения часто проходили с накладками. Чаще всего учения портят две вещи:

1. Ситуации на этапах перегружены. Организаторы не должны планировать на этапах сложных и многоплановых ситуаций, требующих долгой работы. Этапы должны быть простыми и проверять 2-3 навыка инспектора и группы, не более. Правда, возможно двойное дно у ситуаций на этапах. Так, Виктор Пичугин на 20-летию по требованию инспектора разряжал ружьё и прятал в карман пулевые патроны в красных гильзах, а если его просили, доставал для проверки дробовые в гильзах другого цвета. Не все учебные группы заметили подвох.

2. Самодеятельность имитаторов. Судья на этапе, изображающий нарушителя, рассуждает так: «Если меня плохо будут страховать — я устрою побег, а будут грубо разговаривать — полезу в драку». Таким образом, учебная ситуация усложняется и затягивается. А главное — учебная группа на таких примерах НИ ФИГА НЕ УЧИТСЯ. Группа уверена, что побег или драка не следствие их недочёта, а часть сценария ситуации. О недочётах в работе групп лучше сказать на разборе учений. Вообще, самая важная часть учений — это их разбор, а он часто оказывается скомкан из-за нехватки времени.

Юбилейные учения запомнились и задержанием настоящего брека. Подставной брек Ваня Воробьёв, убегая от группы, увидел реального брека и нарочно пробежал мимо него. Реальный брек проводил мнимого изумлённым взглядом, дескать, что за чудик с ружьём бегают. А через полминуты сам отдал своё ружьё инспектору. Опытный проводник и судья на маршруте Андрей Щербаков придержал украинского инспектора и вытолкнул вперёд Аллу Блехман с московским

удостоверением. О своей удаче группа узнала, только вернувшись на базу.

После юбилея была первая для нас с Вадимом ёлочная кампания на Киевском вокзале, где мы работали по удостоверениям ДНД и поняли, как важно и нужно иметь удостоверение общественного инспектора охраны природы. А в феврале Щербаков утвердительно, чуть не в приказном порядке, сообщил нам, что на летнюю практику в Мордовии нужны инспектора. Он прочитает нам (двоим!!) курс инспекторского минимума и примет зачёты. К лету у нас будут удостоверения общественных инспекторов. Такой порядок получения удостоверений был только в ДОП, а такая глубокая подготовка и такая строгая система зачётов, наверное, только в нашей ДОП.

Университетские дисциплины мне давались относительно легко, а на зачётах инспекторского минимума я оказался весь в «хвостах» и пересдачах. Зато согласно Суворову оказалось легко в бою — наша летняя практика в Мордовии оказалась самой результативной по задержаниям, протоколам, изъятым браконьерским снастям.

После я постоянно работал в секторе БсБ, а весной 1982 года меня избрали его командиром. Год спустя общее собрание ДОП признало работу сектора под моим командованием неудовлетворительной. Я поначалу расстраивался, но потом понял, что оценка собрания отражает не столько качество работы сектора или направления, сколько внимание к нему. По выражению Зубакина, для кампании «Ель» существуют две оценки: неудовлетворительно и безобразно.

А между тем работа в секторе велась, и немалая. Летом 1982 и зимой 1983 прошли 4-я и 5-я Окские экспедиции по изучению влияния любительского и браконьерского лова на

рыбные запасы. По итогам пяти экспедиций, а также многолетней работы ДОП была проведена совместная конференция с Мосрыбводом. Ключевым докладом с нашей стороны была методика расчёта вскрываемости случаев браконьерства. Согласиться с нашими расчётами рыбинспектора никак не могли — вскрываемость 1–2% их не устраивала.

Не давая воли обидам, я продолжал работу в секторе, помогал новым командирам в организации выездов, проводил семинары инспекторского минимума и принимал зачёты... Короче, трудился и, смею надеяться, что часть моего труда стала базой для подъёма в работе сектора в 1984–1987 годах. Это были золотые годы не только сектора, но и всей ДОП. Всё общество в 1985 году всколыхнулось волной перестройки и ещё не успело разочароваться в ней.

Дружинники уже писали о буднях БсБ: о погонях, схватках, задержаниях, силовых изъятиях оружия. Я хочу вспомнить другие яркие эпизоды. Например, нашу работу в информационном поле и прессе (куда с учётом интернета, кажется, ныне переместилась вся природоохранная работа). Однажды в «Московском комсомольце» поэт Борис Шеватов опубликовал стихи, где были строчки:

...И по реке вечерней плыть,
Тащить намокший бредень в гору
И слушать птичьи разговоры,
Вдыхая мяту и полынь.

Из стихов следовало, что автор браконьерил с бреднем не в какой-то глуши, а на Клязьме, то есть в Центральной России. ДОПы Москвы и других городов, а также отдельные дружинники (граждане) завалили редакцию гневными откликами.

ми. «Это лишь стихи. Не принимайте всерьёз» — рассылала дурацкую отписку редакция. А в ДОП объявили конкурс на лучшую пародию на Шеватова. Их написали полтора десятка. Лучшие хотели отправить в газету.

Эта ситуация была немного комичной, но и по серьёзным поводам дружинники могли если не всколыхнуть общественное мнение, то по крайней мере инспирировать его. У нас это называлось операция «Бумажная метель».

Затронув тему других ДОП, остановлюсь на них подробнее. С Дружинами других городов мы общались на редких междружинных семинарах и конференциях, а с московскими ДОП были в постоянных рабочих контактах. Обычным делом были совместные мероприятия и выезды с ДОП ф-та почвоведения МГУ, ГОП географака МГУ, ДОП МГПИ, МОПИ, ТСХА, МВА, МЛТИ и даже ЦНИЛ Главохоты, где некоторое время существовала небольшая БсБшная Дружина. Но самой интересной, деятельной и феноменальной во всех отношениях была ДОП МФТИ. «Физтехи» смогли создать боевую и эффективную ДОП.

Ещё запомнилась суровость устава ДОП, который предусматривал строгую дисциплину, подчинение старшему выезда и группы, кандидатский стаж, сухой закон и минимальное обязательное участие в оперативных выездах (каждый 5-й для члена ДОП и каждый 3-й для кандидата). Сухой закон соблюдался строго. Послабления бывали на праздничных выездах, но и на них не было особой вольницы. Не помню, чтобы кто-то «перебрал», хотя слышал про такое.

Но никакой строгий устав не может отразить того особенного человеческого отношения друг к другу между друзьями и соратниками в ДОП. В 1983 году мы узнали, что выпускница ДОП Лена Ваулина лежит в клинике № 40 с диагнозом

лейкоз. Для нормальной работы и лечения клинике были нужны 6 доноров крови ежедневно. Мы составили график донорства, ходили сдавать кровь. Но сдавать кровь можно не чаще раза в 2 месяца. Собственные ресурсы ДОП вскоре исчерпались, а позвать на помощь «стариков» в доинтернетную эпоху мы не могли. Тогда мы пошли по факультету уговаривать знакомых и незнакомых студентов сдать кровь для Лены. Чего мы только не наслушались! Это были не просто отказы, а развёрнутые лекции о том, что лейкоз неизлечим, что помочь Лене невозможно, а значит не стоит и пытаться. Мы могли ответить на это лишь тем, что всё знаем, но всё равно сдали кровь. Было отрадно узнать, что некоторые из «лекторов» последовали нашему примеру.

Другой случай проявления дружинной солидарности и взаимовыручки я видел в своём последнем рейде по БсБ на первом мае 1991 года на Сурском водохранилище, когда одна за другой затонули две дружинные байдарки. Ситуация была серьёзной и драматичной. Она вполне могла стать трагичной, но не стала, потому что дружинники из Пензы, Харькова, Воронежа и Москвы в сложной ситуации помогали друг другу. Именно поэтому в тот раз никто не утонул. Надеюсь, что такие дельфиньи повадки свойственны и нынешним дружинникам.

К сожалению, были и другие примеры. Когда по глупости, а когда по злему умыслу.

«Где тут дружественные рюкзаки БсБ, а где враждебные рюкзаки «Фауны»? — спросил один мальчик, пришедший к дружинному стенду перед выездом. Я был готов голову ему оторвать. Сдержался. Культурно объяснил, что он неправ, что все сектора ДОП дружественные и делают одно дело. Но межсекторная рознь никуда не делась и подогревалась меж-

личностными конфликтами. Мальчик в ДОП остался, даже сектором БсБ командовал. Потом ушёл в «Фауну». Потом разглагольствовал, что, дескать, БсБ себя исчерпала, и его деятельность не является охраной природы. Что этим он ставит под сомнение большую часть 30-летней работы ДОП, его не смущало. Возможно, он думал так искренне, но те, кто запустил такую мысль, имели не против сектора БсБ, а против его предпоследнего командира, трагически погибшего через несколько лет. Всё-таки прав был Тихомиров: «Самые большие потери Дружина несла тогда, когда дружинники ставили личное выше общественного».

Вадим Николаевич Тихомиров как куратор мне представлялся богом. Впрочем, богом он был не только для дружинников, но и для ботаников (как студентов, так и преподавателей) и, наверное, много ещё для кого. Когда «Тих» выступал на собраниях ДОП, его слушали, затаив дыхание, хотя и не всегда соглашались. А вот Константин Николаевич Благосклонов (КНБ) был незаметен. Изредка, в отсутствии Тихомирова он подписывал дружинные бумаги. Его дела и заслуги виделись на расстоянии и не всегда были известны. Многие ли читали историю ЗБС (Звенигородской биологической станции) МГУ, написанную Благосклоновым? А кто знает, что Оргкомитет школьной биологической олимпиады, второе после ДОП неформальное и деятельное объединение студентов биофака (ОКисты скажут — первое) — детище КНБ? Таким образом ДОП и ОК братья, если не родные, то сводные.

Серьёзные высказывания Тихомирова о ДОП хранятся в истории ДОП, составленной Забелиным, и в машинописном виде зачитанной дружинниками до дыр, а сейчас не слишком популярной. История ДОП с 1960 по 1970 год есть в книге «30 лет Движения ДОП» (Казань, 1992 г.) и на диске,

посвящённом 50-летию ДОП. А юмористические высказывания, как и Толковый словарь дружинника, хранились в памяти и постоянно пополнялись. Часто высказывания приписывались авторам.

«У нас демократия — как я сказал, так и будет», — приписывается Тихомирову, но скорее принадлежит кому-то из брутальных командиров ДОП или БсБ.

«Даю разрешение на лесонарушение», — заговорил стихами командир БсБ Дима Серов, когда понял, что без подручных средств в виде рычага из берёзового ствола машину из грязи и топи не вытащить. Сколько раз в разных углах Подмосковья мы вытаскивали застрявшие БЭСМовские машины с помощью подручных средств и «чьей-то матери».

«Из-за таких, как ты, Ржевские гидроузлы строят!» — по поводу незакрытого водопроводного крана то ли Крейншлин кому-то сказал, то ли ему сказали.

Отдельные высказывания и словечки разошлись далеко за пределы ДОП. На одном из выездов у машины БЭСМ отвалился солнцезащитный козырёк с надписью «ЛЮДИ». Заниматься перевозкой людей без этой надписи нельзя, и шофёр поставил козырёк на приборную доску, прислонив его к ветровому стеклу. Резиновая окантовка стекла закрыла нижнюю палочку у буквы «Д» и надпись снаружи стала читаться «ЛЮЛИ». Заметив это, дружинники переименовали машину в «люливоз» и принялись развозить люли по Шатурскому району. Люлей хватило на всех.

(Предвижу возражения, дескать, «люли» были всегда. Не было до второй половины 80-х годов. Точно. Зуб даю.)

Высказывания рождались и при нашем участии.

— Что вы с нарушителем сделали? — строго вопрошал старший выезда Сева Степаницкий.

— Ничего не сделали, — с видом самой невинности отвечал Денис Милько. — Догнали. Помогли встать...

Фраза утонула в хохоте. Денис подразумевал, что нарушитель упал, убегая от дружинников, но фраза получилась зловещей.

Даушкевичу и Смольянинову приписывается, но едва ли принадлежит фраза: «Полную картину нарушения может дать только шмон». Старшие товарищи морщились: «Не следует злоупотреблять воровским термином «шмон». Но мы сами уже многим были старшими товарищами, и сам чёрт нам был не брат. Самой популярной песней у молодёжи того времени была «Гоп-стоп» Розенбаума. Процесс романтизации криминала был запущен не нами. А казанские дружинники переделали «Гоп-стоп» в «ДОП-СОП».

О песнях особый и отдельный разговор. На стоянках и охотбазах, в вагонах электричек и много ещё где на выездах, в экспедициях и просто на дружинных тусовках мы пели под гитару песни Окуджавы, Визбора, Городницкого, Кукина, Суханова и прочих бардов. Эти песни знали и любили все студенты той эпохи. Но были и свои, дружинные песни. Автором многих из них, а часто и исполнителем, был Николай Соболев — шутник и балагур, но в то же время, серьёзный и грамотный природоохранник. Нравилось не всем. Некоторые старики морщась называли этот фольклор «соболятиной». А мы были в восторге. Ведь это были наши песни о нас самих. Сюжеты песен рождались конкретными событиями, выездами, происшествиями и эмоциями. Репертуар был широк и разнообразен: и патетический «Гимн Движения ДОП», и лирическая «Теньковочка», и разухабистая «Выухоль», и озорные частушки. Особая жизнеутверждающая энергия была в каждой песне.

В канун 50-летия ДОП Забелин предложил обобщить песенный фонд Движения ДОП. Я подключился к этой инициативе, но предложил создать в интернете открытую площадку, где каждый сможет не только читать тексты песен и прослушивать треки, но и дополнять их недостающими строками и аккордами, историями создания песен и т.д. Такая площадка была создана. Даже две: раздел форума сайта forest.ru (<http://forest.ru/forum/group5/>) и группа соцсети ВКонтакте «Творчество Движения ДОП» (<https://vk.com/resnidop>). В последнюю кроме текстов и аудиозаписей песен вошли видеозаписи, фотоальбомы, биографии авторов песен из разных ДОП, исторические и юмористические материалы. Текстов песен и стихов дружинников собрано более двухсот. А изначально думали, хорошо бы набрать 50.

Но самый забавный поэтический эпизод связан с эпизодом неприятным. В октябре 1982 года егерь Кривандинского охотхозяйства Бобков на браконьерской охоте стрелял на шорох и ранил трёх дружинников из сектора «Фауна»: Вадима Мокиевского, Наталью Лысикову и Марию Работнову, которые обследовали территорию будущего заказника. Тогда всё обошлось более-менее благополучно. А через 2 года я и Сергей Даушкевич отправились в Кривандинское охотхозяйство на разведывезд. Там мы общались с охотоведом Казминым и егерем Москальцовым. Егерь оказался местным стихоплётом, писавшим стихи по любому событию в Черустях. Среди того, что он нам прочёл, оказалась и поэма про злополучную охоту Бобкова. Я уговорил его переписать текст, и на следующий день на охотбазе в Кривандино читал его дружинникам. Все смеялись, а больше всех — герои поэмы.

Вот таким образом мы общались с местным населением во время разведок, которые, кстати, значительно повышали

эффективность оперативных выездов. А на оперативных выездах — только служебные отношения. «Фауна» и «Заказники» работали с местным населением плотнее. Иногда приходилось отвечать на неудобные вопросы: «Это ваши у нас прошлый год ружья поотбирали (или сети поснимали)?» Были вынуждены лукавить.

В оперработе мы успешно применяли байдарки. Зимой разведвыезды закартировали массив карьеров у деревни Кобелево, а весной опергруппы на байдарках обрушились на скрытые на островах и недоступные ранее браконьерские стоянки. Байдарки могли прочёсывать и протраливать от браконьерских снастей любой угол карьеров. Ни один залив, ни одна протока не могли укрыться от внимания дружинников. Об эффективности применения байдарок говорит и то, что браконьерская молва всегда увеличивала число байдарок в 5 раз от реального.

Немного о такой детали, как применение служебных собак на оперативных выездах. Татьяна Розовская, Ирина Молоканова, Елена Куприянова всегда были уверены, что любой старший выезда всегда возьмёт их сверх лимита на девушек, потому что с ними едут их овчарки. Дружинники собак любили, в шутку присваивали им хозяйские фамилии. Самым полезным и толковым считался Ральф Розовский. Он умел находить спрятанные ружья и добычу, на «апорт» доставал сети из водоёмов. Одно лишь присутствие собаки ввергало браконьеров в столбняк. Мысли о побеге или сопротивлении моментально выветривались из браконьерских голов.

Моя работа по окончании биофака состоялась именно благодаря ДОП. В 1984-85 годах принимались новые правила любительского и спортивного рыболовства. Мы подготовили предложения к правилам, и я отправился на заседание координационного совета по любительскому и спортивному

рыболовству при Мосрыбводе. Сразу понял, что этот совет наспех сформирован и формален. Особенно удивили представители обществ охотников и рыболовов, которые даже не пытались защищать права членов своих обществ, а лишь проясняли для себя пункты правил. Я выступал, защищая, обосновывая и аргументируя предложения от ДОП, и оказался замеченным представителями Главрыбвода, которые присутствовали на заседании совета (один из них — бывший дружинник В. П. Арсеньев). После заседания они предложили мне поработать в органах рыбоохраны. Так я попал в ЦУРЭН Главрыбвода и 7 лет работал там, занимаясь в первую очередь вопросами любительского и спортивного рыболовства в масштабах СССР.

По окончании биофака я ещё долго работал в ДОП, много ездил на ЗБС, помогал дружинникам на летней практике, организовывал поездки дружинников (не только нашей ДОП) на охрану чуждого сига и дальневосточных лососёвых. В 1989 году на конференции ДОП в Старом Салтове с друзьями и сподвижниками организовал при Координационно-Методическом Совете ДОП рабочую группу по БсБ, которой, к сожалению, не хватило времени развернуться.

Из поздних событий запомнился протестный митинг против строительства канала Волга-Чограй. Ещё в 1986 году страна отказалась от проекта переброски северных рек в бассейн Каспия и Арала (ДОП по мере возможностей боролась с этим проектом), но ставший притчей во языцех Минводхоз пытался реализовать по отдельности части проекта, например, канал Волга-Чограй. Протестный митинг был объявлен всесоюзной акцией. Организаторы — самые разные общественные объединения, включая недавно созданный СоЭС. В Москве митинг проходил в ЦПКиО им. Горького.

Собралось довольно много народу. Бойцов ОМОН у служебного входа в парк — ещё больше. Выступали писатель Залыгин, академик Лемешев и многие другие. В разгар митинга припёрлись нежданные и совсем нежеланные гости — члены общества «Память». «Памятники» тогда занимали эконошину нынешних скинхэдов, слыли радикальными и агрессивными, но с претензией на культурологию. Они принесли с собой большой транспарант: «Не дадим вывезти из России икону Владимирской богородицы». Никогда до тех пор имя богородицы не упоминалось столь часто всеу. Мы боялись, что «памятники» попытаются сорвать митинг, подозревали их в ангажированности и продажности, даже приняли предупредительные меры, но всё обошлось.

Была ли ДОП очагом диссидентства и инакомыслия? Скорее нет. Вольнодумство, конечно, присутствовало, но не более чем в университетских кругах вообще (или я слишком высокого мнения об университетских кругах?) Мы были встроены в систему и адаптированы к ней, мы были готовы её улучшать, но не собирались менять. Мы использовали систему, а наши предложения по реорганизации природоохраны и рационального природопользования, возможно, были максималистичны, даже утопичны, но куда как полезней того раздряя под вывеской реформ, который до сих пор продолжается в природоохране России.

За разговорами о вольнодумстве и инакомыслии, возможно, лестными для кого-то, можно упустить другую важную деталь — в ДОП уживались и делали одно дело как либералы-реформаторы, так и консерваторы-охранители, как «западники», так и «славянофилы». На мой взгляд, это важнее диссидентства. Впрочем, здесь как нигде место для субъективных оценок и суждений.

Зато в дни августовского путча 1991 года все немногие дружинники, кто был в Москве, а не в экспедициях или на каникулах, находились у здания Верховного Совета РСФСР, прозванного тогда «Белым домом», и были готовы противостоять мятежникам от ГКЧП. Сейчас об этом многие не любят вспоминать, считают себя обманутыми, даже жалеют. Не надо, друзья! Путчисты врут, что защищали нашу страну. Они защищали свои кресла и портфели и были готовы на кровь. Тогда мы правильно вышли на борьбу с большим и худшим злом. А обманули нас позже. С этим не спорю.

О физической опасности. Дважды на моей памяти, но не в моём присутствии, браконьеры угрожали дружинникам оружием (один из них получил за это год лишения свободы условно), случаев силового изъятия оружия — пальцев руки хватит пересчитать. Последняя преднамеренная стрельба по дружинникам была в 1979 году и без пострадавших. Зато рассказы о «героическом прошлом» изобиловали побоищами и перестрелками, случаями ранений. Может, они запомнились лучше? И подготовка инспекторов предполагала противостоять сплочённой корпоративной солидарности браконьеров. В реальности же нормой были ситуации, вроде описанной Забелиным, когда односельчане браконьера с интересом наблюдали задержание, прикалывались и давали юморные советы, даже болели не за своего. Нет более злорадного смеха, чем смех непойманного браконьера над пойманным.

Отношение студентов биофака к ДОП демонстрировало самую большую недоработку в Дружине. Мягко говоря, не очень было отношение. Причина в недостатке информации и неумении её подавать. Дружинники были слишком нацелены на практическую природоохранную работу и не уделяли должного внимания пиару и привлечению смены. Счита-

лось, что эти вопросы должны решаться при практической работе в автоматическом порядке и без бюрократии. И они, действительно, так решались. С летних практик после плотной работы в студенческой среде в ДОП приходили новички, задерживались надолго, становились командирами секторов и направлений. А где такой работы и таких контактов не было, царило мнение, обнародованное одной из молодых дружинниц: «Я раньше думала, что ДОП — это толпа здоровых мужиков, у которых в одной руке ружьё, а в другой бутылка, которые бегают по лесам и бьют браконьеров чем попало». Вздор, конечно. А как он нам вредил!

Зато хорошее отношение и уважение были со стороны факультетского комитета ВЛКСМ. По рассказам так было не всегда.

— Я хотел бы, чтобы каждый комсорг, не говорю комсомолец, был так же активен, как активен каждый член ДОП, — говорил на собрании ДОП секретарь факультетского комитета комсомола Игорь Сергеев.

Были и успехи в пропаганде и пиаре на биофаке. Была стенгазета по итогам операции «Ель», получившая неформальный переходящий приз «Золотой подзатыльник». Был доповский «капустник», подготовленный ко Дню биолога. Надо сказать, что День биолога в 80-е проходил с грандиозным размахом и успехом. В ББА (большая биологическая аудитория, самая большая на биофаке) набивалось народу битком, занимали все лестницы, балконы, перила. Приезжали гости с биофаков других университетов. Каждый курс представлял свой «капустник» на конкурс. Доповский капустник вполне соответствовал уровню.

Апогеем дружинного творчества стал спектакль «Жизнь и удивительные приключения в Дружине студента Ивана Безнадёжного», подготовленный на 25-летие ДОП и ближай-

шую конференцию Движения ДОП. Пересказать содержание спектакля невозможно — нужно видеть. Или пересказ займёт два слова: жизнь дружинника. Дружинники были в восторге от спектакля, но оказалось, что некоторые действия и шутки непонятны новичкам и гостям конференции ДОП.

Был в дружинной работе и её имидже такой отрицательный момент, как «синдром печника» (стихотворение Твардовского «Ленин и печник») или «плюмбизм» (фильм «Плюмбум, или опасная игра»), желание проявить и продемонстрировать власть над людьми, пусть и нарушителями. Такое действительно было, но не в том масштабе, который приписывался молвой. Носители таких качеств в ДОП не задерживались. Либо уходили у людей эти качества, либо сами люди. Но было у этой беды и её зеркальное продолжение: дружинники боялись такого клейма как огня. По этой причине такие направления работы, как «Ель» или «Подснежник», пользовались популярностью не всегда и не у всех. Ведь там нам противостояли не крепкие парни с ружьями, а часто женщины, порой пожилые или с детьми. Например, я не ходил на рейды по «Подснежнику». Правда, когда штаб объявил «Подснежник» общедружинной акцией — пошёл как миленький. Вместе с Юлей Ножевниковой изымал белоцветник на Ленинградском рынке. И не из страха перед возможным взысканием. Такое было отношение к работе, организации, дисциплине. Тем не менее даже в дружинных воспоминаниях можно прочесть, дескать, были слишком строги, задевали невиновных, трепали нервы. Поднимались эти темы и на собраниях ДОП. Отповедь таким разговорам дал на собрании мой однокурсник Дима Серов:

— Вы встречали в троллейбусе контролёра, который бы поверил, что вы забыли проездной, и согласился вас не штрафовать, чтобы вы на следующий день проездной предъ-

явили? А ведь именно так поступают дружинники, когда оформляют временный протокол и ёлку изымают временно до предъявления квитанции.

На самом деле даже на БсБ, даже с не совсем адекватными «клиентами» мы работали предельно корректно, не смели повышать голос или грубить. Работали академично, мягко, но уверенно и последовательно. Такая работа считалась особым стилем, даже шиком, свидетельством высокой квалификации инспектора. Инспектора в других ДОП, особенно не в Москве, порой работали на грани фола и даже гордились своей жёсткостью.

Но наглецов мы старались карать примерно. На одном из рейдов браконьер оказал сопротивление, устроил драку, разбил Щербакову очки. Нарушение было не самым грубым и штраф грозил не самый большой, но «клиента» буквально распирало от собственной значимости. Это был редкий случай, когда дружинники прекратили рейд и доставили задержанного в отделение милиции. Там, кроме протокола, дружинники заполнили и бланки объяснений, по которым дежурный по отделению незамедлительно вынес постановление об административном аресте на 15 суток. Но наглый браконьер этого ещё не знал. Подписав протокол, он спросил Щербакова вызывающим тоном:

— Ну, что? Я могу идти? Да?

— Со мной на водоёме надо было разговаривать, — отвечал Щербаков. — А здесь есть дежурный по отделению — его и спрашивайте.

Браконьер повернулся к дежурному и повторил вопрос в той же наглой, вызывающей манере:

— Ну, что? Я могу идти? Да?

— Можешь! — ответил дежурный и указал на распахнутую камеру. — Вон туда!

Пара слов о Молодёжном совете МГУ по охране природы. Лучше, если о нём расскажут его создатели, а в нашу пору существовало мнение, что этот совет, созданный выпускниками ДОП, формализовался и бюрократился, что его используют для имитации деятельности и оплаты своих поездок и развлечений, якобы для общественных нужд. Но бюджетом Молсовета мы пользовались охотно и обильно. Из него оплачивали аренду автомобилей для выездов, дружинные экспедиции и командировки.

Однако на большинство выездов ездили на свои деньги. С питанием тоже проблем не было. Если в БсБ было поскромнее, то «Фауна» слыла сибаритским сектором. «На прошлом выезде даже икра была». Зато фирменным блюдом БсБ (и довольно редким) была уха «из браконьера». Сдать изъятую рыбу в магазин было возможно лишь при желании продавца тут же её купить по госцене.

Сочеталась ли ДОП с учёбой? Учёбе мешала не ДОП, а разгильдяйство дружинников. Проблемы с учёбой всегда были сопоставимы с уровнем разгильдяйства каждого. У меня проблемы были, но не великие.

Нынешним дружинникам хочется пожелать быть мудрее, дальновиднее, успешнее, чем были мы. Но понимаю утопичность таких пожеланий. Поэтому желаю им приверженности. При наличии приверженности грамотность, умение, профессионализм приложатся, так же как деловитость и инициативность. И, конечно, традиционное пожелание успехов в нашем «безнадёжном» деле.

Можно ещё много рассказать о выездах, экспедициях, поездках, приключениях, о трудностях и победах, о замечательных друзьях, найденных в ДОП. Но надо уступить место другим рассказчикам. Свои воспоминания о работе в ДОП я раньше публиковал в информационно-аналитическом

бюллетене ДДОП «ваЗЕЛин», который прекратил существование последним из дружинных периодических изданий. Я намерен продолжать эту работу и публиковать свои рассказы о ДОП на какой-нибудь интернет-площадке (подскажите на какой), а затем собрать их в книгу «Я — общественный инспектор...» В ней собираюсь подробнее написать о своей природоохранной работе и о замечательных друзьях, с которыми свела меня ДОП.

Дейстфельдт Любовь Александровна

В отличие от многих, я в детстве не занималась ни в каких кружках, больше на лыжах бегала. Правда, два последних класса я училась в биологической школе, которая дала мне больше знаний, чем университет. Спасибо за то нашей учительнице биологии — Наталье Фёдоровне Кедровой, которая потом стала директором, она с нами ездила в Ромашково на биологическую практику. В нашей школе учились и другие дружинники: Сергей Теплинский, Михаил Березин, Лилия Симиновская. В Дружину я пришла сразу же после поступления на биофак, а поступила я со второго раза, до этого год лаборантствовала. Из лаборантов в Дружину пришли Ольга Стефанчук (феноменальная Стефа, поступившая с шестого раза), Лилия Симиновская и Екатерина Головина. Была я в Дружине с 1980 по 1985 год, когда училась на биофаке МГУ, плюс ещё несколько лет.

Для меня было очевидно, что кроме учёбы важно участвовать в какой-то полезной деятельности. Больше всего меня привлекали выезды и экспедиции, они были осенью, зимой и весной. А летом я ездила по научным экспедициям в дальние края, на Кавказ, где делала курсовую и диплом. В Дружине образование было интереснее, чем на лекциях и семинарах в сетке занятий. Тут было неформальное общение и самостоятельность. Меня привлекал такой полевой образ жизни, который многие современные студенты и не представляют. Никакого телевизора и интернета, никаких мобильных не было. Полная автономия и свобода, жизнь без цивилизации хоть на время. Я думаю, Дружина дала нам хорошую школу выживания в полевых условиях.

Конечно, первым моим выездом был БсБ. Это мне показалось очень интересным мероприятием, правда, браконьеров было немного жалко.

Почему люди приходят в Дружину? По-моему, любой нормальный биолог-полевик должен туда обязательно прийти по логике вещей. Ясно, что если нетронутая человеком природа будет уничтожена, то и изучать будет нечего. Для многих это продолжение известных биологических детских кружков, а для тех, кто там не был, таких как я, — замена.

Полевики (сюда входят не только биологи и географы, но и сборщики ягод-грибов, рыбаки и отчасти охотники) без природных территорий, не нарушенных человеком, прожить не могут. Поэтому логично было бы уехать жить на природу, жертвуя при этом какими-то удобствами, но приобретая нечто большее. Но так мало кто делает.

Люди делятся на ответственных, которые в ответе перед Богом и будущими поколениями, и безответственных, которые думают лишь о получении сиюминутной выгоды (материальной или нематериальной). К сожалению, везде в мире преобладают последние, независимо от государственной принадлежности и национальности.

Дружина объединяет людей действия, причём лучших людей, которые готовы отдать своё время (а иногда и деньги) на сохранение природы. Дружина — уникальное явление. Люди в наше время там работали совершенно бесплатно и добровольно, что было альтернативой всем комсомолам и партиям, да ещё и без политической идеологии. Именно поэтому она и выжила.

Я думаю, сила дружинного движения — именно в её не-политичности. Дружинное движение — скорее духовное, чем политическое. Это не только образ жизни, но и образ мировосприятия. Дружина научила нас не только правилам выживания в лесу, но и умению общаться с большим начальством. Никто из нас не боялся заходить к любому директору в кабинет. В основном приходилось отстаивать ООПТ и леса.

Мне потом это в жизни очень пригодилось, но тот максимализм часто оборачивался против нас. Умение находить компромиссы, но отстаивать главное — это всегда было главной политикой в Дружине.

Меня всегда поражало и восхищало, что командиры секторов никого не заставляли, а люди сами искали, что надо делать, чтобы принести пользу для Общего дела. Дружина была тогда единственной организацией, где царил соборность, то есть решения принимались после общего обсуждения, но окончательный ответ принадлежал командиру (в отличие от демократии, где всё решает бездушное голосование).

Страна наша изменилась, но для природы не настали лучшие времена. По-прежнему с одной стороны баррикад «злые чиновники», а с другой природоохранники. Стало, пожалуй, даже хуже. Обращаться для защиты некуда; митинги разрешены, но толку от них мало. У кого больше денег и власти, тот и прав. И чиновники теперь занимаются физической расправой. Как, например, в случае прокладки дороги через Химкинский лес и в других подобных случаях.

Вот несколько воспоминаний о конкретных людях.

Николай Соболев. Сочинитель песен и простой человек в лучшем смысле слова. К нему домой можно было прийти в любое время дня и ночи, даже когда его там не было, залезть в холодильник, найти еду и съесть. Дверь всегда была открыта. Такого теперь не бывает. Его песню вспоминаю постоянно: «Угрюмый брэк в челноке плывёт домой налегке, а у меня в рюкзаке его бывший струмент. Картошку с поля несу. Найти б ещё колбасу среди лесов и полей». Почти то же было у Николая Мюге. Тут имя говорит само за себя. Он читал нам семинары по правовым вопросам.

Стефа (Ольга Стефанчук). Добрейшей души человек. На выездах, когда все отдыхали на базе, она за всеми мыла по-

суду. А в последнее время, когда я уже уехала в Пущино, ночевала у неё часто в квартире на Ленинском, поскольку моя была сдана. У неё был странноприимный дом, принимала она совершенно безвозмездно всех бездомных дружинников и однокурсников по МГУ и медучилищу.

Шекарчик — Ольга Шекарова. В 80-е годы мы ходили по лесам в болотниках и кирзачах. Наверное, это пошло от кружковцев КЮБЗы, это считалось даже модным. Некоторые люди являлись в таком виде даже на учёбу, особенно на гражданскую оборону к славной памяти полковнику Сергиенко. Конечно, к такой обуви полагались портянки. В них ходить было удобнее, ноги не натирались. Вот Шекарчик и наматывала всегда портянки. Однажды на выезде нас пригласили в какой-то деревне за стол. Кажется, мы опрашивали местных охотников на предмет обитания хищных птиц. Когда все вошли в дом, Шекарчик смущённо стояла около вешалки. Оказалось, она стеснялась при хозяевах снять сапоги, не зная куда девать эти портянки. Остальные были в носках, а она на босу ногу. Не помню, как она тогда вышла из этого неприятного положения, но куда-то эти портянки спрятала. Хуже было их потом где-то наматывать. Впрочем, она меня и научила потом обращаться с портянками, за что я ей очень благодарна.

Ден — Денис Милько. Ден тоже ходил всегда в кирзачах. Причём сухой паёк клал в сапог. С рюкзаками тогда в маршрут не ходили. Иногда с полевушками. Но туда ничего съедобного не влезало. Однажды мы поставили палатку на болоте и остановились уже в темноте на ночёвку. Разложили нарезанные свежие огурцы. В темноте было ничего не видно. Ден, сняв сапоги и размотав портянки, прошёлся босиком прямо по этим огурцам, после чего огурцы с утра были найдены и успешно съедены.

Теперь лично о себе. У меня так получилось, что после окончания биофака я попала на работу в национальный парк «Лосиный остров», где безуспешно боролась за природу против собственного начальства. Директор там проводил незаконные рубки. Ничем хорошим для меня это не кончилось, пришлось оттуда уйти через два года.

Потом я поступила в аспирантуру ГБС и стала заниматься защитой Битцевского леса от строительства там зоопарка. Тогда по Москве везде стихийно возникали экологические группы из местных жителей для защиты своих окрестностей от разных застроек и загрязнений. Стали проводиться митинги, нас поддерживали кандидаты в депутаты. Победу мы одержали, и теперь Битцевский лес является ООПТ.

Потом я работала в институте охраны природы в лаборатории природы г. Москвы, где мы постоянно занимались обследованием московских лесов, проектированием новых ООПТ и выявлением редких видов. В результате вышла Красная книга Москвы, сейчас уже есть второе её издание.

Сейчас живу я в Пущино. Сбежала 11 лет назад из Москвы с двумя детьми по рекомендации Гали Левицкой — тоже дружинницы. Она в конце 80-х работала в ПТЗ, а потом устроилась в Пущинский институт биофизики и переехала сюда, на другой берег Оки. Тружусь в частном патентном бюро, ищу клиентов для регистрации товарных знаков. Работа с биологией не связана. Пару лет назад водила экскурсии по пойме Оки в Пущино.

Дружина же сохранилась. Я вижу её будущее в конкретных делах, где нужны сознательные люди. Проектирование ООПТ, защита лесов от застроек, загрязнений, осушений, пожаров и др. Впрочем, современным дружинникам виднее.

Берг Анита Игоревна,

домохозяйка

В Дружине была с весны 1980 по 1982 год. Была командиром Дружины с марта 1981 по 1982 год.

В Дружину я попала совершенно случайно. В феврале 1980 г. я перевелась со второго курса вечернего психологического факультета на первый курс биофака. Это был год летней Олимпиады в Москве, поэтому сессия и практики были перенесены на месяц, чтобы максимально освободить город летом от народа, в том числе и от студентов. Весенняя сессия начиналась в апреле, я сдала единственный экзамен в самом начале апреля и пыталась найти, куда бы уехать из Москвы. Прогуливалась по второму этажу биофака и наткнулась в рекреации на доску, всю утыканную булавками и кнопками с записками и завешенную кучей объявлений. Это была доска Дружины по охране природы. В том числе было два списка с записью желающих на выезды-экспедиции. Один — в экспедицию БсБ, другой — в «Фауну». Что такое БсБ, я не знала, фауна — слово знакомое, и я решила записаться и сходить на собрание.

На 5-м этаже в аудитории «5А» собралось человек двадцать. Решительная, симпатичная девушка в штормовке — Лена Краснова — стала рассказывать об экспедиции: что нас ждёт, что мы будем делать, что брать с собой. Там в первый раз я услышала про болотные сапоги, бинокль и штормовку — вещи, на долгие месяцы ставшие неотъемлемой частью существования. Лену не смутило, что многие из нас совсем не знали птичек и травки, главное было желание поехать на природу. Помню, что задала вопрос о продуктах и надо ли брать вино с собой. До сих пор стыдно за этот вопрос. Лена

улыбнулась (а Леночку я всегда вспоминаю улыбающуюся, до сих пор ничего не изменилось) и сказала, что на выезды спиртное брать нельзя.

Этому правилу мы не изменяли. Исключением был юбилейный выезд.

Я совсем не помню, куда был этот первый для меня выезд. Старшим в нашей группе был Саша Ржавский. Потом была майская экспедиция в Талдом. Я была с Олей Роздиной и Надей Маркиной в группе Вити Зубакина. Мы были абсолютно «зелёные», и нам повезло оказаться с корифеем Дружины, куратором сектора «Фауна». Первая наша ночёвка была на большой канаве, ночью выпал снег, хотя и было начало мая. Помню, как мы вылезли из палатки, а всё болото белое, холодно и какие уж тут птички, всё примёрзло....

Тогда нам стали очень близки слова из песни: «Я носки свои сушу над кастрюлей с супом...»

Мы учились определять птичек, записывать свои наблюдения (потом писали общий отчёт), ставить палатку, разводить костёр, варить что-то съедобное. Витя очень терпеливо нам всё объяснял.

Талдом навсегда остался для меня самым интересным и любимым местом.

Талдом — это учёты журавлей в сентябре, это ночёвки на болоте на канавах и островках.

Помню, как мы большой толпой приехали на учёт журавлей. Ночевали в Талдомской гостинице, а утром с первыми автобусами расплзлись по разным точкам. У меня ещё с вечера разболелся зуб, все давали советы, старались как-то помочь. Лена Краснова дала мазь «Звёздочку», я натёрла ею щёку, это отвлекало от боли. Утром выехала с группой на учёт, но к середине дня поняла, что совсем невмоготу. Пом-

ню до сих пор разочарование от сознания, что пропущу учёт, подведу ребят и не увижу журавликов.

С тех пор я всегда радуюсь, попадая на верховое болото, вспоминаются те выезды, многочасовые походы по болоту, сосны-маломерки и карликовая берёза, клюква и росянка...

Деревня Остров, где мы как-то ночевали у доярки с Борей Шелигой и Олей Роздиной. Эта милая женщина рассказала нам, почему так называется деревенька, о своей работе, помню, что мы оставили ей какие-то продукты под впечатлением её нелёгкой жизни.

Вставали на выездах рано, в 4 часа. После вечерних посиделок с гитарой казалось невозможным проснуться так рано и ползти куда-то в полутьме. Места распределялись заранее, утром все сосредоточенно собирались, пили чай с бутером и расползались по точкам.

Самое удивительное, что мы ни разу не проспали, всегда был кто-то, кто поднимал, будил, пинал, готовил утренний чай.

В Дружине было тогда несколько секторов: БсБ (Борьба с браконьерством), «Фауна», «Заказники», были кампании «Подснежник» и «Ель», когда участвовали все члены Дружины, и был Ника Палыч (Коля Харитонов), который занимался со школьниками. Я сразу попала в «Фауну» и никогда не меняла сектора. В то время в Дружине было 30–40 человек. Иногда бывали общие выезды, собирались все сектора. Это человек 25–30.

Всегда любой выезд готовился, были старшие групп, которые готовили маршрут, обсуждали с командирами секторов задачи, место выезда, ночёвки, добывали и перерисовывали карты. Ездили всегда за свой счёт, электрички, автобусы, с собой гитара, рюкзаки, развлекали пассажиров песнями.

Не помню недовольства пассажиров в поезде и совершенно не представляю такого сегодня...

Еду брали иногда по договорённости, т.е. распределяли, кто и что берет. Стущёнка, тушёнка, рыбкины консервы, сыр, хлеб, макароны... Вечером распределяли паёк на день с собой, сообща готовили ужин. Вообще всё делали вместе, не помню никаких споров, ссор. Хотя, конечно, были наверняка обиды и неприязнь или неприятие. Но как-то все эти мелочи отношений уходили на второй план, было всегда чувство плеча, такое братство единомышленников, уверенность в поддержке. «Один за всех и все за природу»... «У Природы везде должны быть свои люди» — этот девиз остался в голове до сих пор. Было ощущение нужности нашего дела: если не мы, то кто?!

Было чувство превосходства над «простыми» студентами, мы — сила, мы дело делаем. Дружина для многих стояла на первом месте, учёба отодвигалась на второй план. Конечно, это не поощрялось кураторами, но перед деканатом нас всегда защищали. Хорошо, что они понимали некоторую разницу между просто неуспевающими и неуспевающими по причинам занятости не менее важными вещами. Нас даже от картошки освобождали, чтобы мы могли участвовать в выездах в сентябре. Мы работали в ботаническом саду, собирали яблоки.

1980 год — это 20-летие Дружины. Помню, как ездили осенью выбирать место разными группами в разные охотхозяйства. Нужно было разместить порядка 100 человек (если правильно помню). Должны были приехать гости из других городов, дружинники из других ВУЗов. Помню, как мы с Леной Абоносимовой нашли такое хозяйство.

Выезд состоялся, ехали автобусами, и наш сломался, не доехав до места. На улице морозище, мы два часа прождали помощь (потом оказалось, что шофёр первого автобуса не обратил внимания на наше отсутствие). И все эти два часа согревались, горла пели до хрипоты. Уже в темноте добрались до базы, а на следующий день был учебный выезд БсБ. В результате получился настоящий праздник. Приехало много ребят из других городов. Было ощущение, что нас много, мы многое можем. Это и в самом деле было так.

Вадим Николаевич Тихомиров, куратор Дружины, фактически небожитель. Я всегда с трепетом приходила в его кабинет, когда была командиром. Необыкновенный человек, всегда с полуслова схватывавший суть, всегда был готов помочь, но иногда конкретно разносивший за разгильдяйство и пофигистское отношение к учёбе.

Я стала командиром совершенно для себя неожиданно. Лена Краснова, Жена Шварц, Алексей Зименко, Лена Абоносимова, Саша Ржавский и многие старые дружинники должны были защищать курсовые или делать дипломы. И командира выбирали среди нас, молодых. Я совершенно не представляла, что буду делать. Командиром БсБ был Лёша Зименко, и в их работу я совсем не вмешивалась. Помню, что на каждой паузе между лекциями был целый список дел, куда бежать, с кем что обсудить. Я не думаю, что была хорошим командиром. Командирство совершенно не моя стихия. И проведение штабов, выступления, где бы то ни было, всегда были для меня мучением.

В Дружине многие нашли свою вторую половину. Были весёлые свадьбы, мы все были молодыми и счастливыми. Я тоже познакомилась с первым мужем в Дружине. Многие семьи сохранились до сих пор.

Работа и моя специальность никак не были связаны в дальнейшем с природоохранной деятельностью. Исключением были полтора года работы в Цодике⁸ в 2000г. Тогда я снова окунулась в квазидружинную атмосферу, встретила многих дружинников моего поколения, мы подготовили и провели 40-летие Дружины.

Я думаю, что каждый, кто был в Дружине, несёт в себе до конца жизни некую искорку той нашей жизни, а также особое отношение к природе, как к члену твоей семьи, который нуждается в любви и защите.

⁸ Благотворительный фонд «Центр охраны дикой природы».

Потанский Владимир Георгиевич,

экскурсовод экоцентра «Битцевский лес»
ГПБУ «Мосприрода»

В Дружину меня привёл Сева Степаницкий. Это было в сентябре 1982 года. Я только поступил на 1 курс МГПИ (Московский государственный педагогический институт). На дне первокурсника выступали дружинники и приглашали на выезды. Но мне, недавнему школьнику, ловить браконьеров представлялось чем-то нереальным. В какой-то момент ко мне подошёл Всеволод и убедил поехать на выезд сектора БсБ. Ближайший был на тогдашний день конституции 7 октября. Предполагалось несколько ночёвок в лесу, и мне, не имевшему никакого опыта в этом деле, предстояло закупиться снарягой. В ГУМе в отделе туризма продавщица посоветовала новинку — станковый рюкзак «Ермак». Спальник я сделал сам из пухового одеяла. Выезд был на Бакшевские карьеры. Всю дорогу в электричке старики-полевики тыкали заскорузлыми пальцами в мой новенький «Ермак» и ухмылялись, а я сгорал от стыда и жутко завидовал их настоящим «абалакам». Потом мы долго шли в ночи по узкоколейке и, как только видели свет фар мотовоза, с треском прятались в кусты. Конечно, я раньше читал о туристах, но тут всё оказалось не так. Никаких палаток, ночёвка прямо на замороженной земле (ковриков тогда ещё не было), и на рассвете в рейд. Весь день ходили по красивейшим местам и, наконец, заблудились. Да и как не заблудиться? Карт не было вообще, и все маршруты ходились только по памяти. Наконец мы вышли в какую-то деревню, там спросили дорогу, и добрая женщина угостила нас вкуснейшими пирогами и молоком. В лагерь мы так и не попали, ночевали в

избушке стрелочника. А утром нас до лагеря подбросил мотовоз, от которого мы не так давно прятались. В общем, мне всё очень понравилось. На первом курсе я ездил с сектором БсБ Дружины МГПИ. К сектору БсБ Дружины МГУ относились скептически — считали, что там много девчонок. У нас была очень строгая дисциплина. За критическое опоздание на выезд командир сектора лишился своего поста. Помимо БсБ в начале зимы 1982 ездили с Сашей, Олей Мищенко, Сергеем Баптидановым и Димой Ореховым строить гнёзда для орлана-белохвоста на Лотошинский рыбхоз. А перед Новым годом мы все, конечно, участвовали в операции «Ель»: ловили на Киевском вокзале и на станции Тушино незаконных порубщиков. В Дружине мне тогда нравилось абсолютно всё: выезды, очень дружный коллектив, песни, праздники. Потом было два года армии, после которой я поступил на биофак МГУ и пришёл в биофаковскую Дружину. Осенью 1985 года первый раз поехал в Журавлиную родину. Тогда все ночевали в Талдомской гостинице, и в 4 утра на первом автобусе разъезжались на учёты. Если доставалась водонапорная башня в Апсарёво, то надо было сидеть пару часов на коническом железном колпаке башни, зверея от холода. Но всё же основной деятельностью была борьба с браконьерством. Мы всегда придерживались принципа Севы Степаницкого, что конфликт с «клиентом» (брэком) прежде всего говорит о плохой работе инспектора. Однако изредка такое бывало. Запомнился такой случай. Мы были на Туголесских карьерах. Среди кустов увидели лодку-долблёнку, переплывающую по протоке из одного карьера в другой. Подкрадываемся по зыбкой сплаvine и видим: в лодке два брэка с сетями и ружьём. Как на плакатах того времени: в ватниках, щетинистые, со зверскими лицами. Я был старший группы, говорю: «Инспекция рыбохраны!» И тут один из бреков хва-

тает ружьё и наставляет его на меня. Я со сплавины прыгаю к ним в лодку (не знаю, как мы не перевернулись) за спину его товарища и, прикрываясь им, наставляю на брэка с ружьём ракетницу. Говорю: «Бросай ружьё!» Он бросает ружьё в воду и, воспользовавшись нашим замешательством, они убегают. Нам достаются сети, лодка, патронташ с патронами и ружьё (мы его выловили кошкой). Вторая половина 80-х была расцветом Дружин. Тогда на выезды секторов ездило очень много народу. Каждый сентябрь был посвящён Журавлиной родине. Отличное время привлечь первокурсников. Выезды были довольно суровы. В какой-то момент нам дали дом в Айбутово. И вот оттуда надо было до рассвета попасть на учётную точку в Окаёмово. До неё 12 км пешком. А на обратном пути почти до вечера гонять клюквенников на Куниловском болоте. Еду могли и не взять. При мне одна первокурсница от такой жизни пыталась есть сфагнум. К началу 90-х Дружину покинула старая гвардия. Появилось много небофаковцев, и в какой-то момент всё стало распадаться. В секторе БсБ становилось всё меньше и меньше студентов и всё больше и больше птушников и «свободных художников». Нарушилась чёткая, годами отлаженная система подготовки инспекторов. Выезды превращались в спектакли. В какой-то момент я инициировал на собрании Дружины ропуск сектора. Дискуссия была горячей, но всё же сектор распустили. Через непродолжительное время на волне ностальгии его опять восстановили, но лучше он не стал и вскоре окончательно загнулся. Оперативная работа продолжалась только в Журавлиной родине. Сектор «Фауна» прожил дольше. С середины 80-х и до середины 90-х было время активного проектирования и создания заказников и национальных парков. С конца 90-х почти вся серьёзная природоохранная деятельность стала вестись на профессиональной основе.

Аксёнова Лариса Александровна,

кандидат биологических наук

В Дружине я оказалась совершенно неожиданно для себя. Я поступила на биофак в 1983 году. Моя подруга, Наталья Егорова, успешно сдавшая к тому моменту экзамены в МИТХТ, сказала мне: «А ты знаешь, у вас ведь на биофаке есть Дружина охраны природы! Это так здорово! Ты же любишь природу?!» Любовь к природе стала главным аргументом, ведь до 8 класса я жила на Камчатке среди сопок и вулканов, океан рядом. В город выбирались изредка, а вот по тундре я бродила и зимой, и летом, уходя на значительные расстояния от дома. Знала каждую травинку в округе по-русски и по-латыни. Была самым юным любителем природы Камчатки, про меня даже писали что-то такое в газетах и какую-то грамоту в Усть-Камчатске вручили. Но, оказавшись в Подмоскowie, никак не могла привыкнуть к скучным природным ландшафтам, а пойти куда-то самостоятельно не могла: просто не знала уникальных островков-рефугиумов редких растений в этих краях. И вот, собрав вещмешки (именно отцовские армейские вещмешки), положив в них сухпаёк и пару одеял для себя и Натальи (про спальники мы с ней тогда даже и не слышали!), экипировавшись опять-таки в отцовское обмундирование, с офицерским планшетом, алюминиевой флягой для воды, в одну из первых пятниц сентября вечером мы прибыли для участия в показательном выезде для первокурсников. Ехали в Рязанскую область. Куда точно, уже не помню. Шли интересными маршрутами, на которых тогда меня впечатлили, до сих пор помню, в глубине леса свиноферма с наблюдательной вышкой, обнесённая заборчиком из стальных рельсов со штампом «Krupp

1901», и вполне себе вызревшие томаты, но не на грядке, а просто под сосной в глухом лесу. Остановившись на ночлег, мы с Натальей спали, как придурки, завернувшись в одеяла. Остальные были более подготовленными в этом отношении. Зато топорик, компас, необходимые в походе вещи и, самое главное, грамотный сухпаёк у нас с собой были. Поэтому мы очень даже уверенно себя чувствовали. Мне выезд необычайно понравился, я была в восторге от мотивированных, целеустремлённых людей в поиске, а самое главное, в сохранении редких видов растений. Я это просто почувствовала и поверила в тот момент. Наталья же взгрустнула и сказала, что, пожалуй, это не для неё. Но «экспириенс» есть «экспириенс». Я пошла в магазин, купила себе абалаковский рюкзак, болотники и индийский спальник, чтобы быть как все. Уже к концу первого курса я вела летнюю экспедицию ДОПа по обследованию заказников и контролю по соблюдению режима охраны редких растений. А осенью, в начале второго курса, я стала командиром сектора «Заказники». Здесь я хочу отметить, что не все из нас, выпускников ДОПа, посвятили в дальнейшем свою жизнь охране природы. Но самое главное — мы несём в душе своей понимание того, что природа красива, хрупка и нуждается в нашем участии. Иногда приходит отчаяние, и мы не знаем, как правильно регламентировать режим охраны редких растений, как противостоять сторонникам «бетонированной площадки, сухой и ровной» (Братья Стругацкие, «Улитка на склоне»). Но здесь нас направляют и вдохновляют бессмертные слова Соболева: «Значит в дорогу, вперед, чтоб найти и сохранить, что нашли...». И многие другие ёмкие слова Николая Андреевича вдохновляют.

Я помню радость встречи с новыми для меня растениями. Полушник, невзрачный на вид, но древний, как этот мир

(одно из первых сосудистых растений на Земле). Мы посетили Белые озёра в Шатурском районе, где полушник не очень радостно глядел на нас из хрустально-прозрачных озёрных вод. Помню, что прочитала лекцию сотрудникам Рошальского химкомбината о том, что природу надо беречь. Наивную, сбивчивую лекцию, но в следующее воскресенье они все, как один, приехали на субботник в Бардуково и Дубасово убирать мусор и расставлять аншлаги.

Помню, как в том же Шатурском районе мы с Андреем Щербаковым обследовали флору Великих озёр. Андрей обладал уникальными качествами: он мог и браконьера с винтовкой на скаку остановить, и зачитать ему по памяти все постановления и законы, которые он нарушил, а мог и растения скрупулёзно и внимательно искать — и находил. Мы знали, что по каким-то старым описаниям в этих озёрах должен обитать водный папоротник сальвиния. Мы методично обплывали на лодке все заводи. И, о чудо, плывём, почти отчаявшись, а нам навстречу плывёт сальвиния. Одна куртинка плывёт, другая, а вот и заросли!

Помню водяной орех чилим в озере Сосновое, но это уже у Белоомута в Луховицком районе. «Водяные чёртики» потрясли меня тогда невероятным разнообразием форм. Тогда же я обратила внимание на тот факт, что места произрастания редких растений как-то уж очень часто совпадают с местами обитания браконьеров. С детства я была приучена к уважительному отношению к оружию, а этих людей не понимала совсем. Так и не смогла понять, зачем в Московской области всё это — неужели им реально есть нечего было? Ну, и, естественно, в знаменитом Губино (где, как известно, «выезд в Губино, ребята, это вам не хрен собачий») мы вели ботанические обследования, там тоже много редких расте-

ний оказалось. Но как истинные «ботаники», мы поселились в местном общежитии, где про биологов (почему-то:))) ходила ну очень дурная слава. По вечерам и ночью нам угрожали под дверь, били оконные стёкла даже, но мы всех бодро посылали к лешему и продолжали искать те растения, которые нам были нужны.

Из приятных общений с «нарушителями режима охраны заказников» вспоминаю председателя совхоза «Туровский». Тюльпан Биберштейна, ковыль, рябчик русский, черёмуховые леса, дикие заросли тёрна. Счастливый обладатель территорий, усыпанных этими сокровищами растительного мира, с вниманием отнёсся к тому, что без умеренного выпаса эти популяции просто исчезнут. И всё, что мог, в общем-то, на тот момент сделал благодаря настойчивости Нади Синельниковой — одной из ярких, сильных, волевых представителей ДОП ТСХА⁹ (на тот момент это была сильная Дружина).

Кстати, вспоминаю, что обследование Никифоровской колонии степных растений я считала почти сакральным, поэтому записалась в библиотеку МОИП и штудировала всю литературу на эту тему. Мне очень помогал в этом старенький библиотекарь-смотритель Николай Николаевич Бобринский, благоговейно доставая с полок фолианты. И я была уверена, что он волшебник, а не просто смотритель библиотеки. Ещё большую уверенность в том, что он волшебник, мне добавил тот факт, что посещая по обыкновению букинистический магазин на Арбате, я обнаружила там книгу Николая Кауфмана о феномене Окской флоры, уникальное, прижизненное издание. И, конечно же, до сих пор эта книга всегда на моей самой главной книжной полке.

⁹ Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева.

Нагорная дубрава близ деревни Белые Колодези. В то время я очень увлекалась идеями С.М. Разумовского о закономерностях динамики фитоценозов. И эта дубрава — хрестоматийный пример, подтверждающий теорию С.М. Разумовского, Т.А. Работнова. Поэтому на этот выезд я постаралась заманить лучшего специалиста, Володю Скворцова. Мне это удалось. Великолепные описания дубравы и редких орхидей, произрастающих по выходам меловых склонов, были сделаны именно благодаря ему.

Помню ещё, как-то раз мы брели по дороге, увешанные тяжёлыми рюкзаками. Остановил свою машину местный секретарь комсомольской организации и пригласил нас к себе на ночлег. В те далёкие времена в деревнях было нормальным привечать блаженных путников. Мы, блаженные путники, помогали его сыну решать математические задачи в тот вечер, благо в составе группы были «оргкомитетчики», организаторы школьных олимпиад (НТО МБШ), некоторые из которых поступили на биофак «на ура» сразу, с золотой медалью, написав вступительный экзамен по математике «на пять». А наутро мы двинули в путь, искать редкие растения по привычке.

Многое вспоминаю, но не всё уместит короткий текст. Как, например, на одном из выездов мне пришлось будить и инструктировать людей по возникшей у нас внешней проблеме. До сих пор считаю, что Господь отвёл, ведь последний разбудившийся сказал: «А давай я вылезу в окно и побегу к ближайшему посёлку за милицией»... Я рада, что я всё правильно рассчитала тогда и его разбудила последним. До милиции он бы не добежал, и был бы первой и последней жертвой нападавших. Я просто его вырубил на время, и мы решали ситуацию оптимальным способом. Никто в этой си-

туации существенно не пострадал, а мы продолжили свой поиск редких растений. В общем, как у моего любимого поэта Адельберта фон Шамиссо: «Вперёд стремится свой путь дитя Адама, не влево и не вправо — только прямо».

Благодарю за труд всех, кто работал над этой книгой наших таких разных воспоминаний. Благодарю всех, побудивших меня извлечь из памяти радостные и сильные моменты нашей жизни. Воспринимаю эти воспоминания, как некий ассоциативный ряд, возникающий в душе вспоминающего. Светлая память Ирине Молокановой, возглавлявшей сектор «Заказники» до меня. Невероятная теплота душевная исходила от неё, почти материнская забота о природе, которая вверена ей была на тот момент. Мы с ней общались в последнее время о прекрасных розах, которые её вдохновляли.

И в заключение вспоминаю прочно впечатавшуюся в мой мозг цитату, которую сам автор, может быть, уже и не помнит: «Да тебе ещё жить, девка!» Это когда мы полезли отбирать пробы воды из речки Воймега по жалобе местных браконьеров, что у них сети, видишь ли, расплавились от выбросов местного химкомбината...

Войтехов Михаил Ярославович

Я вступил в Дружину в уже не студенческом возрасте. До этого я активно участвовал в работе клуба террариумистов, вокруг которого шла острая борьба между, с одной стороны, любителями, стремившимися выработать эффективные методы содержания и разведения в неволе земноводных и пресмыкающихся, и, с другой стороны, пропагандистами «коллекционирования», кичившимися друг перед другом, кто приобрёл больше редких животных (подобная ситуация, кстати, была и в клубе любителей певчих и декоративных птиц). «Коллекционеры» были тесно связаны с рыночными торговцами дикими животными (включая краснокнижные), и мы регулярно обращались в различные ДОП г. Москвы, когда торговля дикими животными на Птичьем рынке становилась открытой, и совместно с инспекторами Дружин участвовали в рейдах по борьбе с незаконной торговлей.

В 1986 г. я поступил на работу на биофак МГУ и вступил в Дружину. Занимался я, прежде всего, проблемой торговли на Птичьем рынке, но участвовал и во всех остальных направлениях работы ДОП.

Весной 1987 г., вскоре после получения удостоверения инспектора охраны природы, я принял участие в рейде по борьбе с торговлей первоцветами на рынках Москвы. В составе группы из 7 или 8 человек мы объехали 5-6 точек и не обнаружили никаких нарушений, после чего большая часть группы разъехалась. Я и ещё один товарищ (не буду называть его имени, он был очень эмоциональный и недисциплинированный, в связи с чем так и не был принят в члены Дружины, а позже — в 90-е — плохо кончил: зарезал кого-то в драке и

сел надолго) решили съездить ещё на разведку — на Рижский рынок (у ст. метро Рижская).

Этот рынок славился как очень мафиозный — своего рода хаб по приёму и распределению различного нелегального товара.

Работать группой из двух человек (да ещё и не имевших опыта инспекторской работы) на Рижском рынке явно не стоило — только разведка, но мой спутник, увидев на прилавке цикламены, закричал: «Инспекция охраны природы!» Пришлось мне предъявить удостоверение и попросить стоявшую за прилавком женщину характерной кавказской внешности пройти с товаром в контору рынка для составления протокола. Она, не проявив каких-либо попыток сопротивления и не протестуя, взяла одну (открытую) коробку с цикламенами и направилась в сторону конторы, сказав стоявшему рядом помощнику помоложе что-то типа: «Беги к ... (назвала какое-то имя), скажи, что у нас проблемы!» Явно, у торговцев цикламенами была на рынке «крыша».

Несмотря на протесты торговцев, мы проверили стоявшие за прилавком коробки, обнаружили цикламены ещё в трёх и отнесли их в контору рынка.

Учитывая, вероятно, скорое появление «крыши» торговцев и состав нашей группы, надо было как можно скорее составлять протокол и покидать рынок, пересчитывать букетики цикламенов в четырёх коробках для указания в протоколе количества изъятого товара явно не было времени. В конторе рынка мой взгляд упал на стоявшие у стены напольные контрольные весы (рассчитанные на вес килограммов до 200). Недолго думая, я поставил на эти весы коробки с цикламенами, взвесил их, записал в протоколе, что изъяты цикламены в количестве 48 кг, получил в протоколе подпись торговки

(при составлении протокола она, как обычно бывает в подобных ситуациях, начала утверждать, что все цикламены выращены на грядках огорода её родственников, но на самом верху открытой коробки виднелись корешки цикламенов с клубеньками, и после наших объяснений, что никто на своём огороде не станет вырывать цветы с корнем, умолкла). Я вручил ей (как положено) копию протокола, и мы покинули рынок, так и не познакомившись с «крышей».

Созвонившись с Таней Твороговой, руководившей в Дружине направлением «Подснежник», я получил от неё указание сдать цветы в театр на Таганке, что мы и сделали.

А на следующий день дружинная разведка доложила: «Видимо, на Ваганьковском рынке торговали цикламенами — могила Владимира Высоцкого (на Ваганьковском кладбище) завалена горой цикламенов»...

Раздел 4. 1990–1999 гг.

Королёв Дмитрий Олегович,

инженер по медицинскому оборудованию

Я пришёл в Дружину осенью 1994 года и оставался в ней где-то до 2000 г. В то время я учился на 1 курсе Московского государственного университета леса на факультете «Лесное хозяйство». Очень хорошо помню, как осенним днём 1994 года к нам на лекцию по экологии пришли Владимир Захаров и Денис Хотин, в этом году как раз окончившие МГУЛ, и рассказали, что при биологическом факультете Московского университета существует Дружина Охраны Природы. Они рассказали, чем занимается Дружина, показали слайды, спели ДОПовские песни под гитару и пригласили на день открытых дверей в ДОП биофака. С нашего потока пришло в Дружину около 10 человек, кто-то проработал в Дружине год-два, некоторые ребята, такие как Миша Трушкин, Света Пискарёва, Лена Парамонова, работали в Дружине до старших курсов университета.

Лично меня привлекло в Дружине то, что она занимается полезным делом: охраной природы – и я как будущий специалист в лесном хозяйстве хотел быть полезным в этом деле. В то время в Дружине было два сектора: «Заказники» и «Фауна», я работал в секторе «Заказники». Основной задачей сектора была проверка соблюдения режимов заказников на территории Московской области.

Как говорится, у природы везде должны быть свои люди, и это подтверждалось на практике. В это время членами ДОП были Наташа Лебедева, которая работала в Комитете

по экологии Московской области, и Миша Крейндли, который работал в Управлении заповедного дела Госкомэкологии России. Благодаря таким влиятельным людям была организована камеральная проверка лесхозов Московской области на предмет соблюдения режимов особо охраняемых природных территорий, и в эту проверку попали три самых «злостных» лесхоза области.

Кроме заказников Московской области, в 1995 и 1996 годах совместно с ДОП Педуниверситета города Арзамаса был выезд в заповедник «Брянский Лес», где мы помогали инспекторам заповедника в охране территории.

В сентябре традиционно Дружина работала в заказнике «Журавлиная родина», кто-то считал журавлей, кто-то патрулировал болота в целях соблюдения режима заказника по охране мест ночёвок журавлей. Когда у заказника «Журавлиная родина» появилась администрация, мы стали также контролировать соблюдение режима охоты на границах заказника весной и осенью. И именно тогда, на открытии весенней охоты, родилась идея «Противопожарной кампании». Мы решили попробовать бороться с палами сухой травы на территории заказника и у его границ. Первым инструментом по борьбе с палами была мокрая тряпка, потом у нас появилась мотопомпа и пожарные рукава, впоследствии «Противопожарная кампания» переросла в движение «Добровольных пожарных» и приобрела общероссийский масштаб.

В феврале-марте Движение Дружин проводило активную фазу кампании «Первоцвет». В какой-то момент нам удалось обратить внимание государственных структур и подключить их к данной проблеме. И я прекрасно помню, как в первых моих кампаниях мы боролись с розничной торговлей, где

максимум была коробка первоцветов, и то время, когда к делу подключились государственные органы: таможня и экологическая милиция — счёт сразу пошёл на десятки коробок. Совместно с другими Дружинами, в том числе из Украины, мы смогли свести к нулю торговлю первоцветами в Москве, как основном рынке сбыта. Была организована совместная интернациональная работа: сначала российские Дружины ехали в Крым на помощь украинским коллегам, а затем на пик продаж, 8 марта, все приезжали в Москву. Мне очень запомнился один случай на 8 марта в Москве. В моей группе работал коллега из Украины, к сожалению, я не помню, как его зовут, и он в одной розничной торговке узнал свою «старую знакомую», которую он задерживал сначала в Крыму, потом в Киеве и Харькове. Я подхожу к данной «клиентке» и начинаю с ней работать, и тут из-за моей спины появляется он! Нужно было видеть глаза «клиентки» и слышать её удивлённый возглас: «Вы и здесь?» На что последовал краткий ответ: «Мы везде».

Движение Дружин по охране природы активно сотрудничало не только внутри себя, но и с государственными органами охраны природы, а также неправительственными природоохранными организациями, такими как: Центр охраны дикой природы, Социально-экологический союз, Greenpeace и другие. Например, Greenpeace России в конце 90-х проводил обследования малонарушенных лесных территорий севера Европейской части России, и в данной работе активно принимали участие члены Дружины. Результатом данной работы стала карта малонарушенных лесных территорий России, а также проекты особо охраняемых природных территорий с участками лесов, где жизнь многие века идёт своим чередом, без участия человека.

Что мне дала Дружина? Она научила меня любить и понимать природу, дала возможность почувствовать чувство локтя. Это когда ты уверен в окружающих тебя людях и спокоен за свой тыл, что особенно важно при работе с нарушителями (браконьерами) и организации участия в длительных экспедициях по малонаселённым районам.

Розенфельд Софья Борисовна,

к.б.н., старший научный сотрудник Центра кольцевания птиц России (ИПЭЭ РАН)

С раннего детства я решила, что дело моей жизни — это охранять животных. Но даже до школы я понимала, что для этого необходимо образование. И самое лучшее. Поэтому вопрос, куда поступать, для меня никогда не стоял. Только на биофак МГУ. Я поступила туда в 1993 г. Начало учёбы на первом курсе — это всегда стресс, всё незнакомо, совершенно не похоже на предыдущую жизнь. В один из первых дней, идя по тёмному коридору биофака, у кафедры физиологии животных я натолкнулась на доску, на которой были написаны ключевые слова: «...охраны природы». И что-то ещё, но это было неважно. И предлагалось прийти на что-то типа дня открытых дверей. Я подумала, что всё складывается очень удачно, и, конечно, пошла. Так началась дружинная жизнь. Интересно, что никто из моих однокурсников в Дружину не пошёл, и общение с дружинниками занимало больше места в моей студенческой жизни, чем общение с ними. О Дружине довольно негативно отзывались на факультете, видимо, слишком многие забросили учёбу из-за членства в ней.

В то непростое время (1993–1997) в Дружине работали сектора «Фауна» и «Заказники». Остальные направления были как-то невнятно выражены, может я их просто не запомнила. Хотя помню, что были и междружинные конференции, и выездные школы.

Регулярные оперативные выезды были в Журавлиную родину. Сначала я с восторгом принимала участие в беготне за так называемыми «клюквенниками» — теми, кто нелегально собирал клюкву на болотах, где, якобы, останавливались

журавли, и их распугивал. Мне казалось, что это очень круто — носиться, обвешанными рациями, по болотам. Потом я задала себе вопрос — а толпа дружинников, что, журавлей не распугивает? Мне показалось, что это гораздо больший фактор беспокойства, чем те несчастные старушки, у которых мы изымали клюкву. Тем более, что ни одного журавля мы на болоте так и не встретили. И к оперативной работе у меня склонность пропала. Позже, когда я уже была командиром Дружины, встал вопрос о возрождении сектора «БсБ». Помню, что я достаточно жёстко заявила, что при мне этого не будет. В советское время были какие-то правила игры, в 90-е же их не существовало. Разгул тотального браконьерства тогда приобрёл ужасающие размеры, но я до сих пор считаю, что поступила правильно. Это было бы действительно опасно.

Несколько раз я выезжала с «Заказниками». Но мне тогда эти выезды показались скучными, они были в основном ботанической направленности, а потом надо было ещё по чиновникам ходить и согласовывать какие-то бумажки. Я тогда не понимала, что это и есть охрана природы. В общем, в студенчестве не сложилось у меня с «Заказниками».

Оставался сектор «Фауна», где меня на первых порах всё устраивало. Мы много ездили на выезды, в основном в каникулы. Мой отец — альпинист, он с детства брал нас с братом в горы (Тянь-Шань, Алтай, Карпаты). Поэтому, что такое костёр и примус, рубка дров, палатка, ночёвки на снегу, мне было хорошо известно. А вот неизвестно было, как вести себя в большой экспедиции, как ходить на охотничьих лыжах, да и подмосковный лес я совершенно не знала.

Мне нравились выезды с «Фауной», была романтика послушать сов, походить на лыжах по зимним лесам и болотам (до сих пор с удовольствием вспоминаю выезд в Заболотье

на зимние каникулы), только чёткого понимания, зачем мы это делаем, у меня так и не сложилось. Хотя как «школа начинающего полевика» эти выезды были крайне полезны.

Многие же настолько увлекались этими выездами, что запускали учёбу. Меня всегда поражало, как можно принести в жертву сиюминутному удовольствию образование — то, для чего ты оказался на биофаке, и то, что затем станет базой для твоего роста. Я убеждена, что эти дружинники просто так и не научились работать и планировать жизнь. Здесь надо остановиться ещё на одной проблеме, которая впоследствии жутко меня раздражала. В Дружине, особенно в «Фауне», было большое количество людей, не получивших никакого образования и не стремившихся его получать. Членство в Дружине давало им возможность чувствовать себя полностью причастными к студенческой жизни и к биофаку. А учиться им было не обязательно. Поступить никто и не пытался. Бесило снисходительное обращение этих ребят по отношению к первокурсникам, особенно к девочкам. Я думала тогда: «Они-то поступили, и по лесу ходить и птичек различать научатся, и ещё много чему научатся, а ты-то куда дальше развиваться будешь?»

Принимая участие в больших выездах, я на всю жизнь заработала к ним отвращение. Всегда было много народу, который, к тому же, постоянно менялся — уезжали и приезжали новые дружинники. Меня до сих пор воротит от толпы, в которой никто не понимает, зачем всё это, а просто приезжают хорошо провести время в приятной компании и попеть песни у печки. В дружинных экспедициях мне не хватало чёткой научной или природоохранной цели. Если бы она довлела, эти выезды дали бы гораздо больше. С тех пор я принципиальный противник больших экспедиций, где надо назначать

дежурства и чем-то занимать толпу, большая часть которой ведёт себя как туристы. В экспедиции должны царить логика и свобода, а не режим, и всё должно быть подчинено той цели, ради которой она затевается.

Скоро я поняла, что моя ниша — это самой организовывать выезды, чтобы чётко понимать их цели и задачи. Любимым районом стало Лотошино, куда мы ездили и весной, и зимой, и где сделали несколько действительно интересных орнитологических находок.

До сих пор с содроганием вспоминаю нашу экспедицию весной 1994 г. на р. Клязьму (Московская и Владимирская области) на учёты гусей. Проходила мимо дружинной доски, смотрю — запись. Что-то меня дёрнуло, и я записалась. Подумала, что успею подготовиться потом к сессии. Это была самая тяжёлая и непродуманная экспедиция из всех, в которых мне приходилось участвовать за 25 лет. Мы шли на байдарках, весна была очень поздняя и холодная, к тому же таких разливов, скорее даже наводнения, с тех пор не случилось. Руслу реки было не видно, только верхушки деревьев торчали. Холодно, ветер за малым не переворачивал байдарки. В довершение всего наши парни умудрились подхватить воспаление лёгких, и толку от них было не очень много. Рюкзак у меня тогда весил 57 кг. Но это всё было терпимо, т.к. какие-то данные по гусям мы всё же собрали. Каково же было моё изумление, когда два года спустя в журнале «Казарка», издаваемом Рабочей группой по гусеобразным Северной Евразии, в которую я вступила в 1995 г. (и ответственным секретарём которой являюсь в настоящее время), появилась статья, где мы не только не были авторами, но даже не упоминались в благодарностях. Это так меня взбесило, что на всю жизнь вопросы научной этики, вклада в сбор и обра-

ботку данных и предмет авторства для меня крайне важны и принципиальны. Это был хороший урок.

Второй важный урок я получила, приняв участие в экспедиции Дружины на Кольский полуостров, в 90-е это была традиционная и самая «крутая» экспедиция. Отработав практику на ББС, я присоединилась к «кольской экспедиции». Целью её, насколько мне известно, было обследование некой территории и обоснование создания там заказника. Или обследование самого заказника. Это было и неважно, т.к. никакого обследования так и не получилось. Мы недели три просидели на лыжной базе в Кандалакше, ожидая, пока главные организаторы наладят моторы, в починке которых, видимо, и состояли смысл и крутость всей экспедиции. Когда до начала учёбы осталась неделя, я взбунтовалась и потребовала, чтобы нас отвезли на место на машине, хоть на ковре-самолёте, чтобы мы хоть в поле-то вышли. В итоге мы пошли пешком с рюкзаками, а потом возвращались обратно на вёслах, т.к. моторы, видимо, так и не покорились. Не думаю, что при такой организации процесса мы собрали много научных данных. Впечатление от этого сложилось самое негативное. Я ненавижу, когда вещи называют не своими именами. Ну, если тебе так хочется покопаться в моторе на Кольском полуострове, а потом пару дней погулять там по лесу, ну назови это туризмом и не вводи в заблуждение других! С тех пор я взяла себе за правило не участвовать в экспедициях, которые организую не я сама. Это жуткое воспоминание до сих пор держит меня в тонусе, когда надо организовывать «поле». Может быть, поэтому у меня так хорошо это получается.

Ещё на первом курсе я узнала гениальную поговорку: «Идиот тот, кто не вступил в Дружину на первом курсе, и тот, кто на третьем курсе из неё не вышел».

Я так и поступила. Не помню даже, на третьем или на четвёртом курсе это было. Но стало очевидно, что учёба забирает всё больше времени, появились свои научные интересы (арктические гуси), собственные экспедиции. Я просто выросла из Дружины, как и многие. Хотя отношения с дружинниками я поддерживала долго, а с некоторыми поддерживаю до сих пор.

Дружина много мне дала не в плане того, что нужно делать, а как раз наоборот — чего делать не нужно и нельзя. И это внесло гораздо больший вклад в моё становление как специалиста: полевого зоолога.

Раздел 5. 2000–2009 гг.

Запара Елена Вячеславовна,

к.б.н, специальный педагог, тренер языковой программы «Макатон», переводчик, сооснователь пространства самонаправленного образования

Время моей активной работы в Дружине — 2001–2005 гг. В самом начале первого курса биофака я увидела доску ДОП и прочитала объявление о Дне открытых дверей. Мысли о важности охраны природы были у меня и в старших классах школы, поэтому объявление очень заинтересовало, и я пришла. Прекрасно помню этот день, 18 сентября 2001 года, он ощущался началом в моей жизни чего-то большого, необыкновенного и невероятно ценного. С первых минут знакомства меня приятно поразили и восхитили ребята из Дружины и та деятельность, которой они занимались, захотелось быть с ними. Уже через неделю я села в электричку до Талдома и поехала с научной группой помогать в работе по изучению влияния антропогенного фактора (сборщиков клюквы) на экосистему болот.

У нас были сезонные проекты, связанные с незаконным сбором клюквы и тушением пожаров в заказнике «Журавлиная родина» и окрестностях (весна и осень), а также сбором и продажей первоцветов в феврале-марте (в Москве и на Кавказе). Мы реагировали на возникающие текущие вызовы, участвовали в природоохранных пикетах и акциях, собирали подписи в защиту ООПТ, часто совместно с Гринпис, СоЭС и другими организациями. Больше всего мне запомнилась акция в защиту Дунайского заповедника у посольства Укра-

ины. Проводили самостоятельные научные исследования в поле, взаимодействовали со СМИ.

Во время моей работы в Дружине командирами были Андрей Пшеничнов и Илья Чипига. Заместителем командира — Таня Чалая, а потом я. Экопросвещением занималась Аннушка Блаженова, научными исследованиями — Натка Алаторцева, Ира Симакова, Аня Комарова, оперативной работой и пожарами — Миша Крейндин и Гриша Куксин. В большинстве случаев мы, так или иначе, перемешивались и часто все участвовали во всём. Конечно, были группы людей, которые чаще работали вместе, но в целом всё, чем занималась Дружина, ощущалось как одно общее дело и общая жизнь.

Я участвовала в работе по четырём направлениям: оперативное, научное, информационное и акционное. Несколько лет подряд в конце февраля мы ездили на Кавказ с целью оценки антропогенного воздействия на первоцветы, также проводили похожее исследование на болоте заказника «Журавлиная родина». Ездили на выезды на подмосковные ООПТ. Оперативную работу по операции «Первоцвет» в то время вели на вокзалах в Москве и на Кавказе. В самое «горячее» время работали почти каждый день (тогда это казалось важнее всего прочего, и даже заваленный экзамен из-за отсутствия времени на подготовку не воспринимался как катастрофа). Работой с чётко заметным результатом для меня было и остаётся тушение природных пожаров, мы отбивали огонь от населённых пунктов, это производило сильное впечатление реально полезной деятельности. Также было очень здорово, когда наши акции и сборы подписей помогали защитить какую-нибудь ООПТ от изменения статуса, например.

Я писала пресс-релизы о значимых событиях, в которых Дружина принимала участие, тексты о её деятельности на

доску на биофаке и на страничку ДОП на сайте биофака, чтобы рассказывать о нашей деятельности, проблемах, которые мы стараемся решать и привлекать новых людей. В то время, когда я была пресс-секретарём Дружины, очень помогало то, что сотрудники СоЭС давали возможность публиковать свои тексты на их сайте, на некоторое время он стал платформой для новостей ДОП, о прямом эффекте говорить трудно, но я считаю, что распространение информации в любом случае имело значение. При случае мы давали интервью печатным СМИ и ТВ, были публикации по «Первоцвету», репортаж о борьбе с пожарами.

С куратором мы взаимодействовали не часто, но в случае необходимости обращались за помощью в основном в решении административных вопросов. Поддерживали связь с Дружинами других городов, ездили на конференции Движения, школы молодого дружинника, семинары, устраивали обучающие мероприятия и приглашали ребят из регионов, иногда они присоединялись к нашим проектам (например, работали с нами на Кавказе по операции «Первоцвет»).

Дружина и дружинники, безусловно, заметны были, в целом у меня было ощущение, что к нам относятся как к фрикам и экофанатам.

У нас точно были свои словечки, шутки и песни! Именно всеобщее не вспоминается сейчас, есть «тайные имена», которые давно ушли из плоскости совместной работы в плоскость дружбы ☺. Дни рождения Дружины праздновали дома у Миши Крейншлина. Много пели. Было очень тепло и радостно ☺.

Дружина дала мне опыт настоящей взрослой жизни, решения проблем и действия в непростых ситуациях, работы в команде, чувство совместности, того, что мы можем что-то

менять в мире, возможность попробовать себя в самой разнообразной деятельности. Дружина подарила мне друзей на всю жизнь, лето на болоте, весну на Кавказе, дала возможность познакомиться с удивительными людьми, занимающимися удивительными делами. Дружина показала мне работу в поле. На биофак я поступила на первое отделение, но после нескольких полевых выездов я поняла, что мне будет лучше на втором, и перевелась. В итоге я закончила кафедру гидробиологии и аспирантуру там же. Работа в Дружине помогла мне услышать себя, дала понять, что я всё-таки не научный сотрудник, меня мотивирует то, что связано с помогающими практиками. Я стала волонтером в детских домах и больницах, через некоторое время решила, что хочу заниматься работой с детьми с нарушениями развития профессионально. После защиты диссертации я ушла с биофака и начала работать в школе для особых детей. Сейчас я преподаю языковую программу «Макатон», помогающую общаться людям с коммуникативными проблемами, перевожу тексты о самонаправленном образовании и вместе с единомышленниками строю самонаправленное пространство для детей и взрослых. Дружинный опыт постоянно всплывает и помогает на всём этом пути.

Я рашу троих детей, один из которых приёмный. Рассказываю им о Дружине и моей дружинной жизни. Больше всего их впечатляет тушение природных пожаров.

В моём сегодняшнем окружении остались друзья со времени работы в Дружине. Это Наташа Алаторцева, Таня Чалая, Аня Комарова, Гриша Куксин, Миша Крейншлин.

Кольовска Алина Александровна,

руководитель Центра экономии ресурсов, разработчик образовательных продуктов по экологии для взрослых и детей

Катаю в ладони наш маленький круглый значок дружинника. Он такой простой, но как много в этой простой идее. Чистое синее небо, зелёная земля и красное солнце. А может это вовсе не солнце, а моё сердце?

Самый горячий, самый яркий и самый эмоциональный период моей жизни совпал с работой в Дружине. Не знаю, кем бы я была и чем и как занималась, во что бы верила и чего хотела добиться, если бы дружинник Палыч (Антон Попов) не затеял вербовку первокурсников в столовке биохима МПГУ.

«А не хочешь ли ты?» — начал он, подсев за стол, где мы пили чай с одноклассниками... Даже не помню, чем конкретно он прельстил меня тогда на осенне-зимнем рубеже 2002 года. Может, описанием талдомских пожаров, а может балагурной компанией старшекурсников, может возможностями сорваться из универа на выходные в лес, а может перспективой развития в нашем вузе когда-то буйное, а ныне малопопулярное Движение. Не помню. Да и не важно. Главное факт. Факт моей биографии, за который остаюсь благодарна ему и по сей день. В конце разговора я ответила: «Хочу!»

Оглядываясь на работу нашей Дружины МПГУ и гуру своего дела — Дружину МГУ, я понимаю, как мало и одновременно много мы делали тогда. Мало, потому что это больше было похоже на затыкание дыр, а вовсе не на системную работу. Вечное «сегодня делаем одно, а завтра будем делать другое», так как «народу опять нет», «командир проспал,

будешь за неё» и всё это веселье на фоне крылатой фразы всех времён: «Если учёба мешает дружиннику, то на фига эта учёба?». В общем, сплошная карусель событий и постоянных разговоров о далеко идущих планах.

Много, потому что реально Дело делалось. Где сейчас бабушки с первоцветами? Нет их. А почему? Потому что дружинники шныряли с неутомимым Мишей Крейндлиным по всему метро, выискивая этих бабулек. Помню, как убегалась как-то до чёртиков по переходам между станциями Пушкинская — Чеховская — Тверская. А ещё помню рейды на Курский вокзал с осмотром поездов, прибывших с Кавказа. Оказывается, столько интересных мест есть в поезде, в которых можно что-то провезти!

Вообще о рейдах можно много писать. Кроме работы в рамках «Операция «Первоцвет», была ещё работа по борьбе с торговлей экзотическими животными. Мне очень запомнился рейд на Птичий рынок зимой 2003. Тогда он цвёл ещё вполне буйным цветом, и какими только животными на нём не торговали. Совы, рептилии, многочисленные экзоты. Меня тогда очень поразило сам факт, что люди могут вот так «делать бизнес» на животных. То есть жить на деньги, вырученные вот так грязно, нечестно и совершенно эгоистично.

Я часто говорю, что ДОП — это кузница. Но не просто будущих экологов и сотрудников ООПТ или Гринпис. Работа в ДОПе, можно насмотреться на самое разное, и эти далеко не всегда приятные картинки однозначно формируют ещё неопытные души и сердца вчерашних школьников и задают «правильный вектор» на всю жизнь. Не важно при этом, будет человек потом работать, защищая природу, или нет.

Когда я училась в Педе и одновременно состояла в ДОПе (это выходит 2002–2005 год) — это был очередной виток

Движения. Причём кто-то говорил, что это период спада, а кто-то — что начинающегося подъёма. Мне нравилось, что помимо Дружинников МПГУ (Людмила Старостина, Антон Попов, Женя Ян, Лена Сизых и многих других, чьи фамилии уже не помню, хотя помню самих людей — Тоня, Юля, Олег, Наташа) и очень многочисленных в сравнении с нами Дружинников МГУ и примыкавших к ним студентов из других вузов (Костя Титков), ещё чрезвычайно активными были дружинники в Казани, Владимире, Киеве и Чувашии. Помню очень многочисленную конференцию в Киеве, там по-настоящему осознала, что ДОП — это Движение, так много было народу из самых разных мест. А ещё мы часто ездили друг к другу, строили общие планы, помогали в работе и учились друг у друга. И тут время вспомнить, конечно, Талдом.

О, Талдом! Если считать ДОП кузницей, то Талдом — это бочка, в которой нужно остужать сталь после наковальни, чтобы она стала по-настоящему крепкой, и изделие уже не поменяло своих форм. Почему не сама наковальня или печь? Конечно, выйти в поле тушить огонь — это круто и для девочки, и для мальчика. Но лично мне важнее было тогда другое. Как всё организовано, как продумано, как классно бывалые дружинники учат «новобранцев». Даже не просто учат, а правильнее сказать воспитывают. Воспитывают своим примером, своими озвученными мыслями и, конечно, поступками. Лучшее, что есть в тебе, преломляется и вылезает наружу, так как благодаря тёплым отношениям, тяжёлому совместному физическому труду, единому общему столу ты неосознанно меняешься: принимаешь форму, которую хочется уже сохранить на всю жизнь, потому что она кажется тебе настоящей.

Из событийного, что связано с Талдомом, помню учёты журавлей, общение с местными жителями на болоте, хоро-

шо помню, как пополнялся склад пожарным оборудованием благодаря гениальным дипломатическим ходам Гриши. Конечно, помню учения и сами пожары. По сравнению с тем, что сейчас (2018 год) делают добровольные пожарные и волонтеры Гринпис, наши действия и возможности того времени кажутся просто одной сплошной школой, если не сказать детским садом. Но от этого лишь круче осознаешь, через какую воистину гигантскую пропасть удалось выстроить мост нашим лидерам, как много удалось добиться и, ощущая себя во всём этом лишь маленьким винтиком, который сколько-то раз «попрыскал» на пал из ранца, тем не менее гордишься собой и чувствуешь причастность к чему-то по-настоящему значимому.

Для меня ДОП — это прежде всего люди, которые горят своим делом и зажигают лучшее в других, чтобы потом каждый пошёл своей дорогой с маленьким круглым значком на груди, который такой простой, но так много значит.

ПС: для меня ДОП кажется так и не закончилась, хотя связь и моё участие неожиданно прекратились из-за выхода на работу. Благодаря дружинным связям я вместе с Ильёй Чипигой и ещё несколькими дружинниками пошла работать в только что открывшийся в Москве природный заказник «Долина реки Сетунь» в конце 2004 года. А потом перешла в Битцевский парк. С этого момента бесповоротно началась моя работа как экопросвещенца, в которую я не успела погрузиться в ДОПе, хотя каждый раз на собраниях выхватывала это слово и всё думала — «в следующий раз присоединюсь». Теперь это часть каждого моего дня. И хотя в этом дне не осталось места для регулярного участия в делах ДОПа, но я помню нашу связь и испытываю огромное чувство благодар-

ности и любви. Гриша Куксин, Миша Крейндин, Дима Кольцов, Таня Чалая, Илья Чипига, Юра Захаров, Ольга Берлова, Ксения Пахорукова, Кеша Сметанин, Михаил Плец (хотя не знаю, были ли последние непосредственно в ДОПе) — это те, кто сильно повлиял на меня и своим примером подкрепил мои собственные устремления в жизни. Мне кажется, что самая сильная сторона ДОПа — это преемственность и связь поколений. Так пусть она и останется дальше «на счастливую погибель» первокурсников.

Лобанова Анастасия Денисовна,

методист и учитель начальных классов ГБОУ «Школа № 2101»

Первый раз в Дружину я пришла сразу в П-36, а не на день открытых дверей. Просто списалась с Ниной Нестеровой и пришла на рабочее собрание. В итоге участвовала в работе Дружины с 2007 по 2010 год.

Самое яркое воспоминание — это, наверное, три унитаза в лесу. Они ещё долго потом фигурировали в письмах по заказникам, которые мы много раз перепроверяли, пересоставляли и отправляли в разные инстанции с обязательной копией в прокуратуру. В основном я занималась этим делом: выезжала погулять с ночёвкой в лес, а потом помогала составлять такое письмо. Вот и всё.

Второе место тоже связано с такой поездкой: зимой ездили в Малинки. Там была застройка. С ней ничего нельзя было сделать. Так что я не помню, зачем мы там проводили время, но проводили его весело. Помню, как мы вылезли на лыжах из бурелома, стоим на просеке в уже ночном лесу — и тут Нина начинает щупать себя по карманам и говорит, что не знает, где карта. Естественно, карта обнаружилась почти сразу по возвращении домой, а повеселились мы изрядно.

Третье место — тоже заказник, Шатурский район. Сплошные болота, по которым идёшь по пояс в воде, уже не заморачиваясь. Периодически змея соскальзывает с кочки и уплывает/уползает. Мы были там на майских праздниках, черёмухой пахло невероятно сильно.

И, конечно, два места, которые вызывают тёплое чувство: П-36 в подвале биофака и Костеневский Ям в Талдоме. Особые ощущения связаны с обоими. Загадочный подвал МГУ, какие-то трубы вдоль стен, маленькая комнатка, захламлён-

ная кучей забавных и интересных вещей, которые кто-нибудь время от времени героически пытается систематизировать.

Грустно говорить, но я «застала» ещё старый дом в Костенево, который произвёл на меня неизгладимое впечатление. Достроенный тут и там, он состоял из более десяти разномастных помещений, слепленных в один большой, разноуровневый дом. Жутко интересный, очень красивый (особенно когда черёмуха цвела перед его фасадом с тонкими окнами наверху в музее). Это был дом моей мечты. И грустно, что он уже стирается из моей памяти, а некоторые места я так и не обследовала до конца. Входные сени с кучей обуви, «акустический центр» (вокруг лестницы на второй этаж) с фальшивой камерой, кухня, столовая с печкой, где девушки пекли шарлотки, а за нею штаб (место, где я почти не бывала). Баня и каминная (которую я в этом функционале тоже не заставала), гараж и туалет (который тоже на моей памяти в основном не функционировал). На втором этаже, которым условно можно назвать всё, что выше первого, были лекторий (над каминной), в котором у нас как-то были курсы первой помощи для добровольцев, гостевая комната и птичник (так, кажется, называлась вторая спальня), холодная комната над гаражом, основные комнаты над основным срубом: там была большая комната (где, кажется, всегда ночевал Гриша Куксин) и маленький кабинет (его название я не помню), разделённые шкафом с чистой одеждой для всех (носки, свитера и прочее). И, конечно, «музей», заполненный старыми вещами, которые должны быть на чердаках у прабабушек. Самое прекрасное в музее — это то, что он был как раз под скатом фасада дома, и его старая тоненькая стена выходила на черёмуху перед домом. Кажется, на чердаке кто-то тоже ночевал, но там было холодно. Кажется, там даже палатку ставили.

Ну, и смотровая площадка, которую было видно, когда подъезжали к Костенево на автобусе. И маленькое место на крыше, чтобы высматривать дым весной.

В общем дом у меня в голове не склеивается, а напоминает то ли бродячий замок Хоула, то ли виллу «Курица» из Пеппи Длинныйчулок.

Из воспоминаний также остались:

— утренняя прогулка по зимнему лесу у Костенево с показом следов зверей;

— какие-то похождения в лесу у Костенево, связанные с постройкой плотин на осушительных каналах в болоте;

— первый пожар из малого количества, в тушении которых я участвовала: я ехала вечером с кем-то из ребят в Талдом на электричку, по дороге увидели пал. Плюнули на всё, отзвонились, что сегодня не ждите, развернулись и пошли затаптывать, в чём были;

— мои эпизодические попытки разобрать и обновить аптечку на лестнице;

— как я иду по улице в 6 утра в воскресенье, чтобы первый раз поехать в заказник с Дружиной. И думаю, что я сошла с ума.

...

И, конечно, люди:

Артём Зименко и Настя Куртова (Доктор), Нина Нестерова, Аня Андреева, Алексей Вышивкин — «старички» на момент моего прихода.

Гриша Куксин, Миша Крендель (правильно фамилию не напишу), Таня Чалая (целую) — «супер-старички», перекочевавшие в Гринпис. И моё почтение Алексею Ярошенко. Саша Зудкин, Аня Комарова, Андрей Наумкин, Вилен Лупа-

чик, Дима Чурбанов, Тая Язрикова, Наташа Карелина и Станислав Карелин (однофамильцы) и, несколько позже, Аркадий Иванов, Кристина Цуканова и Настя Петрова — «моё поколение» (ну или скорее те, кого я так воспринимала). Нина Горшкова, с которой я познакомилась через Дружину/Гринпис, как-то пришла ко мне на психфак в гости. Вот это был луч «неформального биофака» в институте благородных девиц))).

Я не сделала никакого особого вклада в работу ДОП, у меня так и нет значка с мамонтом — только кружок, и я не думаю, что это была важная часть моей жизни. Но это была часть моей жизни, и я была частью ДОП. А воспоминания об этой частичке приятны. Спасибо, что она была!

Дальше я позанудствую. И ещё скажу о том, чем я занимаюсь.

1) В Гринпис есть много направлений работы: яркие акции, экопросвещение, проблема отходов, пожаротушение и другие. Но самое реально важное — это отслеживание законодательства: уже имеющегося и изменений, которые хотят внести. Это самая тяжёлая, на мой взгляд, работа (легче 10 пожаров пойти потушить) и, самое обидное, — это самая неблагодарная работа. На неё денег не соберёшь, да и подписей тоже с трудом. Это не тигрёнка спасать... Но люди легче побегут на помощь одному единственному тигрёнку, чем на помощь целой популяции тигров, а тем более на помощь сотням гектаров леса, которые являются домом для десятков тысяч (здесь уже не важна цифра) животных.

2) Так вот, для тех, кто хочет «помочь природе», что бы это ни значило, есть разные пути. Попробовав пару-тройку,

я выбрала для себя то, что можно условно отнести к «экообразу». Только не прямой экообраз, а просто качественное образование школьников. Чтобы придя к проблемам экологии, они были способны отличить реальные проблемы от маркетинговых ходов и политического пиара (слышать, что в пластике есть «вся таблица Менделеева», даже не смешно). Чтобы соотносили масштабы дел/проблем/последствий. Чтобы в пути к своим целям держали в голове все ценности, а не шли на уступки во всём, кроме своего комфорта и лени думать ещё. И да, особенно приятно, что и ДОП, и Гринпис не страдали перечисленными иллюзиями, в отличие от самодельных «экологов», которых я часто теперь встречаю...

Обухова Александра Леонидовна,

научный сотрудник Института биологии развития
им. Н. К. Кольцова РАН

В Дружину я попала в конце моего обучения на первом курсе биофака МГУ. Попала, надо сказать, совершенно случайно. Просто моя подруга и одногруппница Надя позвала меня с ней и её школьным другом Тёмой Зименко провести выходные за городом — на какой-то экостанции. Это было начало марта 2008 года, мне было почти 18 и, конечно, я не могла не согласиться на такое предложение.

Речь шла об экостанции «Костеневский Ям», главной базе ДОП в заказнике Журавлиная родина, но об этом я узнала позже, а изначально поехала просто в «хорошее место» и «дом с печкой». Помню, что было много снега, мы приехали в Дом уже в ночи, Тёма затопил печку, мы с Надей готовили ужин, болтали. Потом приехали какие-то люди (старые дружинники), Аня Андреева была с гитарой, мы пели песни и было здорово. На следующий день мы ходили с Аней и, кажется, с Пашей Комаровым на болото. Честно говоря, я вообще не помню, зачем мы туда ходили, но погуляли мы чудесно, я пару раз провалилась под снег в каких-то канавах, промочила ноги, страшно замёрзла и была очень довольна собой и происходящим. Вернувшись домой, мы пили горячий чай с лимоном и шоколадками, а потом кто-то сказал, что у Дома есть палуба, и мы поднялись на крышу, часть которой была выложена досками с перилами по краям. В тот год палубу почему-то не убрали на зиму, и когда мы поднялись, там было полно снега, а над головой огромное небо, усыпанное звёздами, и тишина.

Помню, что тогда по уши влюбилась во всё это: в Дом, в палубу, в это небо, в то, как Тёма топит печку, в Аню Ан-

дрееву с её колкими шутками и волшебными песнями, в это болото и в Дружину, о которой ещё ничего не знала, но уже понимала, что останусь здесь надолго.

Так и вышло. Выходные закончились, мы вернулись в Москву, продолжилась учёба. Но я уже точно знала, что на следующие выходные опять поеду в Костенево. И на следующие, и потом тоже.

Я сразу влилась в Дружину, вписалась в компанию. С дружинниками мне было легко и приятно, идея охраны природы мне очень резонировала, и я чувствовала себя здесь своей. Дружине тогда принадлежала маленькая комнатка на минус первом этаже биофака — П-36, и я стала проводить там чуть ли не каждый свой вечер после учёбы. Почти сразу я задалась вопросом: почему же я ничего не слышала о Дружине, пока случайно не попала в Костенево?

Оказалось, что на биофаке о Дружине вообще мало кто знает, а среди тех, кто знает, она не в почёте. Среди большинства преподавателей и студентов бытовало мнение, что Дружина мешает учиться, и все, кто туда попадают, скатываются по оценкам и часто становятся кандидатами на вылет. Естественно, это была полная ерунда: как вообще что-либо может помешать учиться тому, кто хочет учиться? Быть троечником или отличником — это ведь про личные цели, мотивацию и самодисциплину каждого человека, а внешние факторы, будь то Дружина, семья или компания, не имеют решающего значения. В Дружине были все: от тех, кто по несколько раз уходил в академ, не сдав экзамены, до золотых медалистов и круглых отличников.

С другой стороны, быть в Дружине на биофаке было просто не модно. Поэтому в ней были только те, кому не было дела до общей моды, и при этом хватало смелости себе

и другим в этом признаться: лёгкие и живые люди, весёлые и страстные (особенно в сфере охраны природы) — этикие неформалы среди всех неформалов биофака.

В Дружине было очень здорово. Было ощущение причастности к общему большому и важному делу, ощущение взаимопонимания и единого духа с другими дружинниками. Конечно, мне хотелось поделиться этим с однокурсниками и другими студентами, и я решила заняться популяризацией Дружины. Сразу оговорюсь, что сделать Дружину модной мне, конечно, не удалось. Но мне хочется верить, что в мои годы она стала хотя бы чуть-чуть более заметной и менее по-рицаемой, чем до меня.

Когда я попала в Дружину, больше всего меня удивило, как такая большая организация может оставаться настолько незаметной? Как вообще о ней можно узнать, если не из уст в уста? Оказалось, у Дружины есть стенгазета. И висит она не где-нибудь, а в самом популярном месте биофака того периода времени — в ПП (Пункт Питания — это был такой закуток на втором этаже, в котором был небольшой буфет, и где на всех переменах собиралась половина студентов факультета). Я очень удивилась: я ведь сама по 3–5 раз каждый день проводила несколько минут своего времени в ПП. Как при этом я могла не заметить газету Дружины? Оказалось, всё очень просто: газета выглядела настолько непривлекательно, что на неё вообще никто не смотрел. В ней была одна распечатанная на плохом принтере фотография и много мелкого текста. Да и дата давно устарела. В общем, газета выглядела так, будто висит уже год, а может больше. На соседнюю доску с объявлениями о потере учебников и тому подобными смотрело сразу человек пять, они читали и обсуждали объявления. А на газету Дружины не смотрел никто.

С этого момента я занялась дружинной газетой. Остальные дружинники были только рады: для них это была скучнейшая обязанность, о которой они частенько забывали. А для меня это было чистое творчество, то, чего мне так не хватало в процессе учёбы.

Так и вышло впоследствии: всё моё время в Дружине я в основном занималась газетой и популяризацией на биофаке нашей деятельности. Дружинники прозвали меня арт-директором, а я с радостью замечала, что наши газеты читают и обсуждают студенты, а на собрания и дни открытых дверей стало приходиться чуть больше людей. Я собирала актуальную информацию с разных секторов и делала (настолько регулярно, насколько могла) яркую интересную газету: с информацией, с фотками, с иллюстрациями и шутками и, конечно, с приглашением вступить в наши ряды. Наверное, где-то в архивах П-36 ещё сохранились эти газеты.

Ещё я делала плакаты для митингов — это тоже была моя сфера деятельности. Помню, для митинга против БЦБК мы придумали целую серию плакатов и даже небольшое театральное представление на тему. Я тогда сподвигла нескольких своих одноклассников, не имевших отношения к Дружине, принять участие в митинге. Вместе мы разыграли целую сценку про то, как нерпы и рыбы уничтожают БЦБК, получилось весело и оригинально. Никакого эффекта от этого митинга не было, но воспоминания всё равно остались хорошие.

Пик моего стенгазетного творчества пришёлся на 50-летие Дружины. Помню, тогда было большое празднование, нам для конференции дали ББА (Большую биологическую аудиторию), а я (кажется, с Кристиной Цукановой и, возможно, с кем-то ещё) делала большие картонные декорации для оформления этого мероприятия. Уже не помню, что там

было изображено, помню только, что очень волновалась, но в итоге все остались довольны.

И, конечно, моей первой и главной любовью в Дружине были и оставались Журавлиная родина и Дом в Костенево — экостанция «Костеневский Ям». Сюда я приезжала очень часто: весной и осенью каждые или почти каждые выходные. Журка вообще была одним из основных направлений деятельности Дружины в мои годы. Здесь проходили две основные кампании: противопожарная весной и «клюквенная» осенью. Ещё были учёты журавлей, экопросвет, противобраконьерские рейды. В них я участия не принимала.

Другое дело — «Пожарная кампания»! В ней я участвовала каждый год, начиная с моего прихода в Дружину. Каждую весну мы тушили травяные палы в заказнике, а местные жители снова и снова упорно поджигали траву. Правда, с каждым годом палов становилось всё меньше: видимо, действовала экопросветительская работа других дружинников. Но всё равно каждый год было что тушить.

Готовиться к Пожарной кампании начинали ещё в конце февраля — начале марта, пока не сошёл снег. Готовили Дом к приёму большого количества людей, готовили противопожарную технику, распределяли роли. Потом снег сходил, и начинались дежурства на палубе: нужно было весь день осматривать окрестности в поисках дымов и, если заметишь, определять местоположение по карте и компасу и сообщать тем, кто дежурил в поле ближе всего к палу. Я много раз была и дежурной на палубе, и в составе оперативной группы. Тушили травяные палы (иногда довольно серьёзные), небольшие торфяные пожары, начавшиеся от травы, иногда тростники и кустарники. Это было захватывающе! Особенно на выездах: мощнейшая сплочённость команды, боевой

дух, ощущение принесённой пользы (ничего глобального, но каждый остановленный пал — это как минимум несколько спасённых гнёзд краснокнижных птиц и, наверное, пары десятков мышей). Я тогда научилась ездить на мопеде, сначала на трёх-, а потом и на двухколёсном, и периодически в паре с кем-нибудь выезжала на тушения небольших палов как старшая.

Помню, однажды вечером в разгар пожарной кампании я дежурила на палубе и вдруг увидела облачко дыма, которое очень быстро росло. Людей в тот приезд было мало, и я сама с кем-то вдвоём рванула на выезд. Пока мы ехали, дым разросся до гигантских размеров, я уже понимала, что это горит не трава, и что сами мы такое точно не потушим, ну хоть увидим, что там, вызовем местных пожарных, если что. А когда мы приехали на место, оказалось, что это горит дом: для съёмки кино устроили контролируемый пожар. Рядом стояла наготове пожарная машина. Захватывающее было зрелище и пугающее.

А после дежурств и выездов по вечерам были планёрки, отчёты, истории, песни под гитару, иногда баня. Весна, юность, романтика. Я обожала пожарные кампании.

А ещё я очень любила Дом в Костенево. Это был очень старый дом, много раз с разных сторон и в разные времена достраиваемый так, что уже невозможно было понять, сколько у него этажей, а войти и выйти из него можно было как минимум пятью разными способами. Это был чудесный дом. Он видел несколько поколений дружинников, слышал множество разных историй, песен, шуток. Казалось, он сам был полноправным членом Дружины — со своим характером и интересами. Кроме дружинников в нём жило столько мышей и галок, что казалось, он сам живой. Этот дом притяги-

вал меня, и я приезжала сюда так часто, как могла: иногда на последней электричке в ночи или автостопом. Я до сих пор иногда вижу его во сне — всегда разный, но всегда такой родной.

По иронии судьбы, осенью 2011 года Дом сгорел. К счастью, никто из дружинников не пострадал, но сам Дом сгорел дотла — коротнула проводка. Для меня на этом и завершилась моя деятельность в Дружине, начавшаяся как раз со знакомства с Домом. Это был уже мой 5-й курс на биофаке, и интересы сильно трансформировались, перестроились приоритеты. Дружинники, с которыми я начинала, почти все к этому времени разошлись своими путями, костяк уже составляли те, кто пришли после. Конечно, я ещё приезжала в Костенево много раз: помогала с какими-то делами, помогала строить новый дом, восстанавливать экостанцию. Но внутренняя глубинная связь с Дружиной уже ушла в воспоминания вместе с Домом.

Я до сих пор поддерживаю связь с некоторыми дружинниками, с кем-то мы остались добрыми друзьями, хоть и общаемся не часто. Дружина была для меня неотъемлемой частью моего студенчества, она оказала сильное влияние на становление моей личности, на формирование ценностей и приоритетов. И я бесконечно благодарна Дружине и дружинникам за время, проведённое вместе, за чудесный опыт общения и сотрудничества в разных, иногда опасных ситуациях, и, конечно, за тёплые воспоминания.

Цуканова Кристина Анатольевна,

ВНИИСХМ, инженер-исследователь,
Эколого-биологический центр «Крестовский остров»,
педагог дополнительного образования

Я была активным участником в Дружине с 2008 по 2014 год и успела поучаствовать во многих направлениях и начинаниях. Что-то было ближе и милее сердцу, что-то не так интересно. И заказники подмосковные обследовали, в Журавлиной родине тушили травяные пожары весной, и выпроваживали нарушителей с болота в сентябре. Участвовала в подготовке пикетов и проверке всяких экологических документов, вроде плана рубок, а также многое другое... но больше всего понравилось мне экологическое просвещение. Правда, когда я пришла в Дружину, экопросвещением в конкретный момент никто не занимался, и я даже не знала, что так делают...

Однажды на первом курсе мне предложили поехать к чувашской Дружине, участвовать в зимних маршрутных учётах животных в Присурском заповеднике. Естественно, я согласилась, это же круто!!! Заповедник, зимний лес, следы диких зверей... но вышло всё по-другому. Опыта туристического у меня было на тот момент никакого, и я взяла с собой новые берцы в качестве обуви. Естественно, адски заморозила и натёрла ноги в первый же выход в заповедник. И ходила, прихрамывая, всё время. Но вместе с учётами чувашская Дружина организовала ещё походы в школы в местных деревнях, и я стала ходить с ними. И так меня это вдохновило!! Дети совсем не страшные, даже слушают, даже интересуются. А мы им и про экосистемы, и про редкие виды, и про леса, и про болота... «Здорово! — подумала я. — А чего же мы-то так не делаем?»

В общем, загорелась идеей продолжать у себя. Весной 2009 года мы провели всего пару уроков в Журавлиной родине, посвящённых проблеме травяных пожаров. Дальше — больше.

Осенью следующего года в Дружине появился свой детский экологический кружок!

Тоже случайно. Появилась милая девушка — новичок с идеей вести кружок в своей бывшей школе, всё организовала, познакомилась с учительницей биологии, походила с нами на увлекающие уроки. А потом что-то не срослось, и из Дружины она исчезла. А кружок остался. Несколько бодрых пятиклассников и семиклассников в подмосковной школе в посёлке Кратово. Несколько лет подряд каждую субботу мы ездили к ним, один-два дружинника. Занятия проводили в основном в школе и её окрестностях. Для меня это был невероятный опыт. Преподавания, общения, понимания подростков. Что ими движет, что интересно, а что бесит. Ведь сама по себе экология и охрана природы мало их интересовала. А вот общение друг с другом и с нами, студентами, полевые выезды, новые места... вот это да! Но так и должно быть, а наша природоохранная тема просто органично вплеталась в общение. Больше всего мне, да и самим ребятам, думаю, запомнились наши с ними поездки на один или несколько дней. За партами природу любить скучно, это факт. Жалко, что сейчас практически невозможно выводить детей из школы на занятиях. В кружок ходило немного человек, а ездить далеко были готовы только 4–5, с родителями которых мы напрямую и договаривались. Мы были и в Журавлиной родине, и на Звенигородской биостанции, и в Центрально-Лесном заповеднике, и в разных подмосковных заказниках, ездили в лагерь «Возродим наш лес» (у нас ещё и лесной питомник был — две грядки с дубами за школой))). Хорошие советы для всех, кто хочет учить детей любить природу на природе:

почаще устраивайте привалы, запаситесь защитой от комаров и мокрых ног, берите больше чая и конфет. Это не мелочи, физическое неудобство может коренным образом поменять отношение ребят к происходящему. Не запрещайте детям валяться в снегу, бузите вместе с ними. Лучше сразу обговорить, что тут можно кричать и бегать, а там нельзя будет, напугаем зверей, затопчем что-то или острые сухие ветки повсюду — опасно бегать. И там, где можно буяннить, надо делать это обязательно — энергия должна иметь выход. А то что «взрослые» это понимают и поощряют, да ещё и участвуют, лишь укрепляет авторитет. Придумывайте с детьми ритуалы для привалов, у нас, например, одним из таких была «кружка мира» с чаем из термоса. В целом я никогда не старалась напрягать кружковцев большим количеством знаний, пытаться готовить к олимпиадам и так далее. Уровень у меня ещё не тот. Что самой интересно, про животных, растения, экологические проблемы, чему научили на полевой практике на биофаке, то и рассказывала. Немного жаль, что кружок через три года разбежался. Просто и мне стало сложно организовывать, и у ребят начались какие-то другие дела в жизни. Но такова жизнь. Никто из этих ребят затем в Дружину не пришёл и охраной природы, насколько я знаю, не занимается. Зачем тогда всё это, спросите вы? Не знаю, но было здорово.

Самый-самый главный урок, который я, сплывав на граблях, вынесла для себя из работы с кружком, что надо научиться отдавать себя не полностью, нельзя быть выжатой, как лимон, надо всегда оставлять в запасе силы и энтузиазм. И пусть всё будет не идеально. А то с ума сойти можно от перегрузки и ответственности. И тогда не будет никак.

Кроме кружка мы продолжили развивать бурную эколого-просветительскую деятельность в Журавлиной родине. Весной 2010 года противопожарных уроков провели гораздо

больше. Почти во всех школах, окружающих Журавлиную родину. А в 2011 году к урокам ещё добавились листовки на остановках, визитки и разговоры с жителями деревень и посёлков в виде соцопросов. Соцопросы были только поводом поговорить и помаячить на территории. Тогда у меня сложилось чёткое ощущение, что чем больше нас видят, тем меньше хотят поджигать. Не потому, что мы можем наказать, а потому, что мы хорошие, молодые, колоритные, дело делаем! В нашей стране в это сложно поверить, да? Кстати, тот год был на редкость беден на пожары. Скорее всего, это комплексный результат: тогда ещё заранее написали письма всем арендаторам сельскохозяйственных земель, и свежо в памяти было дымное лето 2010 года. Но мне было приятно. Ещё забавная история с той кампании: на листовках мы разместили абзац из довольно-таки давно принятого законодательного акта об административной ответственности за поджоги травы. Но люди мне говорили: «Я видел, новый закон приняли...» В общем полезная это вещь, экологическое просвещение.

В тот период жизни я жила и дышала Дружиной, Журавлиной родиной, уроками и детьми. Я, закоренелая отличница, прогуливала ради них пары, а на не особо интересных лекциях придумывала детские занятия.

Осенью 2011 года в Журавлиной родине мы решили проводить уроки, посвящённые болоту и проблемам рекреационной нагрузки на болото. Я даже написала стихи к сказке для начальной школы. Выкопали с болота кочку из сфагнума и других растений, положили её в тазик, насобирали коллекцию погрызенных зверями веток и шишек и отправились по школам. Это один из самых удачных уроков: дети, даже живущие совсем рядом с болотом, с искренним интересом всё трогали, смотрели, слушали нас. Ну и конечно мы им рассказывали про проблему вытаптывания и уничтожения болота.

В ту осень случилось большое несчастье. Сгорел наш дом в Костенево. Было очень грустно. Когда я со многими приехала разгрести развалины, то увидела, что наша кочка в тазике, которая хранилась на улице под кустами, не пострадала. Через несколько дней мы снова пошли в школы рассказывать про болото. Это был своего рода внутренний протест против случившегося.

Что я самое главное вынесла из эколого-просветительской работы в Журавлиной родине: первое, работа должна вестись постоянно, дети и взрослые с успехом всё забывают к следующему году точно; второе, если и запомнят, запомнят не то, что ты говорил, а впечатление о тебе. Улыбка, уверенность в себе (хотя бы на время урока), интерес к своей теме, интерес к тому, что думают дети. Уверенность в том, что тебя не могут не слушать, потому что ты невероятно крут! И круто всё, о чем ты говоришь. Некоторые учителя кричат и муштруют школьников, и разве это развивает тягу к знаниям? Нет, конечно. А если формируется положительное впечатление от человека, рассказывающего об охране природы, то и сама охрана природы запоминается как что-то положительное. Это самое главное.

Мы заново организовали в Дружине сектор «Экопросвет», хотя, конечно, было мало людей в принципе, и все были задействованы во всём. Больше всего дело двигали Нина Нестерова, Настя Петрова, Настя Суслина, Катя Татарина... Другие люди тоже участвовали, но меньше.

К своему четвёртому курсу в 2012 году я созрела, чтоб учить других, как учить детей. Мы организовали 5–6 семинаров на биофаке по экологическому просвещению для всех желающих. Помню, что готовилась к ним и читала умные книги. И, наконец, в моей голове стала строиться некоторая общая картина о работе с детьми. Без предварительной

практики вряд ли бы это произошло. Я читала теорию и находила примеры к ней из своего прошлого опыта. После всех семинаров на студенческих каникулах мы устроили «педагогический десант». То есть в течение недели или больше дружинники, имеющие опыт, ходили в компании новичков, тех, что были на семинарах, в школы Талдомского района и проводили занятия. На семинары ходило немного, по 5–7 человек, уроки приехало вести и того меньше, тех, у кого сразу стало получаться легко и непринуждённо, не было. Но пара человек осталась после в Дружине активно работать, и это результат.

Из поездок к другим Дружинам мне больше всего запомнились зимние маршрутные учёты в Мещёре в 2011 году. Точнее это были не совсем обычные маршрутные учёты. В тот год поменялся директор у нацпарка, после чего дружинникам сказали, что видеть их не хотят. Тогда владимирские дружинники договорились со школой в другом посёлке в нацпарке, о том, что мы будем там жить неделю, ходить в лес, и за это каждый день будем проводить занятия со школьниками. Владимирцам было очень интересно, что происходит в парке и почему же их послали. В итоге в лес я ходила один раз, остальное время работала в школе. Вечером мы вместе готовили занятия, вспоминали игры, клепали презентации. На следующий день шли к детям. Но это было здорово. Учеников на всю школу было человек 30–40 разного возраста. За неделю мы привыкли друг к другу. Работать с детьми из глухих посёлков проще, чем с городскими. На них обрушивается гораздо меньший поток информации и развлечений, и оттого им, например, вполне понравится игра, нарисованная от руки на ватмане, в то время как городские дети уже ждут чего-то более мультимедийного. Так сложилось, что с нами было аж трое человек, владеющих музыкальными ин-

струментами, гитарой и фортепьяно. Поэтому в конце недели мы устроили концерт. Экологическая сказка, стихи для которой придумывали все вместе накануне, с известными и дружинными песнями. Я боялась, что это слишком наивно для средней школы. Но нет, восприняли на ура))) Почувствовала себя бременским музыкантом. Жалко было уезжать.

Энергия экопросвещения была из меня до начала пятого курса. Разбежался кратовский кружок, я много работала над дипломом... Тогда я всерьёз задумалась о том, что мне нужна замена. Стала больше концентрироваться на том, чтоб найти эту замену. И в принципе стала больше заниматься организацией работы Дружины в целом, было необходимо, чтобы кто-то опытный решал формальные оргвопросы. И тут поняла, что стала уставать и скучать.

В этот момент мы начали кампанию в защиту Заболотского озера, которое ради чьей-то выгоды и вопреки здравому смыслу попало под программу обводнения (хотя там озеро с болотом по берегам). Также организовали уроки в школах Талдомского района. Но само содержание урока получилось спорным, мы просили детей написать письмо губернатору о том, что нельзя проводить никаких работ на Заболотском. И это не всем из дружинников казалось корректным вмешивать детей. Это было тяжело осознавать, что работа уже начата, а я сомневаюсь, правильно ли то, что мы делаем. Зато в ходе подготовки, кажется, Нина Нестерова придумала создать петицию в интернете, в результате которой на проблему обратил внимание губернатор и постановил приостановить работы. Опять же, интересное стечение обстоятельств... История борьбы за Заболотское этим, увы, не кончилась... Мы даже не ожидали, что наши действия вызовут такой «отклик» у чиновников. Вскоре ректору МГУ была написан до-

нос от замминистра экологии и природопользования. В нём он обвинял нас в том, что мы «подрываем» их работу, наводим клевету, да ещё «приспешники» иностранных агентов — Гринписа. Я хорошо запомнила, как вместе с нашим куратором Ксенией Всеволодовной, Леонидом Петровичем Корзуном и деканом биофака Михаилом Петровичем Кирпичниковым я сидела у проректора. Я совсем не ожидала, что проректор резко осудит нас и поддержит каждое слово в письме министра. Я сдерживалась, но когда мы вышли, рыдала от обиды. Ещё я помню, как декан потом сказал, что всё ясно, что это просто донос, но слово «Гринпис» вызывает у руководства университета панику, и он ничего не может сделать. Поэтому нам велено было пересматривать устав, принимать в члены только студентов и аспирантов МГУ и «чтобы Дружина и Гринпис в одном предложении не встречались». Со временем буря сгладилась, забылась и, вопреки опасениям, сильно на Дружину не повлияла.

В целом на пятом курсе я всю чувствовала, что что-то не так с тем, что я делаю в Дружине. Я бы наверное попыталась это изменить или отдохнуть и вернуться с новыми силами, в новой роли, но уже точно знала, что скоро закончу универ и перееду в другой город к будущему мужу. Поэтому решила просто оставить всё как есть.

Теперь я с удовольствием приезжаю весной помогать Дружине на пожарной кампании. Дружина — это то, что во многом сделало меня мной. Мне хочется, чтобы она была и действовала.

Иванов Аркадий Васильевич,

сотрудник Лесного отдела, Российское отделение Гринпис

Моя осознанная природоохранная деятельность началась в 15 лет за 2,5 года до Дружины. Главной темой, которой я занимался, была проблема отходов. Я внедрял отдельный сбор у себя дома, проводил акции по уборке природных территорий, в том числе ООПТ (весь мусор, собранный на них, сдавался на переработку). С мая 2006 по август 2007 года было проведено 38 таких акций. Суммарно за это время со всех источников я сдал более 1000 кг вторсырья, привозя его в пункты приёма на велосипеде.

А потом я поступил в МГУ на географический факультет и уехал из Башкирии в Москву. На первом курсе мне удалось сохранить экологичный образ жизни, но активной природоохранной деятельности не вёл. При этом я постоянно был в поиске единомышленников, чтобы к ним присоединиться. Повезло только на втором курсе. Шёл я как-то по факультету и читал объявления, и тут встретилось одно с кучей чёрных человечков и фразами типа «Любишь кампанию от 1 до 100 человек?» Это было приглашение Дружины охраны природы биофака МГУ для всех желающих на свой День открытых дверей. Я сначала отнёсся к Дружине с лёгким недоверием, так как был уже знаком с некоторым количеством так называемых «экологов», которые много говорили, но ничего не делали. Для меня же критерием истины к тому моменту давно стали дела. И я пошёл на День открытых дверей (14.09.2008), чтобы во всём разобраться на месте. Из него немного стало ясно. Тогда решил всё-таки добраться до конкретных мероприятий.

Самый первый выезд я пропустил, поехав на посвящение на кафедре. Но дальше поучаствовал в нескольких выездах в

заказники и другие места. Было очень приятно в интересной компании проходить маршруты по осеннему золотому лесу. Для меня, как географа, эти выезды были ценны ещё и с точки зрения расширения кругозора и понимания устройства природы Подмосковья. Мы находили природоохранные нарушения, но, кроме Нины Нестеровой, обрабатывать их никто не умел, а её на всё не хватало, поэтому многое оставалось без должного внимания по приезду обратно. В это же время произошло знакомство с Гринпис и выпускниками Дружины, которые там работали (А. Ярошенко, М. Крейндин, Г. Куксин, Т. Чалая, А. Комарова).

Переломными для меня стали два момента. В ноябре 2008 года Дружина начала проверять проект Лесного плана Московской области на предмет учёта информации об особо охраняемых природных территориях. Мы многократно встречались в нашей комнате П-36 на биофаке и сравнивали огромные горы документов друг с другом. Итогом стало многостраничное письмо с выявленными нарушениями при учёте ООПТ, которое мы отправили чиновникам раньше Гринпис, чему были несказанно рады. Ещё больше мы радовались, когда наши замечания и предложения были почти на 100 % учтены. Работа была очень занудная, но именно она стала тем первым значимым природоохранным действием, в котором я принял участие вместе с Дружиной. А 11 декабря на отчётно-выборном собрании меня приняли в кандидаты в члены Дружины. После этого Дружина стала занимать практически всё свободное от учёбы время.

Дальше всё понеслось с бешеной силой. Мы начали с Настей Лобановой продумывать внедрение отдельного сбора отходов на биофаке МГУ. Был уже разработан план действий, схема расположения бачков, и даже их форму и стоимость

успели обсудить. Но по разным причинам до согласования с руководством биофака дело не дошло, а потом эта тема утонула в многообразии других дел как неприоритетная.

В начале 2009 года Дружина начала работать по вопросу прокладки дороги с вырубкой редких видов деревьев в заказнике «Большой Утриш» для строительства дачи тогдашнего президента Медведева. К этому моменту сама вырубка была уже остановлена, и на месте организовался пост по отслеживанию всех действий строителей. Но для решения проблемы требовалась масштабная общественная кампания против продолжения незаконных действий. Именно в помощи с её организацией Дружина и приняла участие. Я взялся её координировать и перенял у Насти Куртовой руководство сектором «Горячие кампании». Первое, что мы сделали, была помощь в сборе подписей за спасение Утриша. Собирали мы их по всем знакомым, однокурсникам и даже обошли полностью общежитие ДАС МГУ. В итоге 1531 подпись с обращением отправились Президенту. На тот момент электронные подписи ещё никто не собирал, всё было на бумажных подписных листах с кучей данных от подписантов. Подписываться хотели немногие. Цель тогда ставилась общественниками собрать по всей стране 15000 подписей, поэтому наш вклад был довольно весомым.

В апреле 2009 началась противопожарная «Весенняя кампания» в заказнике «Журавлиная родина» и его окрестностях. Мой первый пожар мы вдвоём с Сашей Обуховой забили тряпками. Вообще в ту весну пожаров было много. Однажды выехали группой во главе с Гришей Куксиным из Костенево, а думы от пожаров — прямо ровно по всем четырём сторонам света. Пришлось принимать непростое решение о том, куда ехать сначала. Во второй половине кампании

обнаружили, что загорелся торфяник рядом с д. Остров. Неделю тушили и дотушивали его. На подведение итогов весны все собрались в старой квартире Кренделя — известном месте сбора дружинников в то время.

Так прошёл второй курс, проведённый вместе с Дружиной. За это время пришли новые люди, которые проявили себя как активные лидеры, в результате сформировалось новое ядро дружинников, которые определяли деятельность организации на протяжении последующих многих лет. Это Нина Нестерова, Артём Зименко, Вилен Лупачик, Кристина Цуканова, Настя Петрова, Андрей Наумкин, Саша Обухова, Катя Татарина. Было много и менее активных участников, а также волонтеров, которые участвовали в каких-то отдельных мероприятиях от случая к случаю. Вся Дружина состояла из 20–25 человек, а костяк — из 10. Атмосфера была очень дружественной и конструктивной. Собрания проходили с бурными обсуждениями, весёлыми шутками. Не обходилось, конечно, и без разногласий и недопонимания, но это почти всегда компенсировалось длительными обсуждениями, выяснением всех аргументов и позиций, что, в конце концов, приводило к консенсусу по ключевым вопросам функционирования организации. Активное участие в жизни Дружины принимала наш куратор — Ксения Всеволодовна Авилова. Оформленных секторов в то время было пять: «Осенняя кампания» (по борьбе с браконьерством в заказнике «Журавлиная родина»), «Весенняя кампания» (по борьбе с пожарами в заказнике «Журавлиная родина» и его окрестностях), «Заказники» (по работе с ООПТ), «Горячие кампании» и «Экообразование и экопросвещение». Каждый семестр проводились Дни открытых дверей для набора новичков.

Вообще одним из главных принципов долговременного существования Дружины является правильное соотношение работы по непосредственной прямой природоохранной деятельности и работы по привлечению и удержанию новичков. Как только начинает преобладать природоохранная деятельность, действующие участники начинают быстро наращивать свой профессиональный уровень, но новые кадры не приходят или быстро отваливаются, в результате чего организация быстро схлопывается сразу после выпуска из университета действующего состава. Когда же народ есть, но нет качественной интересной деятельности, то заняться особо нечем и все тоже довольно быстро разбегаются. Оба эти пути в итоге прошло подавляющее число Дружин. Мы на тот момент скорее интуитивно это понимали и поэтому усиленно вкладывались в оба направления.

В нулевых широко славились украинские Школы молодого дружинника своим качеством организации и тёплым приёмом. Нам с Кристиной Цукановой предложили поучаствовать от Дружины, как новичкам, и мы поехали. Всё действо проходила в национальном парке «Подольские Товтры» Хмельницкой области Украины с 4 по 18 августа 2009 года. Надежды полностью оправдались: школа была прекрасно организована. В уютной обстановке две недели нас учили самым разным умениям. Выяснилось, что украинские ДОПы на голову выше российских по работе со СМИ, проведению различных акций, организации общественных кампаний. Главными организаторами и лекторами были Варвара Ильницкая, Антон Биатов и Алексей Василюк.

Прямо с ШМД я поехал в лагерь добровольных лесных пожарных на Ладожское озеро, где они уже второй год пытались держать под контролем острова-шхеры и ближай-

шую сушу. В это время заново разгорелся плохо потушенный пожар в бухте Терву, и мы несколько дней его тушили. Так появился опыт тушения лесных пожаров с оторфованной подстилкой. Остальное время патрулировали территорию, собирали и вывозили мусор с ладожских шхер на материк. 30 августа закрыли сезон и в шторм вывезли весь лагерь.

Через две недели началась «Осенняя кампания» по борьбе с браконьерством в «Журавлиной родине». В 2009 и 2010 годах я учился работать по этой тематике, выполняя функции страхующего, фотографа и т.д. Нарушители встречались самые разнообразные: от бабушки из ближайшей военной части до микроавтобуса, набитого молдаванами.

Осенью 2009 и 2010 годов мы ездили по разным заказникам с целью поиска и отработки нарушений, мониторинга состояния экосистем, участвовали в общественных слушаниях по планируемой Центральной кольцевой автодороге (ЦКАД). В начале 2010 года отдельным большим мероприятием была экспедиция по подсчёту ущерба всё от той же ЦКАД.

В конце 2009 и весь 2010 год мы были соорганизаторами и участниками всех крупных публичных мероприятий в Москве, связанных с проблемой Утриша: митингов, пикетов, акций, сборов подписей, направления обращений. Всё это делалось в сотрудничестве с широким кругом организаций и активистов, в первую очередь Гринпис (М.Крейндлин), московским отделением движения «Спасём Утриш!» (М. Алёхина), Экологической вахтой по Северному Кавказу (А. Рудомаха), Дружинами охраны природы из других городов.

Кроме того, в 2010 году заново открылся Байкальский ЦБК на берегу озера Байкал, и мы помогали сформировать коалицию общественных организаций «За Байкал!», соби-

рать подписи под обращением к директору ЮНЕСКО г-же Ирине Боковой, проводить митинги.

В «Весенней кампании»-2010 я участвовал довольно мало, а горячий летний сезон пожарной катастрофы в Центральной России и вовсе пропустил, так как уехал проходить производственную практику в устьевую область реки Камчатки.

Осенью 2010 всех нас поглотила подготовка к надвигающемуся 50-летию юбилею Дружины. Выпускники начали готовиться к нему чуть ли не за год, действующий состав присоединился попозже. Событие было грандиозное, с большим набором мероприятий, которые проходили в нескольких местах Москвы, а также выездом на Звенигородскую биостанцию. Суммарно поучаствовало во всех мероприятиях 250 человек, из которых около 70 были представители действовавших на тот момент Дружин (как нашей, так и из других городов). Остальные были выпускниками Дружин и сочувствующие разных лет. Как нам удалось всё это организовать, да ещё и не допустить больших проколов, до сих пор удивляюсь.

Празднование юбилея в декабре 2010 было совмещено с проведением Конференции Движения ДОП. Во время её подготовки мне досталась функция «координатора по людям». Для того, чтобы Конференция была максимально представительной, я занялся поиском всех организаций, которые являлись Дружинами или были бы максимально близки к ним по духу. В результате получилось собрать вместе более 20 организаций, в том числе тех, кто за многие годы уже успел изрядно отдалиться от ДДОП. Таких представителей Конференций к тому времени уже очень давно не проводилось. После, к сожалению, тоже, так как в последующие годы количество Дружин только уменьшалось.

2011 год стал для меня самым насыщенным по количеству событий за всё время работы в Дружине. После зимней сессии я поехал на зимние маршрутные учёты, организованные местными Дружинами, сразу в два заповедника: неделя в «Керженском», неделя в «Присурском». А в довесок ещё и на противопожарный семинар Гринпис для чувашской Дружины. В «Керженском» ходил в маршруты и учитывал по следам животных. Особенно запомнился мне маршрут с М. Языковым на Маслово болото. Болото очень красивое, несмотря на то, что летом 2010 пообгорело по краям. Во время первых ЗМУ у меня страшно разболелось колено, поэтому в «Присурский» я, по сути, прискакал на одной ноге. В итоге дальше ни в один маршрут уже не смог сходить, но зато получил самый большой опыт за свою жизнь по части экопросвещения школьников (которым никогда всерьёз не занимался). Была команда девушек, которая ездила по всем окрестным школам проводить уроки, и я примкнул к ним, чтобы попусту не сидеть на кордоне. В сумме тогда через эти уроки прошло больше 200 детей в п. Атрать, п. Алтышево, с. Киря и г. Алатырь. Рассказывали про разницу между категориями ООПТ, чем важен заповедник, возле которого живут дети, показывали следы животных и т.д.

В начале марта съездил на собрание всех украинских Дружин в национальном парке «Гомольшанские леса» недалеко от г. Харькова.

На прошедшей в декабре 2010 года Конференции ДДОП меня избрали координатором программы ДДОП «Горячие кампании», а через пару месяцев Совет ДДОП кооптировал меня в себя. В качестве члена Совета ДДОП первое, что я начал делать, — это перепись всех Дружин. Я считал, что для укрепления связей между Дружинами было бы очень

полезно, чтобы у каждой Дружины была под рукой «Адресная книга ДДОП», где собраны контакты всех ДОП, включая как общие электронные почты, телефоны, так и контакты командиров ДОП, командиров отдельных секторов. Кроме того, была собрана информация по всем Дружинам о направлениях, которыми они занимаются. Все они были сведены в единую таблицу, из которой легко понять, по каким направлениям с какой ДОП можно кооперироваться. В результате обобщённые файлы «Адресная книга ДДОП» и «Сектора ДДОП» были разсланы по всем Дружинам в апреле. Аналогичную работу я провёл через год. Насколько мне известно, в дальнейшем такая работа не велась.

В апреле-мае началось сильное обострение противостояния общества вырубке Химкинского леса. Я глубоко переживал творящуюся несправедливость и в самый разгар сессии, вместо подготовки к экзамену, поехал помогать активистам. Так появилась единственная в моей жизни пересдача.

В марте я организовал небольшую кампанию против вырубки Ишимбайского заказника в Башкирии. Абсолютно случайно обнаружилось, что ещё в 2009 году из него были вырезаны участки площадью 14000 га для заготовки древесины. Я написал письмо для отправки в госорганы, по моей просьбе Миша Крейндлиг его поправил и дополнил. После этого оно было отправлено Президенту Башкирии от ДОП МГУ и Гринпис и в Прокуратуру Башкирии от ДОП МГУ. К сожалению, на письма Президенту РБ нам пришли невнятные отписки. Зато с Прокуратурой РБ повезло больше. Её сотрудники подтвердили нарушения, покопались и нашли ещё одно аналогичное решение по вырезанию 13000 га из заказников «Шайтантау» и «Икский». В результате на оба акта были принесены протесты в Правительство РБ, а ему в свою

очередь ничего не оставалось, как признать их утратившими силу (Постановление Правительства Республики Башкортостан от 3 августа 2011 года № 269). Это был грандиозный успех! По сути всего одним письмом в прокуратуру удалось спасти от вырубki 27000 га лесов, да ещё и таких ценных.

Эта победа стала переломной в моей жизни. Я на практике убедился в том, что даже самые небольшие усилия иногда приносят огромные конкретные результаты. Именно тогда я ощутил возможности юридической охраны природы, которые использую и развиваю по сей день. Вдохновение и энтузиазм, которые я почерпнул из этой ситуации, до сих пор сопровождают меня.

Лето прошло стремительно. Совместный выезд ДОП МГУ и ДОП «Точка роста» г. Владимира в Дюкинский заказник по исследованию популяций орхидных. Выезд ДОП МГУ в памятник природы «Мозжинский овраг». Практика в Хакасском заповеднике. Лагерь добровольных лесных пожарных на Ладожском озере (в этот раз я руководил тушением трёх небольших пожаров). Участие в междружинном отряде «Заповедник», возрождаемом В.А. Бринихом, по факту оказавшимся чем-то средним между стройотрядом и туристическим походом.

На «Осенней кампании» в 2011 году я был уже одним из основных инспекторов. Благодаря тому, что пятикурсники начинают учиться с октября, у меня появилась возможность посвятить большую часть сентября поимке браконьеров. Свой первый полноценный протокол я составлял под проливным дождём. К концу кампании протоколов моего оформления было уже полтора десятка. Кто тогда только не пёр в заказник: уголовники из Талдома, алкоголики из Самовино, заезжие москвичи и т.д.

Во время подготовки к 50-летнему Юбилею было решено издать сборник воспоминаний выпускников Дружины всех времён. К самому Юбилею это сделать не успели. И я, сидя в Костенево безвылазно в сентябре, вечерами и в свободное время перерабатывал присланные материалы в книгу. После всех редактирований и разрешения технических неурядиц сборник воспоминаний «Помнишь, как это было?» всё же вышел из печати в самом начале 2012 года.

В октябре я участвовал во всех выездах сектора «Заказники» (они были каждые выходные). По итогам нам удалось отбить проведение необоснованно назначенных санитарных рубок в заказнике «Елово-широколиственные леса в долине р. Болденки с примесью ясеня». Это сопровождалось большим скандалом в профессиональной среде. Лесники предрекали неминуемый и быстрый распад всего лесного насаждения из-за наших якобы неквалифицированных действий, но, как показало время, лес этот цел до сих пор, а мы были полностью правы в оценке его состояния.

Заказник «Долина р. Малая Истра» стал тогда для меня эталоном того, как не должно быть на ООПТ. Нарушения режима там встречались буквально на каждом шагу: застройка, свалки, рубки, оборудование стоянок, раскатанные квадроциклами дороги и др.

19 октября произошла катастрофа: по так и не выясненным до конца причинам сгорела экостанция «Костеневский ям», которая была оплотом дружинников и природоохранных волонтеров многие годы. Жизнь в Костенево разделилась на до и после. Необычная архитектура, внутренняя топонимика, истории и образы слагали отдельный мир старого дома, который стал родным для целых поколений приезжающих. В его переходах, конечно, нельзя было заблудиться,

но если не знаешь, что такое «Музей бабы Фёклы» и «Китайское посольство», «Кольцовник» и «Палуба», то коммуникация с остальными резко затруднялась. Каждая комната, каждое место обрастали своим фольклором... Прошедшие 9 лет экостанция строится заново, но всё ещё часто можно слышать ностальгический вопрос: «Ты был в старом доме?».

20 октября мы с Виленом Лупачиком и Илоной Журавлёвой поехали в Тверь, чтобы попытаться возродить тверскую Дружину. Мы рассказывали в Тверском госуниверситете весь день о возможной природоохранной деятельности силами студентов. Но в итоге практически никого нам заинтересовать не удалось, поэтому попытка оказалась неудачной.

Несмотря на потерю экостанции в Костенево, ДОП МГУ и Совету ДДОП удалось перестроиться и организовать Конференцию ДДОП-2011 на вполне достойном уровне в Москве. Я как обычно выполнял функции «координатора по людям».

На волне успеха от победы по башкирским заказникам я начал массово экспериментировать с написанием писем в госорганы по самым разным проблемам. За весь 5 курс успел поработать с разной степенью успешности по темам незаконных свалок, продаже электроудочек в Интернете, продаже дериватов и чучел редких животных, организации незаконной рыбалки в заповедниках, захвату берегов. Любовь к юридическим экспериментам сохраняется и сейчас.

В начале 2012 года я предложил упразднить сектор «Горячие кампании» в Дружине. Пока были большие серьёзные кампании по Утришу и Байкалу — сектор оправдывал своё существование. Но в 2011 году он практически не функционировал, так как проблема Утриша по сути решилась, а по Байкалу — перешла в позиционную борьбу. Новых аналогичных проблем не возникло. Стало понятно, что постоянное

действие сектора просто не нужно. В качестве выхода я предложил схему, по которой Дружина для помощи в решении какой-нибудь очередной большой острой проблемы будет просто создавать рабочую группу на ограниченное время. Дружина поддержала это предложение, и сектор был закрыт. Я остался вольным членом Штаба Дружины.

«Весенняя кампания»-2012 прошла очень плохо. Ключевым провалом была работа с привлечением участников, людей катастрофически не хватало, большую часть тянул Артём Зименко. Когда ситуация стала совсем критической, мне даже пришлось приехать для подстраховки и прямо в Костенево дописывать диплом и готовиться к его защите. В итоге пожары по большей части удалось удержать, но тогдашний командир Дружины, Настя Петрова, была вынуждена уйти со своего поста. На смену ей Дружина стала управляться триединым командиром. Кристина Цуканова стала лицом Дружины на биофаке, Настя Суслина — вседружинным координатором по людям, а Настя Еремеева — главным организатором собраний.

23 мая 2012 года я начал работать в Гринпис руководителем Байкальской программы. Теперь работа с байкальскими проблемами стала моей постоянной занятостью на следующие несколько лет. Я продолжал ещё активно участвовать в деятельности Дружины, но уже постепенно переходил на второстепенные роли.

«Осенняя кампания»-2012 прошла хорошо, но уже с 2013 года наши права составлять протоколы об административных правонарушениях были оспорены прокуратурой, и работа с браконьерами по сути закончилась.

В «Весенних кампаниях» в 2013 и 2014 годах я участвовал не очень много. В 2014 больше не пожары тушил, а заставлял

местные власти убирать 12 незаконных свалок в заказнике «Журавлиная родина» и его окрестностях.

В работе сектора «Заказники» в 2013 и 2014 годах принимал участие более активно, но ездил уже далеко не на каждый выезд, а в кампании по спасению озера Заболотского практически не участвовал.

На Конференции ДДОП-2012 в Волжско-Камском заповеднике я вышел из состава Совета ДДОП и перестал быть координатором программы ДДОП «Горячие кампании» (новым координатором стал А. Есипёнок). Дальше я участвовал ещё в трёх конференциях. Впоследствии они потеряли всякий смысл из-за фактического прекращения существования ДДОП как движения.

Вся моя деятельность в Дружине в эти годы сосредоточилась скорее на передаче опыта, накопленного в результате природоохранной и организационной деятельности за всё прошедшее время. Одним из таких вложений была организация в 2013 году Мишей Крейндлиным, Виленом Лупачиком, Настей Ивановой (Еремеевой) и мной двухдневного семинара по работе с предотвращением и устранением природоохранных проблем на особо охраняемых природных территориях конкретного региона, включающего теорию и практику. Позднее появился блок по организации переписки с чиновниками. Суммарно через эти семинары прошло порядка 400 человек за 7 лет, как из Дружин, так и из других организаций.

Весной 2013 я вышел из Штаба, а 27.11.2014 — из состава Дружины, записавшись в выпускники.

Раздел 6. 2010–2019 гг.

Суслина Анастасия Геннадьевна

Я была в ДОП МГУ в 2011–2019 годах. Если говорить о формальных должностях, то была командиром Дружины в 2014 году. Занималась же всем понемногу из того, что в те годы делала Дружина. Одной из основных была работа в подмосковном заказнике «Журавлиная родина». Дружина старалась оберегать эту территорию от разных проблем, действуя различными способами. Сюда включалась и борьба с незаконным посещением и сбором клюквы, и противопожарная кампания, и экологическое просвещение.

В течение сентября проходила «Осенняя кампания». В это время в заказнике собирались предотлётные скопления журавлей, другие птицы также ещё не улетели на юг. И тогда же многие жители и приезжие шли на болото собирать клюкву. Они являлись серьёзным фактором беспокойства для птиц. Поэтому главная цель была не допустить массовое посещение болота в этот период. По режиму заказника до 1 октября был запрещён сбор клюквы. Каждый год Дружина также добивалась принятия постановления главы Талдомского района о запрете посещения до 1 октября: мы сами составляли текст постановления, приезжали к ответственным чиновникам, относили документы на подпись.

Основной же работой в этот период были патрули. Несколько дружинников оформлялись как внештатные инспектора по охране природы. В этом нам помогала директор Талдомской администрации по особо охраняемым природным территориям (ТАООПТ) Ольга Сергеевна Гринченко. Благодаря этому мы могли проверять документы у находя-

щихся в заказнике, составлять протоколы об административном правонарушении, изымать незаконно собранную клюкву (она потом шла в детские сады Талдома) и т.д. Часто мы делали так, чтобы люди в принципе не заходили в заказник. Заходов на болото не так много, а самые популярные были на БАМе — дороге, идущей через болото. Сюда, в отличие от других мест, удобно было подъехать на машине. Рано утром мы приезжали к заходам. Обычно даже не приходилось ничего говорить, приезжавшие уже знали о нашей работе и, завидев нас, просто разворачивали машины. Таких машин было за утро немало, так что результат работы был виден невооружённым глазом. Также несколько раз удалось провести рейды против незаконной охоты, как правило, с помощью выпускников Дружины.

Разумеется, такая работа требовала серьёзной подготовки, как юридической, так и психологической. Обычно семинары по юридической части проводил выпускник Дружины, руководитель программы по ООПТ Гринпис Михаил Крейндин. Мы учили статьи закона, где прописаны права инспекторов по охране природы, и законы, по которым предусмотрена ответственность для нарушителей. Помимо этого учились заполнять протоколы об административном правонарушении. Важной частью была отработка принципов работы в оперативной группе и исполнения различных ролей: инспектора, общающегося с нарушителем, страхующего, фотографа. Все эти принципы проговаривались перед каждым патрулём. Например, правила «с нарушителем разговаривает только инспектор» или «фотограф в первую очередь должен зафиксировать и уберечь доказательства правонарушения».

Патрулирование пришлось прекратить в 2013 году, так как суд признал, что инспекторами по охране природы в Мо-

сковской области могут быть только сотрудники Минэкологии МО. А ТАООПТ таких прав было лишено. С этого времени дружинники могли только фотографировать нарушителей, писать обращения в Минэкологии с доказательствами нарушений. Пару раз удавалось позвать на это время их инспектора. Но выяснялось, что те привыкли инспектировать заводы и подобные объекты и просто не готовы идти на болото, искать там нарушителей, а тем более работать с ними. Это стало ещё одной причиной, по которой Дружина добивалась создания дирекции ООПТ в Московской области. Но об этом ниже.

Борьбу с браконьерством мы пробовали проводить и на других территориях. В августе того же 2013 года мы договорились с руководством нижегородского заповедника «Керженский». Четыре дружинника, включая меня, на месяц разделили одну инспекторскую ставку. Так мы получили возможность официально составлять протоколы и все остальные инспекторские права. Участвовали в патрулях ещё трое человек из ДОП МГУ, а также нижегородские дружинники. За две недели мы успели составить 24 протокола об административном правонарушении. Однако постоянной эта практика не стала. Во многом из-за того, что невозможной стала полноценная инспекторская работа в Журавлиной родине.

С этого времени главным направлением работы здесь стала противопожарная кампания (ПК). Её основной целью являлась борьба с травяными палами. Само дежурство и тушение пожаров начиналось с момента схода снега в марте или апреле и продолжалось примерно до середины мая — времени, когда вырастет трава.

Типичный боевой день выглядел примерно так. Подъём часов в восемь. Вызвавшийся приготовить завтрак, а также старший этой смены встали раньше. Последний «щупа-

ет траву», то есть проверяет влажность травы и определяет, когда надо начинать дежурить. После завтрака подготовка к дежурству. Стоящий на крыше оперативный дежурный осматривает с крыши экостанции горизонт, нет ли дымов. Приносит всё необходимое на крышу: бинокль, рацию, блокнот или специальные бланки, на которых отмечает найденные пожары и перемещения групп. А также карту, линейки и транспорты для определения направления дыма.

Группы и наблюдатели собирают всё на выезд: противопожарное оборудование, набор карт, компас и бинокль, аптечку, перекус, инструменты и топливо для машины. Мы специально делали список, что именно должно быть у группы. Затем обмен телефонами между членами группы, проверка экипажа: есть ли рация, правильно ли одеты, повторение техники безопасности. Назначенный на сегодня старший смены помогает всем собраться. Обычно группы дежурили на наблюдательных точках, чтобы можно было определять дымы не только с крыши экостанции, а также чтобы быть ближе к месту возможного пожара. Хотя нередко одна группа оставалась на базе. Обычно дел там хватало: приготовить обед, помочь оперативному дежурному, заламинировать карты, отремонтировать сломавшееся оборудование.

На точках проводилось обучение работе с картой, определение ориентиров на местности, переговоры с базой и определение замеченных дымов. Иногда тренировки по погрузке и разгрузке машины. А когда всё спокойно и все вышки уже изучены, можно в хорошую погоду полюбоваться на птичек и позагорать, а в плохую — погреться в машине.

В обычный год за примерно 2 месяца дежурства происходило несколько десятков пожаров. Так что вероятность для группы оказаться на тушении была не так уж мала. Ал-

горитм в этой ситуации был следующий: группа сообщала на базу, где и что горит, и по согласованию с базой начинала тушение. Если огонь угрожал населённому пункту или горели такие объекты, которые мы не тушили (помойка, сарай), то также вызывали пожарных, если горел или была угроза лесу — лесников. Все пожары мы старались отмечать в конце дежурства в специальных бланках палов, чтобы использовать описание ситуации для обучения, а информацию о потушенном пожаре для отчётности. Эту отчётность в конце кампании мы сводили воедино. Её мы выкладывали в соцсетях, пользовались при общении с госорганами, указывали в заявках на денежные премии. Также старались после пожара измерить площадь сгоревшего. В конце сезона, используя эти треки и данные космоснимков, один из дружинников, Андрей Наумкин, составлял карты палов. По ним довольно наглядно было видно, что на охраняемой нами территории сгорало меньше, чем вокруг.

В конце смены, как правило, обсуждали прошедший день, определяли планы и распределяли роли на следующий день. Обсуждали спорные ситуации: насколько верно определили дымы, верно ли выбрали маршрут для группы, правильно ли была подобрана тактика тушения. Помимо того, что в этих обсуждениях вырабатывали оптимальные алгоритмы действия в той или иной ситуации, часто здесь же озвучивали существующие проблемы, а иногда и придумывали их решения: по составлению карт, хранению оборудования, взаимодействию групп.

Однако кампания для Дружины состояла далеко не только из этих двух месяцев непосредственных дежурств. Вместе с подготовкой она занимала около полугода или даже больше. Сюда входила координация людей, общение с госоргана-

ми, обучение, подготовка машин и противопожарного оборудования, а также поиск денежных средств для кампании.

Важной и непростой частью работы был поиск людей и составление графика дежурства. Для этого выделялся специальный человек — «координатор по людям». Он следил, чтобы на каждый день было достаточное число людей, в том числе старших и водителей. Координатор дополнял и редактировал список потенциальных участников кампании, обзванивал их. Уточнял даты приезда, общался с теми, кто впервые хотел присоединиться к кампании, корректировал график дежурств.

И по тушению пожаров, и, тем более, по работе с поджигателями мы работали совместно с государственными службами: противопожарными частями, пожарнадзором, лесничествами, полицией. Каждый год перед началом противопожарной кампании мы старались участвовать в КЧС — комиссии по чрезвычайным ситуациям, выступить там, рассказать о нашей работе. Вместе с пожарными и лесниками было немало совместных тушений. Иногда мы примерно в одно время приезжали на пожар, иногда мы сообщали им о пожаре. Было несколько случаев, когда пожарные звали нас в качестве подкрепления.

Всегда перед противопожарной кампанией проводилась серия семинаров. Периодически мы приглашали кого-то для чтения лекций, а также посещали мероприятия дружественных групп, в первую очередь — семинары Гринпис. Так или иначе мы старались включить в курс подготовки к кампании такие темы, как тактика тушения пожаров, триангуляция дымов, радиосвязь, первая помощь, организация противопожарного дежурства и роли каждого участника в ней, работа с местными жителями и работа с поджигателями, юридические

основы противопожарной работы. Форматы были разными в зависимости от того, на что хватало сил и времени. Это могли быть лекции с решениями задачек, проговаривание и обсуждение возможных на дежурстве ситуаций, ролевые игры.

Были и специальные встречи для опытных участников, на которых, с одной стороны, вспоминали и повторяли все необходимые этапы дежурства, с другой — договаривались о правилах работы. При мне таким образом принималось несколько важных решений: о расширении противопожарного дежурства на Сергиево-Посадский район, об изменении правил работы с поджигателями, когда мы как сотрудники ТАООПТ лишились инспекторских прав. Часто обсуждался вопрос об оптимальном распределении обязанностей между участниками дежурства.

Чрезвычайно важным подспорьем в работе были различные методички. Помимо чтения созданных другими организациями материалов о тактике тушения, правилах пожарной безопасности и прочих необходимых вещах мы составляли собственные инструкции и чек-листы с информацией, полезной именно для наших условий работы. На стене в рубке висел список оборудования, который нужно брать в машину. Были инструкции для работы оперативного дежурного (что брать на вышку, что делать во время дежурства, какие есть виды дымов), для старшего группы и смены, для наблюдателя на точке, подробные указания по работе с воздуходувкой и по проверке машин перед выездом. Все они позволяли не забыть чего-то важного в работе, а новым людям — быстрее в эту работу включиться.

Полноценная противопожарная кампания была бы просто невозможна без машин, противопожарной техники, различного дополнительного оборудования (бинокли, навигаторы,

компасы). Всё это должно было быть проверено и при необходимости починено (или докуплено новое) до начала противопожарного дежурства. А после — законсервировано до следующего использования. На мой взгляд, это всегда была одна из сложных работ из-за своей специфичности. Мало кто из дружинников раньше лежал под капотом машины или перебирал карбюратор. Кроме того, техника требовала постоянной проверки и ухода. Очень полезным здесь оказалась система учёта оборудования. У каждой воздуходувки (пожалуй, самое эффективное средство тушения травы, хотя разработчиками оно предназначалось для сдувания листвы) или мотопомпы, а тем более машины, был лист, где отмечались проверки, а также какие у неё есть особенности или какие неисправности надо починить. Благодаря этому не нужно было каждый раз выяснять, «что же с этой штукой не так».

В Дружине считалось, и в течение моей работы в Дружине это ощущение укреплялось, что важно не только качественно делать работу, но и грамотно её освещать. В случае с противопожарной кампанией на это было сразу несколько причин.

Привлечение новых людей, причём не только в Дружину, но и непосредственно на саму противопожарную кампанию, так как Дружина в то время состояла из 10–15 человек, а в противопожарной кампании каждый год участвовало порядка 50 человек.

Привлечение средств, поскольку закупка еды, топлива, покупка страховок на машины и ремонт техники обходились в 130–180 тысяч рублей на один сезон. Порядка 130 тысяч обычно удавалось получить благодаря губернаторской премии «Наше Подмосковье» (специальный конкурс для различных волонтерских проектов в Московской области). А вот остальное — это добровольные взносы на еду участни-

ков противопожарной кампании и добровольные пожертвования. Публикуя посты о нашей деятельности, мы, как правило, просили читателей перевести средства на кампанию.

Наконец, привлечение внимания к теме пожаров. В данном случае наши посты и новости о противопожарной кампании играли ту же роль, что и в остальной работе: мы писали о существующей проблеме, в данном случае о поджогах. О том, какую опасность они представляют. Рассказывали о Журавлиной родине и её обитателях, почему необходимо сохранить эту территорию.

Вообще экологическое просвещение было важной частью работы в Журавлиной родине. Руководствуясь принципом, что причиной всех нарушений и пожаров является человек, дружинники ежегодно проводили множество мероприятий, чтобы рассказать местным жителям и дачникам о природе вокруг, о заказнике и режиме его охраны.

С руководителем эколого-просветительского сектора Кристиной Цукановой в 2013 году создали традицию февральского экодесанта в Журавлиной родине. Кристина всегда жаловалась, что уроки хотят проводить многие, но всегда «вечером или в воскресенье». Действительно, учёба в школе и вузе почти полностью пересекается. За одним исключением — студенческих зимних каникул. Поэтому на это время Дружина стала организовывать проведение уроков в школах рядом с Журавлиной родиной. Мы заранее придумывали уроки: отдельно для младшей, отдельно для средней, а иногда и старшей школы. Например, о болотах, о заказнике, о лесе и т.д. Составляли список школ и заранее договаривались с ними, в какое время мы можем приехать, сколько классов нам могут дать и т.д. Разрабатывали логистику и, если не добраться на общественном транспорте, искали

водителя. Затем приезжали на экостанцию, репетировали, а утром ехали в школы. Могло быть по 4 или даже 5–6 уроков в день. А всего за каникулы проводили до 40 уроков. В таком формате очень легко и удобно было проводить обучение новых людей: первый-второй урок они слушают и фотографируют, потом уже ведут какую-то его часть, а многих уже на следующий день можно отправлять вести этот же урок самостоятельно.

Экологическое просвещение велось не только для школьников. Каждый год перед противопожарной кампанией мы расклеивали листовки на остановках, где обычно писали о заказнике, о вреде пожаров и о том, что поджоги запрещены, а также оставляли специально заведённый для этого «базовский» телефон, куда можно позвонить в случае пожара. Когда мы только начали это делать, то иногда слышали от жителей, что вышел новый закон, запрещающий палы. Хотя тогда в листовках мы приводили лишь старые законы о запрете выжигания растительности в Московской области.

Ещё один способ, который мы использовали, — формирующие опросы. Мы создали вопросник про отношение к заказнику и поджогам травы. Примерные формулировки: «Считаете ли вы палы травы вредными?» или «Как вы считаете, кто в первую очередь поджигает траву?» Опрос в итоге мы обработали, узнав, что большинство жителей было всё же против палов: возможно, в том числе благодаря работе Дружины на территории. Но эта информация не была единственной целью. В процессе опроса мы рассказывали о Журавлиной родине, о вреде пожаров, раздавали буклеты о заказнике, а также наши визитки.

Даже всем перечисленной деятельностью Дружины в Журавлиной родине не ограничивалась. Например, дружин-

ники участвовали в различных мероприятиях, проводимых ТАООПТ: осенние учёты журавлей, учёты сов и т.д.

В ДОП МГУ считали предметом своей ответственности не только Журавлиную родину, но и подмосковные региональные ООПТ в целом. Для работы с ними существовало отдельное направление — «Заказники».

На территории Московской области на тот момент было около 250 региональных ООПТ. Успеть их осмотреть все силами Дружины было невозможно, поэтому мы использовали различные дистанционные способы поиска нарушений. Так, например, мы искали незаконную застройку, накладывая на космоснимок контуры границ ООПТ. Также мы смотрели кадастровую карту — не переведена ли часть территории нелегальных ООПТ в категорию земель под застройку и не отданы ли участки лесных ООПТ в аренду «для рекреационной деятельности».

Кроме этого Дружина каждый год проверяла реестр санитарных рубок Московской области. Если какие-то рубки собирались проводить в заказнике, то мы ездили и проверяли их обоснованность. Каждый год Дружину звали, и мы посещали мероприятия Комитета лесного хозяйства МО, доказывали, что проводить санитарные рубки в заказниках нужно только в случае крайней необходимости. В результате рубки в заказниках были фактически прекращены. Наконец, мы реагировали на сообщения местных жителей: они находили нас через Интернет, звонили или писали на дружинную электронную почту.

На выезд брали паспорт ООПТ, дружинный GPS, фотоаппараты, блокноты. Помимо нарушений старались также

отмечать редкие виды животных, растений, грибов. На обратном пути, как правило, распределяли роли: кто-то пишет новость о выезде, кто-то — отчёт, кто-то — письма в госорганы. В отчётах мы перечисляли встреченные виды растений и животных, найденные нарушения, кто и когда туда ездил. Всё это высылали в виде писем в специальную ветку (для связи мы использовали google-рассылку), чтобы использовать информацию, когда поедет в тот же заказник снова.

У сектора «Заказники» были свои семинары, проводившиеся обычно осенью, в разгар работы сектора: о системе ООПТ, в первую очередь региональных, о работе с ГИС (геоинформационными системами — теми же самыми космоснимками), о том, как правильно написать обращение в госорганы, о биоразнообразии в Московской области.

Помимо перечисленной постоянной работы Дружина включалась и в отдельные кампании. Так, много лет Дружина добивалась создания Дирекции ООПТ в Московской области, поскольку долгое время едва ли не она одна следила и старалась пресекать нарушения на этих территориях. Так, мы писали запросы в Минэкологии Московской области, которое и отвечает за региональные ООПТ при отсутствии специальной Дирекции. Мы спрашивали о плановых проверках ООПТ и выяснили, что несколько лет подряд они не проводились: зачастую Минэкологии выезжало проверять нарушения только по запросу Дружины или же местных жителей. Публикуя информацию о нарушениях, мы часто указывали, что бороться эффективно со многими из них, например, с незаконной охотой, можно только создав Дирекцию ООПТ. Нам удалось собрать более 46 тысяч подписей под электронной петицией за создание Дирекции, организовать несколько писем и коллективных обращений от учёных и

общественных организаций. Мы разработали проект Дирекции ООПТ. К сожалению, за несколько лет так и не получилось добиться её создания, хотя многого мы достигли: Министерство экологии МО начало проводить плановые проверки ООПТ, расширило штат сотрудников, занимающихся заказниками, разработало официальный проект Дирекции, хоть пока и не принятый Правительством Подмосковья. Главным же делом, организованным Минэкологии для сети подмосковных ООПТ, стала постанова их на кадастровый учёт в 2015–2019 гг. Это был чрезвычайно важный шаг для их охраны, поскольку до этого границы ООПТ во многих случаях определить было крайне сложно. Информация же об ООПТ не была включена в кадастровую карту, и покупатель земли даже мог не знать, что на купленной им земле — заказник и здесь, например, запрещено строительство. Так что дружинники активно включились в работу по постановке ООПТ на кадастр. Проверяли все предварительные проекты паспортов ООПТ. Нашей целью было убедиться, не изменены ли границы или режим ООПТ. При этом мы участвовали в работе комиссии при Минэкологии МО, обсуждали спорные случаи.

Ещё один пример короткой, но более удачной кампании. После масштабных природных пожаров 2010 года была принята госпрограмма по обводнению подмосковных торфяников. Туда попал и заказник «Заболотское озеро и его окрестности», при том, что эта территория никогда не осушалась. Попытка её «обводнить» просто привела бы к локальной природной катастрофе. К кампании по исключению Заболотского заказника из списка обводняемых территорий присоединились ДОП МГУ и другие природоохранные организации. Дружина собирала заключения по проекту обводнения от учёных, долгое время работавших на этой территории,

создала петицию против обводнения заказника. В результате Дружину пригласили на заседание в Правительство Московской области, где было решено прекратить обводнение ООПТ. Губернатор Московской области Андрей Воробьёв прилетал на вертолёт в заказник и публично говорил о необходимости сохранить уникальную природную территорию. В общем, кампания удалась.

Иванова (Еремеева) Анастасия Петровна,

сотрудница Российского отделения Гринпис

Я была в ДОП МГУ с 2012 по 2014 года. В Дружину пришла будучи уже выпускницей географического факультета МГУ – работала тогда на кафедре ландшафтоведения, пыталась вести научную работу и с поздней осени 2011 стала немного участвовать в деятельности ДОП МГУ. Моя научная деятельность буксовала, а Дружина предлагала что-то очень конкретное и осмысленное – другой мир, гораздо более близкий к реальности, и я стала всё больше участвовать. С 2012 года постепенно вовлеклась в работу и так и оказалась в сфере охраны природы.

Дружина в 2012–2014 гг.

Что вообще представляла собой Дружина в эти годы, что мы вообще делали и как жили?

«Дружина охраны природы биологического факультета МГУ» к моему приходу туда уже перестала быть Дружиной собственно биофака, и постепенно переставала быть Дружиной МГУ. Биологов из активного состава человек в 10–15 было где-то 3–4 человека. Остальные – физический, географический, исторический, геологический, почвоведческий факультеты МГУ; всё больше становилось народа из других мест – из Тимирязевки, педагогических вузов и др. Так как все были из самых разных мест, центром общения была дружинная рассылка. Там были все новости, вся организационная инфраструктура, все главные споры. Косвенные последствия этого – отключение от рассылки означало практически исключение или выход из Дружины. Собrania (на биофаке в П-36) случались регулярно, но всё-таки это было каждый раз специальное событие.

Во-вторых, мы сильно постарели. «Кто не пришёл в Дружину на первом курсе — у того нет сердца, а кто не ушёл из Дружины на третьем курсе — у того нет ума» — эта поговорка из дружинного фольклора была на наш момент уже совершенно не актуальна. Приходили и первокурсники, и даже одна одиннадцатиклассница, но основной активный состав — студенты начиная с третьего курса, много старшекурсников и выпускников.

Основные направления, которыми мы тогда занимались, это «Заказники», весенняя противопожарная кампания в Журавлиной родине, экопросвещение (со временем всё меньше), последние остатки антибраконьерской работы и разная сопутствующая деятельность по привлечению людей в Дружину и самоподдержанию (дни открытых дверей, семинары и т.п.).

В мае 2012 года в Дружине настал кризис власти, и была внедрена система «змея горыныча» — вместо одного «полноценного» командира мы стали недокомандирами втроём: Кристина Цуканова как официальный командир, так как она была студенткой биофака, а ещё Настя Суслина и я, то есть получился «трёхголовый» командир. На самом деле просто мы втроём несли основные общекоординаторские функции, так как весь активный состав Дружины в тот момент составлял примерно человек десять, и было уже не так важно, кто командир, кто руководитель сектора, а кто просто член Дружины.

Весна в Журавлиной родине

В весеннюю пожарную кампанию 2012 года я вызвалась ответственной за закупку еды, и мы поехали с одним из взрослых волонтеров Журавлиной родины затариваться на Мытищинскую ярмарку. Загрузили его маленькую легковую

машину так, что он всю дорогу потом еле полз, волнуясь, что мы будем скрести дном.

Дни весенней противопожарной кампании 2012 года были одними из самых счастливых в Дружине — весна, природа, новые интересные люди и открытие чего-то нового. В свою первую ночёвку на экостанции я проснулась на самом рассвете от космических звуков со всех сторон. А все вокруг спят — кажется, для них этот гомон тысяч птиц уже дело привычное...

Озеро Заболотское

Одним из самых сильных работающих направлений был сектор «Заказники» — выявление и предотвращение нарушений на ООПТ Московской области. Основным стремлением было выявление нарушений как можно раньше и дистанционно, поэтому мы мониторили новые нормативные акты по ООПТ (например, постановления о реорганизации), информацию по санитарным рубкам и т.п. И на местность выезжали в основном в те места, где по дистанционной информации могли быть какие-то проблемы — например, если мы подозревали, что необоснованно назначена санитарная рубка.

Одной из самых интересных историй из работы по заказникам нашего времени стала защита заказника «Озеро Заболотское» и последующий наезд на Дружину в конце 2013 — начале 2014 г.

Про историю с озером Заболотским мы написали вместе с Виленом Лупачиком и Настей Суслиной.

Про гипотетическое обводнение Заболотского мы узнали примерно в конце 2011 года, когда увидели областную Программу обводнения торфяников на 2011–2013 года. В этой

программе не было чёткого описания границ участков под обводнение, и у нас ещё была надежда, что территорию заказника не затронут, так как режим охраны однозначно запрещал любую деятельность, ведущую к изменению гидрологического режима. В мае 2012 года мы подготовили совместный с Гринпис доклад о проблемах подмосковных ООПТ для нового губернатора Шойгу (основная проблема заключалась в том, что во многих случаях под обводнение попадали участки ранее неосушенных болот, и в том, что сама технология «обводнения» по сути представляла собой осушение). Как оказалось, конкретно по проблемам обводнения этот доклад совсем не сработал, но зато он сработал по многим другим проблемам.

Далее уже летом 2012 нам стало известно, что в Сергиево-Посадском районе проходили публичные слушания проекта обводнения озера, но мы узнали про эти слушания уже после того, как они состоялись. Но зато из материалов слушаний мы узнали много нового о самом проекте и поняли, что работы по обводнению планируются в самом заказнике (то есть обводнять собирались пойменные черноольшаники, наименее пожароопасные типы леса). В этот момент ДОП МГУ, Гринпис, заказник Журавлиная родина разместили на своих ресурсах информацию об этом безобразии и призыв к гражданам и добровольцам направлять личные обращения к тогдашнему губернатору Шойгу с просьбой пересмотреть дурацкий проект. К сожалению, эти обращения не возымели эффекта. От губернатора их переслали в Сергиево-Посадский район, откуда стали приходить ответы, что всё хорошо, что обводнение это благо и оно позволит «создать уникальный лесоболотный край, каких не так много осталось». Осенью 2012 года мы организовали выезд на

территорию Заболотского заказника, целью которого было проверить, ведётся ли подготовка к каким-либо работам, и зафиксировать на фото доказательство того, что территория действительно переувлажнённая, вероятность пожара на ней минимальна и т.п. В результате мы никакого намёка на работы не обнаружили, фотографии сделали, чуть не утонули в болотниках, ну и «проникнулись ценностью» самого места. На этом мы и успокоились. То есть мы не совсем успокоились, мы были в тревожном состоянии, так как уже привыкли к тому, что если в заказнике что-то нельзя, но очень хочется, то Минэкологии будет пытаться либо изменить границы заказника, либо изменить его режим охраны (то есть провести так называемую реорганизацию). Мы такие вещи регулярно отслеживаем и руку на пульсе, в общем-то, держали. В таком ожидании прошла зима... Затем весна, лето — и мы совсем уже было расслабились. В октябре 2013 года на сайте Минэкологии появился проект реорганизации Заболотского заказника. Так как мы уже заранее знали, ради чего может затеваться такая реорганизация, мы сразу начали внимательно смотреть на проектируемый режим особой охраны заказника. И действительно, в «разрешённых видах деятельности» нового положения было чётко прописано, что на территории заказника разрешается строительство гидротехнических сооружений противопожарного назначения.

Благодаря тому, что у нас уже было хорошее взаимодействие по этой истории с союзниками (Гринпис, Прозрачный мир, Журавлиная родина), мы быстро скооперировались и стали распространять информацию. Прозрачный мир взялся за мониторинг ситуации по космоснимкам, а мы организовали выезд на территорию, так как была вероятность, что работы там уже начались. Такой вывод можно было сделать

исходя из того, что Программа обводнения заканчивалась в 2013 году, на дворе было уже начало ноября 2013, следовательно, обводнителям для завершения работ в срок необходимо было торопиться и, возможно, идти на нарушение закона. Но при обследовании территории не было найдено никаких следов техники и земельных работ. Казалось, что всё в порядке и время у нас ещё есть. Мы начали неспешно готовить разного рода обращения по поводу незаконности и вредности проекта реорганизации. Основные нарушения были связаны с тем, что, во-первых, отмена запрета на строительство гидротехнических сооружений противоречит первоначальным целям создания заказника, во-вторых, проект исключал из территории заказника несколько ранее входивших в него кусков, в-третьих, сам по себе проект реорганизации должен был пройти процедуру государственной экологической экспертизы, а никакого намёка на эту экспертизу не было. Далее выяснилось, что не было не только намёка, но и самой экспертизы. Всё это время мы продолжали внимательно следить за обновлениями на сайте Минэкологии. И в один из дней в новостном разделе их сайта появилась информация о том, что назначено первое заседание экспертной комиссии для проведения государственной экологической экспертизы проекта обводнения Заболотского заказника. Вот в этот момент уже нельзя было тормозить и раскачиваться, тогда стало окончательно ясно, что от этого проекта никто не отказывался, и делается всё необходимое, чтобы его узаконить и реализовать.

Мы экстренно собрались в Дружине и взялись за обращения в прокуратуру, написание заключения о нецелесообразности и недопустимости обводнения и без того обводнённого черноольхового леса, подготовку графических материалов,

обращения к губернатору на основе обращения в прокуратуру, связь с экспертами и получение от них заключений по поводу нецелесообразности обводнения. Времени было совсем мало, но за несколько дней мы смогли все эти письма написать и отправить.

Стали ждать ответов на наши письма... И тут по космоснимкам в самом конце 2013 г. вдруг Маша Семенцова (ДОП МГУ/Прозрачный мир) обнаружила, что в заказнике начались какие-то работы: то ли прорубили просеку, то ли проложили дорогу. Мы выехали на место и обнаружили, что это проложенная по просеке лесная дорога к реке Сулать, где по проекту обводнения предполагалось запрудить реку Сулать дамбой. Экскаваторы активно «создавали нетронутый лесоболотный край». А после нового года по тем же космоснимкам удалось выяснить, что обводнители «заблудились» и проложенная ими просека задела и соседний заказник «Журавлиная родина», примыкающий к «Заболотскому», но в соседнем районе — не в Сергиево-Посадском, а уже в Талдомском. То есть даже «узаконенные» силами Минэкологии работы после этого по формальным основаниям стали незаконными, так как экспертиза потеряла силу. В этот момент нами опять была написана куча писем, в том числе в полицию. Вообще была такая ситуация, когда нужно было делать всё, что только можно и как можно больше, все писали множество официальных обращений и публичных текстов, очень активно распространяли информацию.

А вот потом получилась самая интересная часть истории, которая началась довольно мирно. Наш сектор экопросвещения решил провести в январе экодесант в Талдомские школы с уроком про Заболотское. И вместе с проведением уроков организовали конкурс на лучший плакат/письмо губернатору/

видеоролик и т.д. для спасения Заболотского. А самое в этом интересное, что одной из совершенно побочных мыслей тут было сделать петицию, чтобы детям было что на своих плакатах «рекламировать». Быстро собрали петицию, стали её распространять не только среди школьников, но и в наших дружинных соцсетях, рассылках и т.п. Через несколько дней петиция собрала около 800 подписей, и тут на сайте Правительства Московской области появилась статья «Бессмысленное обводнение заказников» — о нашей петиции со ссылкой на неё и с сообщением, что губернатор поручил провести встречу с Дружиной.

Нам позвонили, пригласили на встречу в областное Правительство. Встреча состоялась, на ней всех особенно впечатлили распечатанные нами космоснимки — без них, может быть, и не поверили бы, что просека зашла в «Журавлиную родину». В итоге решили приостановить работы на две недели, а нам пока предоставили подробные материалы проекта и поручили сделать на них заключения.

Мы продолжали распространять информацию, собрали под петицией в сумме около 2,5 тысяч подписей, давали комментарии в СМИ, где приходилось отбиваться от странных наездов типа «да здесь всё осушено, у вас, студентов, просто какие-то карты местности неправильные» или «тут часто горит, а вы против обводнения, хотите, чтобы ещё больше горело?!»

Через две недели нас пригласили для общения с губернатором прямо на месте проведения работ. Он прилетел на вертолёт, приказал остановить работы до осени («главное — не допустить вымирания журавлей»), а также перекопать дорогу.

В марте состоялась ещё одна встреча в Министерстве экологии для «обмена мнениями» по поводу возможной дальнейшей судьбы проекта. Тут выяснилось, что обводнение

нужно не как противопожарное мероприятие, а потому, что «гибнет озеро Заболотское» и «работы нужны, чтобы спасти озеро». На встрече были «местные жители», которые рассказывали, как им нужно озеро, чтобы купаться и ловить рыбу.

Тем и закончилась история с озером Заболотским. Осенью, конечно, работы уже не были возобновлены.

Какие же выводы из этой истории?

— очень полезно следить за потенциальными нарушениями дистанционно;

— официальная переписка — наше всё;

— иногда приходится реагировать быстро;

— надо выстраивать отношения с союзниками заранее и быстро начинать работать вместе в случае чего;

— хорошо, когда все направления Дружины работают над одной проблемой со своих сторон, иногда срабатывает что-то неожиданное.

«Наезд» Минэкологии на Дружину

В марте 2014 г., сразу после истории с озером Заболотским, на имя ректора МГУ пришло письмо от Шوماхова Анзора Блюевича — министра экологии Московской области в то время.

Вот что среди прочего он о нас написал:

«За последнее время в адрес Губернатора Московской области, в прокуратуры различных уровней, в Министерство экологии и природопользования Московской области от Дружины охраны природы им. В.Н. Тихомирова биологического факультета МГУ (ДОП МГУ) приходит большое количество обращений, заявлений, требований, которые часто носят тенденциозный характер. Данная «компания», которой руководит «Гринпис», другие экстремистские орга-

низации, носит явно заказной характер и имеет своей целью представить в негативном свете деятельность Правительства Московской области в сфере экологии и охраны окружающей среды, используя авторитетную «эмблему» МГУ».

Мы, конечно, очень обрадовались, получив такое письмо — сразу было ясно, что мы отлично поработали, и, скорее всего, Минэкологии таким образом признаёт наши заслуги по защите «Заболотского».

Ректор передал письмо нашему куратору К. В. Авиловой и запросил от Дружины объяснений. Мы стали готовить объяснения, а Ксения Всеволодовна передала письмо в СМИ для придания дела огласке, выпускники Дружины собрали коллективное обращение в защиту Дружины в ректорат, Гринпис в свою очередь обиделся на приравнение к экстремистским организациям и порекомендовал Шомахову покинуть свой пост.

Кристина с Ксенией Всеволодовной пошли давать объяснения в ректорат, там от Дружины затребовали ещё дополнительную справку о Дружине и вроде как требовали изменить Устав Дружины, чтобы туда могли входить только МГУшники. Справку мы вскоре предоставили, а по поводу Устава решили подождать дополнительных указаний и самим не очень торопиться. Как оказалось, это было правильное решение — эти требования не выдержали проверку временем.

Вывод? Если пишут в ректорат про Дружину — значит мы точно молодцы!

Движение Дружин

В 2012–2014 г. Движение Дружин существовало уже скорее номинально — практически единственным общим мероприятием были конференции Дружин раз в году.

Осенью 2013 г мы провели в Москве конференцию Движения Дружин (ДДОП), которая стала последней действительно общедвиженческой конференцией. Нам удалось собрать 10 Дружин (Москва, Чебоксары, Казань, Нижний Новгород, Благовещенск, Комсомольск-на-Амуре, Владимир, Киев, Йошкар-Ола, Томск) и ещё 4 «околодружинных организации», в том числе из Сибири и с Дальнего Востока (Белгород, Воронеж, Барнаул, Уссурийск). После этого так много Дружин уже не собирались вместе.

В 2014 конференция ДДОП прошла в Нижнем Новгороде, в 2015 — в Воронеже. Уже на этих конференциях было ясно, что общих дел у Движения почти нет, а через несколько лет перестали проводиться даже ежегодные конференции, и стало ясно, что Движение Дружин в таком формате заканчивается.

Тем не менее в 2012–2014 годах (и даже 2015–2016) мы ещё надеялись оживить Движение ДДОП через совместные активности и пытались привлечь Дружины к работе по региональным ООПТ. В 2012 году мы даже пытались организовать это как специальную междружинную программу и «открыли» её на конференции 2012, но она оказалась такой же неуспешной, как и все междружинные программы — по ней просто ничего не делалось. Поэтому в 2013 году она была «закрыта», и мы перешли к обучающему формату. Вместе с Аркадием Ивановым и Мишей Крейндлиным (а в начале также вместе с Виленом Лупачиком) мы проводили для всех перспективных в этом плане Дружин специальные семинары. В 2013 мы провели первый семинар в Казани, в 2014 — во Владимире и в Нижнем Новгороде, в 2015 в Воронеже на дружинной конференции и в Марий Эл на «Школе Экологического Лидера», в 2016 — в Томске, где надеялись не столько вовлечь Дружину в эту работу, сколько возродить Дружи-

ну. В 2015–2016 годах активно участвовали в ШМД (Школе Молодого Дружинника) с нашей программой по ООПТ.

Тем не менее вовлечь какую-либо из Дружин в подобную работу нам так и не удалось. Для многих Дружин наш семинар стал скорее последней попыткой сплотиться, после чего уже активной деятельности практически не было.

Борьба с браконьерством

Вообще так уж сложилась моя дружинная судьба, что я во многом застала последние остатки «старой дружинной жизни»... Хотя, наверное, в Дружине так часто всё меняется, что так может сказать каждый. На мою долю, кроме последних дней ДДОП, пришлось ещё и самые последние попытки вести работу по БсБ («Борьба с браконьерством»). Тогда в ДООП МГУ это называлось «Осенняя кампания», и она заключалась в том, чтобы пресекать нарушения режима заказника «Журавлиная родина». В основном мы занимались тем, что пресекали сбор клюквы, который согласно режиму разрешался только после 1 октября; изредка также работали по охоте — но редко и в основном при участии старших более опытных товарищей и выпускников.

В сентябре 2012 года я успела выловить только пару клюквенников из болота, а в 2013 кампания полноценно уже не велась, так как у нас уже не было необходимых прав на пресечение нарушений.

Последней полноценной попыткой работы Дружины по борьбе с браконьерством стал выезд в 2013 году в Керженский заповедник, где дружинники на правах инспекторов заповедника помогали выявлять нарушителей и за месяц выполнили чуть ли не годовой план по количеству составленных протоколов.

Всё закончилось... или нет?

Смотрю на свои записи, и выглядит грустно: закончилось Движение, закончилась работа по браконьерству, очень много чего изменилось. Наверное, по этому поводу можно грустить, но мне кажется, что грустить нечего. Пока есть кто-то, кто читает сейчас эти строчки в книге, природоохранное движение есть. Просто сейчас оно совсем не такое, как было раньше.

Не надо грустить или пытаться возродить Дружины или движение или что-то тому подобное. Надо строить новое — тоже под названием «Дружина» или под каким-то другим. Это не так важно. Но важно сохранить интерес к природе, глубокие знания о ней и профессионализм в своей природоохранной работе.

Белик Анна Дмитриевна,

аспирантка кафедры геохимии ландшафтов и географии почв географического факультета МГУ

Была в Дружине с 2016 по 2018 года. Про Дружину я узнала в 11 классе школы. Я тогда готовилась поступать на географический факультет, ходила в МГУ на курсы подготовки к экзаменам, а Дружина развешивала объявления-приглашения на всех стенах. Я тогда взглядом зацепилась и подумала: «Вот поступлю, обязательно познакомлюсь с этими чуваками».

Я поступила и забыла, а снова вспомнила только на втором курсе. Второй курс — то время, когда студенты МГУ начинают сомневаться в этой подозрительной затее под названием «высшее образование», начинают понимать, что не желает их бесценная юность только сидеть и учиться, юности нужно действие, смысл, цель, реальные результаты в ближайшем будущем, в общем — живое дело. Дружина таким делом становилась идеально. Впрочем, это желание смысла и действия было далеко не у всех: когда я предложила своим друзьям из группы пойти в Дружину вместе, они на меня посмотрели очень сочувственно, словно говоря «мы всегда знали, что она ненормальная».

Моим первым дружинным делом был зимний экопросвет в Журавлиной родине — уроки в школах для детей всех возрастов на тему природы и заботы о ней.

Это была какая-то очень холодная, очень сильная зима; и в тёмный снежный день я встала в пять утра и потащила на Савеловский вокзал.

Педагогического опыта у меня на тот момент было минимально. Полевого — в общем-то тоже. До сих пор не пред-

ставляю, как меня моя довольно-таки беспокойная семья отпустила. С какой-то Дружиной! В какой-то Талдом (это где вообще?! В какой-то недостроенный (а он и по сей день недостроенный) дом! В общем, в семь утра в талдомской электричке я оказалась каким-то чудом.

Я ехала одна; в Талдоме надо было пересест на маршрутку, а там ко мне бы подсели мои соратники и они же руководители, они же опытные дружинники Саша и Жека. Вместе мы бы доехали до села Ермолино — самой дальней точки Журавлиной родины, и там наша задача была, как говорила Саша, «всех просветить, а потом догнать и ещё раз просветить». Сделать это надо было разом со всей школой, благо в школе этой было от силы 40 человек. Но, даже несмотря на это количество, я искренне радовалась, что мне не придётся там быть одной и самой что-то вести.

И вот еду я в автобусе, в метель, смотрю в окно на Журавлиную родину, засыпаю, и тут звонок:

— Алё, привет, мы тут опоздали на автобус.

Вот чёрт.

Автобус выкинул меня в Ермолино. Маленькая площадь-станция. Закрытый магазин. Старые двухэтажки. Почти никого нет, только какие-то бомжи курят в уголке. Снег идёт. Холодно. Вот и что мне с этим делать?

Ну и дальше я с трудом нашла в замёрзшем Ермолине школу, познакомилась с приветливейшими ермолинскими учителями, жутко извинялась, кое-как объясняла, что соратники с демонстрационными материалами и презентацией к уроку потерялись где-то в зиме и вот-вот будут... А потом был мой первый экологический урок, на котором я узнала, что дети на самом деле не стадо чертей, как это принято думать, а вполне себе милые, заинтересованные создания, осо-

бенно если играть с ними в пожарную считалочку и давать слушать голоса птиц.

Ох, и много у меня впоследствии было подобных уроков.

На момент моего вступления в Дружине было три направления работы и человек шесть активных участников плюс сколько-то «выпускников». Направления были следующие: «Заказники» (держалось могучими силами тихого Максима Богомолова), «Весенняя пожарная кампания» (держалось безудержной энергией Даши Калининой, а ещё большой любовью сотни пожарных волонтеров, ничего не знавших о Дружине, но любящих тушить) и «Экопросвет» (держалось на хрупких плечах Нины Нестеровой, но только зимой на студенческие каникулы). Времена славы, когда в Дружине было несколько десятков человек, а Дружин как организаций было много по России, прошли задолго до нас. На биофаке про нас никто не знал, кроме старых участников. Тут и там возникало мнение, что наверно ещё годик, и Дружина с честью зайдёт.

...Но нет, погибаться она не спешила, и как бы странно мы со всей этой природоохраной ни выглядели, у нас кое-что получалось: дети знали, что поджигать траву нельзя, год за годом Журка спасалась от весенних палов, а в бесправных заказниках Подмосковья тут и там фиксировались нарушения, о чем писались письма. В секторе «Заказники» очень много писали писем по поводу нарушений — в прокуратуру, в администрации районов и др. И я, как всякий нормальный человек, поначалу удивлялась: «А что, неужели это работает?» И в ответ получала очень правильный принцип, которым пользуюсь до сих пор: во-первых, бороться всегда имеет

смысл, даже если метод борьбы несовершенен. А во-вторых, да, работает.

Одно из главных дружинных достоинств, которое многим внешним людям было непонятно, не укладывалось в голове: Дружина была абсолютно неподнадзорна, неподконтрольна, мы подчинялись своему пониманию блага для природы, иногда друг другу и больше ничему и никому. Формальный куратор от биофака у нас был, но добрая улыбчивая Ксения Всеволодовна не очень много знала о наших делах, хотя и помогала нам в том, что требовалось.

Моя социальная роль в Дружине сейчас вспоминается как смутная и неясная, помню только, что почти всегда провальная. Во всяком случае, мне так казалось. На какое-то время я даже стала командиром, но предпочитаю об этом не думать: мало при каком командире в Дружине происходило настолько ничего.

С наибольшим удовольствием я вспоминаю свою первую пожарную кампанию.

Пожарная кампания — это ежегодная попытка спасти отдельно взятую ценную территорию Подмосковья от вездесущих травяных палов (читай — от глупости человеческой). Проблема пожаров вообще удивительна: она существует у людей под носом долгие годы, но те упорно не хотят признавать свою ответственность и что-то менять, да и в принципе проблему признать не хотят, несмотря на то, что ежегодно от пожаров сгорает множество всего ценного, включая иногда человеческие жизни. Из тех, кому это не нравится, в какой-то момент сформировалось пожарное добровольчество, и произошло это именно в Журавлиной родине.

Примерно полтора-два месяца каждую весну в Журке длились пожарные дежурства. Как минимум четыре человека ежедневно должны были присутствовать на базе в Костенево, патрулировать территорию, тушить травяные палы, которых во все года находится предостаточно, и не подпускать пожар к собственно территории Журавлиной родины, где гнездятся в траве краснокнижные птицы и прорезаются первые не менее краснокнижные растения. У сторонних людей сама эта затея вызывала оторопь — «Вы что, просто приехали и пошли тушить? Кто вам разрешил?» Да, просто приехали и пошли.

У многих, кто говорил со мной о Дружине, у многих, кто интересовался вступлением, ломалось вот такое «школьное» мировоззрение: чтобы что-то делать, надо, чтобы кто-то тебе это разрешал, контролировал, надо, чтоб над тобой был кто-то старший, «взрослый». А на самом деле, ничего подобного — бери и делай, а старший над тобой будет такой же человек, как и ты.

Меня тогда сделали координатором по людям, то есть человеком, который должен был обеспечивать необходимое количество волонтеров путём их постоянного обзвона и приглашения на кампанию. Когда мне вручили координаторский телефон, я, как всякий наивный дурак, подумала: «Ух ты, как дружинники мне доверяют!» А дружинники подумали: «Ну, славатехоспади, нашлось на кого спихнуть эту работу». Тем не менее это было здорово.

Я приезжала, кажется, в основном на выходные, в остальное время была учёба. А там была нежная светлая весна, журавлинородинские красоты, огромные озёра разлившейся Дубны, птицы, дикие звери, выбегающие прямо на дорогу... То, чего так не хватало. А ещё были пожары — тревожный

запах дыма, треск горящей травы, тяжёлое оборудование за плечами. И потрясающее чувство, когда последний язычок пламени потушен наконец. А потом возвращаешься в серую, обыденную Москву и думаешь — «Как без этой природы можно было жить вообще?» После большой, мокрой городской зимы — дымная весна, с закатами и рассветами, с живой природой была чем-то удивительным и категорически необходимым.

Вообще я никогда не считала себя человеком, приспособленным для природоохранной работы. Но в Дружине это было неважно: в Дружине никто ни к чему не приспособлен, в Дружине можно не уметь, не иметь предрасположенности, образования — там было достаточно хотеть и делать. И главная её социальная функция такая и была: объединить всех, кто может, и научить их — просто хотеть и делать то, что считаешь правильным.

В конце таких воспоминаний обычно пишут пожелания — а я ничего желать не буду; Дружина и так со всем справится.

Приложение 1.
Иллюстрации
к воспоминаниям

Иллюстрации к воспоминаниям Дмитриева П. П.

Бригада в готовности

Бивуак в тайге. Г. Гомозова и К. Трувеллер (фото Б. Гончарова)

В Кедроград (фото А. Гилярова)

Ещё не лесосека

Уже лесосека — лунный ландшафт (фото Б. Гончарова)

Иллюстрации к воспоминаниям Трувеллера К. А.

Зарисовка из блокнота К. Трувеллера.
Прибыли в Кедроград

Зарисовка
из блокнота
К. Трувеллера. Кедр

*Рисунки, подаренные Трувеллеру К.А.
рабочими Кедрограда*

Иллюстрация к воспоминаниям Черняховского М. Е.

Бой мустангов

Иллюстрации к воспоминаниям Андриановой Л. Д.

Значок сектора «Зоопарк»

*Шуточные фото: С. Переладов и овчарка Пума Андриановой Л. Д.,
Окский заповедник, 1971*

Иллюстрации к воспоминаниям Авиловой К. В.

Семинар Дружины в Окском заповеднике. Выезд БсБ, протокол составляет С. Переладов, 1971

Составляем протокол, 1961

Учим В. Н. Тихомирова играть на гитаре. Столовая ЗБС

Иллюстрации к воспоминаниям Обуховой А. Л.

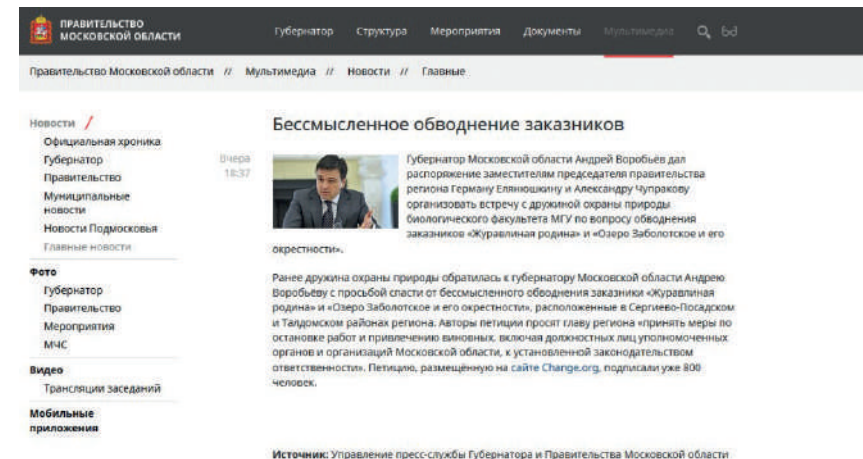

План местности для поимки на браконьерстве министра сельского хозяйства СССР Мацкевича

Митинг против открытия Байкальского ЦБК. 28.03.2010

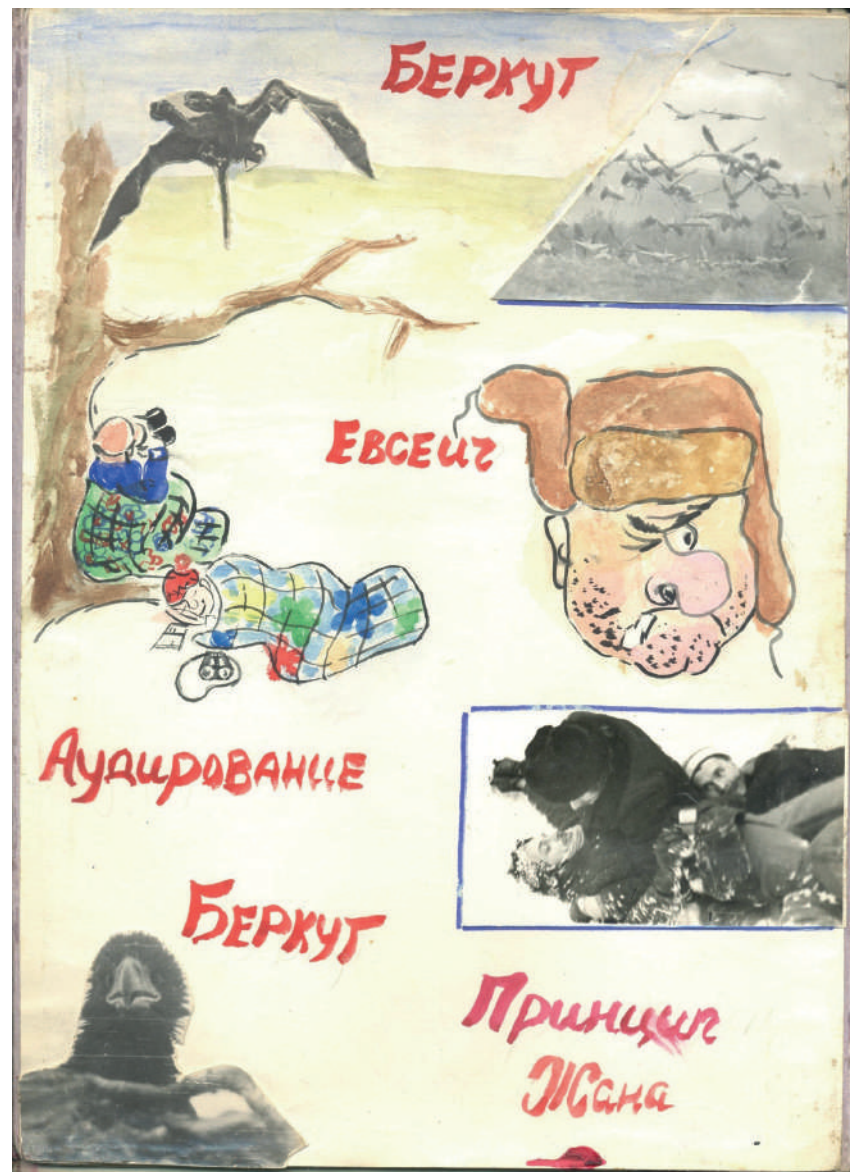
Иллюстрация к воспоминаниям Ивановой А. П.

**Приложение 2.
Толковый словарь
дружинника.
Игра «Выезд».
Ордена и медали**

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ДРУЖИННИКА

АБРАКАДАБРА – протоколы, составляемые некоторыми дружинниками.
АВАНТЮРА – выезд при соотношении парней и девиз 1:3.
АУДИРОВАНИЕ – фаунистические исследования не выходя из спальни. М.б. Пассивное А. – человек находится в горизонтальном положении, глаза его закрыты для большей сосредоточенности, он бдит – и Активное А. – человек, находясь в спальнике, активно передвигается с открытыми глазами, на шее его бинокль.
БЕЛЫЙ РЫБНЫЙ ФИЛИН – голубая мечта "фауны" (см.); летит на штаны, облитые сладким чаем.
БЕРКУТ – 1) мифическое существо, некогда обитавшее, по легенде, под Москвой;
 2) то, что иногда видят в небе некоторые члены сектора "фауны";
 3) конкурс, задачей которого является поиск аистов, журавлей и чаек.
БЕТОНИРОВАННАЯ ПЛОЩАДКА – см. Культурный ландшафт.
БЛИННАЯ – см. Шанхай.
БРАКОНЬЕРСТВО – бандитизм по отношению к природе.
БСБ – суровый сплоченный сектор, который борется с:
 а) эмансипацией (см.)
 б) командиром (см.)
 в) разгильдяями (см.)
 г) учебной частью (не см.!!!)
 д) водкой (см.)
 е) браконьерством (см.).
ВЕЖЛИВОСТЬ – неременное качество порядочного инспектора.
ВОДКА – причина выговоров и исключений из Дружины.
ВОЛК – хищник из семейства собачьих, на которого человек снова пытается свалить вину в уменьшении численности диких животных (а теперь также и домашних животных и, иногда, людей).
ВООП – Всероссийское общество озеленения палисадников.
ВЫЕЗД – общение с природой, сопряженное с её охраной.
ВЫСТРЕЛ – 1) Программа, давшая рекомендацию подходить к клиенту (см.) с подветренной стороны;
 2) м.б. Предупредительный В. (см.).
ГИДРОИНСПЕКТОР – Попов И.Ю.
ГИМН – то, чего у Дружины всё ещё нет.
ГИТАРА – 1) элемент маскировки под туристов; используется в качестве ударного инструмента;
 2) атрибут разгильдяйства.
ГЛУХАРИ – легко опознаются по этикетке: "Глухарь – древнейшая птица Земли" (см. также ВООП).
ЛЕВУШКИ – большой вопрос Дружины.
ДИЗАЙН – модернистское течение в экологическом воспитании исподтишка, путём изображения ёлочки на пирифаксе.
ДИКАЯ ПРИРОДА – мать твоя.
ДРАКА – вынужденная мера самообороны инспекторов против не в меру экспансивных нарушителей.
ДРУЖИНА ПО ОХРАНЕ ПРИРОДЫ – боевая организация, ставящая своей задачей принудить государство выполнять Закон по охране природы.
ДУБ – позывные нашей расы.
ДЫНЯ – 1) большая, сучкастая – мера наказания;
 2) очень вкусная – меню первого выезда, введённое Н. Пономарёвой.
ЕВСЕИЧ – небритый клиент (не путать с Сидором Евсеевичем! – см.).
ЕГЕРЬ – человек, главной функцией которого является охрана охотугодий. Обязан помогать инспекции и не помогать браконьерам. Обычно помогает и тем, и другим.
ЕЛКА – испльывает на себе тягу человека к природе.
ЖАЛОВАТЬСЯ БУДУ – одно из обычных высказываний нарушителя, на которое вежливый инспектор должен ответить: «Пожалуйста!»
ЖАЛОСТЬ К НАРУШИТЕЛЮ – чувство, за которое инспектор дорого платит.
ЖАНА ПРИНЦИП – твёрдое убеждение Жана (В.Баранова) в том, что серьёзный разговор с нарушителем можно вести лишь переведя последнего в горизонтальное положение.

ЖАНИЗМ (ист.) – древнее философское течение, состоявшее в утверждении того, о чём не имеешь ни малейшего представления (антизубакизм).

ЖБАНИТЬСЯ – интенсифицировать процесс генерации нестандартных идей (см. Мозговой штурм).

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ДИВЕРСИИ – применяются для отвлечения внимания от инспекторов; иногда возникают произвольно.

ЖИВОТНЫЕ В ГОРОДЕ – проблема.

ЖУКОВА МЕТОД (К.В. Авилова вспоминает) – идём по лесу... Вдруг – выстрел! Мы – бегом туда!..

ЗАВАЛ – обычное состояние в сессии активно работающего дружинника.

ЗАКАЗНИКИ – 1) особо охраняемая природная территория: ввиду отсутствия егерей и лесников охраняется облисполкомом;

2) люди, посещающие уникальные уголки родной природы и пресекающие аналогичные поползновения других людей.

ЗЕС – полигон для развития навыков борьбы с туризмом (см.).

ЗНАКИ – приспособление для охраны заказников (см.), принимающее на себя дробь, предназначенную охраняемым видам животных и инспекторам.

ЗООПАРК – строится...

ЗУБАКИЗМ – 1) по Забелину: доставание редкой книги в одном экземпляре с последующей похвалой и пусканием слюнок у друзей на биофаке;

2) (ист.) древнее философское течение, состоявшее в отрицании того, о чем не имеешь ни малейшего представления (антижанизм).

ЗУБЕЫ – см. Старички.

ИЖЕБАНА – художественная утилизация порубочных остатков, призванная заменить новогоднюю ёлку.

ИМИТАЦИОННЫЕ ИГРЫ – феерическая мистерия, обычно отражающая мечту дружинников о том, что у природы везде должны быть свои люди.

ИНСПЕКТОР – бывает двух типов: а) работающий; б) пацифист.

ИНСТРУКТАЖ – объяснение того, что должно быть но что редко происходит.

КАБАНАТНИК – потенциальный з/к (УК РСФСР ст. 166), становящийся таковым на срок до 3 лет после активного взаимодействия с инспектором (УК РСФСР ст. 193).

КАВТАРАДЗЕ – великий ум, изобретший и предложивший ряд вещей, произведших впечатление (см. Выстрел, Имитационные игры, Самолёт, Учения, Экополис).

КАНАЛИЗАЦИЯ ПОТОКА ТУРИСТОВ – так будем учиться у ассенизаторов. Справляются же они с.....!

КАНДИДАТ В ЧЛЕНЫ ДРУЖИНЫ – человек, который, кажется, не собирается уходить из неё.

КАРТОЧКА НАРУШИТЕЛЯ – бумажка, заполняемая на выезде девушкой-инспектором вместо протокола.

КВАРТАЛЬНЫЙ СТОЛБ – должен служить для ориентирования на местности; в противном случае превращается в средство наглядной агитации.

КЛИЕНТ – по данным экспедиции сектора БСБ, личность, пользующаяся разными способами охоты и рыбной ловли в строгом соответствии с возрастом, местом жительства и временем суток.

КОМАНДИР – обычно доблестный К., часто также хреновый.

КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ – для служебного пользования (в настоящее время распущен, чтобы не переловили).

КООРДИНАЦИЯ – то, что отвлекает от охраны природы в перерыве между юбилеями.

КРАСНАЯ ТРУБА – штука, служащая ориентиром на местности некоторым старшим групп.

КУБАНИТОРОЛИЗМ – свойство любого документа, имеющего хоть малейшее отношение к охране природы, оказываться у Кубанина Андрея в портфеле или дома. Появляется оттуда с неохотой.

КУБИНКА – дойная корова Дружины на протяжении 20 лет.

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ – то, во что может превратиться природа после прикосновения Человеческого Гения.

КУЧЕНИЕ – обсуждение вопросов охраны природы в неформальной обстановке (см. Жбаниться).

ЛЕКЦИЯ – извечный способ пропаганды, отвергнутый Дружиной во время очередной ломки старого.

"ЛИПА" – определённая категория квитанции на ёлку, возникшая как адаптация к суровым условиям существования под давлением естественного отбора.

"ЛОПАТА" – старинная песня дружинников; используется для борьбы с туристскими песнями.

ЖИВОТНЫЕ В ГОРОДЕ

КРАСНЫЕ ТРУБЫ

ОТГЕТ ЭКСПЕДИЦИИ БСБ

КВАРТАЛЬНЫЙ СТОЛБ

КЛИЕНТ ЛОПАТА

СХВА-ТНА ВН ПО-ПАТУ-У

ЛОСЯТНИК – см. Кабанятник.
 ЛОХАНКИЗМ – опасное психическое заболевание, проявляется в стремлении индивидуума или группы индивидуумов поедать свои припасы отдельно от остальных. Болезнь заразная. Поддаётся лечению обыкновенным ремнём.
 МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК – популярный персонаж дружинного фольклора.
 МАМОНТЫ – см. Старики.
 МАСКИРОВКА – собирание охотником цветочков при виде инспекторов.
 МАЦКЕВИЧ – бывший министр сельского хозяйства, известный любовью к охоте и заповедникам.
 МАШИНА – мечта, портящая нервы и время.
 МЕЛИОРАТОР – преобразователь природы, очень опасен.
 МЕЛИОРАЦИЯ – процесс превращения Дикой природы (см.) в огороды, б.ч. – хреновые.
 МЕМУАРЫ – 1) объяснения, которые дают некоторые нарушители;
 2) форма обмена опытом между "стариками" и подрастающим поколением.
 МОЗГОВОЙ ШТУРМ – генерация нестандартных идей всухомятку (см. Жбаниться).
 МОЛОДЕЖНЫЙ СОВЕТ – дитя Дружины, очень самостоятельное.
 МОНИТОРИНГ – 1) определение уровня фонового загрязнения окружающей среды по числу лепестков на ромашке;
 2) Малыш М. – определение по тому же параметру состояния ромашки.
 НАДО (устар.) – позвольте, а когда же учиться?!
 ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ – У! – У! – У!
 ОКУЧИВАНИЕ – расстановка группы вокруг клиента (см.), чтоб не убежал.
 ОНО – шаловливо; живёт в 3 соснах; расположено по силовым линиям; взлетает как мокрая тряпка.
 ОПЕРАЦИЯ "ДУБЛЬ-ВЭ" – уточнение силами Дружины подробностей любви В.В.Мацкевича (см.) к охоте и заповедникам.
 ОПРОС – форма общения с местным населением, позволяющая изучить фауну окрестных лесов без посещения оных; обычно сопровождается фаунистическими находками, такими как большие и маленькие филины, мандаринки, выхухоли в погребе.
 ОТЧЕТ – дань, которую приходится платить за время, приятно проведённое на природе.
 ПАЛ – степной пожар, в прошлом – сектор (спросите у Остроумова).
 ПАССИВНОЕ ИНСПЕКТИРОВАНИЕ (метод Черняховского) – привал.
 ПАЦИФИСТ – см. Инспектор.
 ПЕРЕЛАДОВЩИНА – техническо-финансовая маниловщина применительно к сектору БСБ (см).
 ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН ДРУЖИНЫ – отпелый дружинник.
 ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ – промах.
 ПРОТОКОЛ – произведение искусства, чаще не признанное.
 ПТИЧИЙ БЫНОК – место, куда в выходные дни устремляются тысячи москвичей, чтобы пообщаться с природой по сходной цене.
 РАЗВЕДКА – 1) оперативная – оперативный выезд для девушекек;
 2) фаунистическая – выезд сектора "фауна" в места, обследованные сектором "Заказники" с целью узнать, как туда добраться.
 РАЗВИЛЬДИИ – тот, кто: 1) пьёт чай во время лекций, называя это работой в Дружине;
 2) проводит семинары сектора на дому;
 3) храпит во время работы.
 РАЦИЯ – техническое устройство, позволяющее членам группы беседовать между собой.
 РЕДУЦЕНТ – разлагает группу; подвергается редукции.
 САМОЛЕТ – изобретение С.Переладова и Д.Кавтарадзе, необходимое для выслеживания, преследования и добычи клиентов. В настоящее время заменяется катером (см. также Переладовщина, Сквородка).
 СИДОР ЕВСЕЕВИЧ – дух-покровитель "фауны". Лукав (не путать с Евсеичем – см.)
 СКВОРОДКА – необходимая часть экипировки инспектора, защищающая его при стрельбе по самолёту (см.) снизу.
 СТАРИКИ – бываюот разные: 1) работающие (Зубры);
 2) те, которых не хватает (Мамонты).
 СУРОВАЯ ОПЕРАТИВНАЯ РАБОТА – это пятерка парней, которые проходят за день 50 км, спят 3 часа, едят 1 раз в сутки и матерятся 2 раза в сутки (от сна до еды и от еды до сна).

ТЕСТИРОВАНИЕ – утончённый допрос.
ТИХИИ УЖАС – см. Юбилей.
ТРАМ-ТАРАМ – междометие.
ТУРИЗМ – духовное общение с природой, переходящее в стихийное бедствие.
УИТИ В КУКУРУЗУ – скрыться от ответственности.
УЧЕНИЯ – разыгрывание ситуаций, в реальной жизни не встречающихся, а потому познавательных и интересных.
"ФАУНА" – люди, утверждающие, что под Москвой водятся животные, которых никто, кроме них тут давно не видел. На основании этого они пудрят мозги МособлВООПу, который и оплачивает их счета за разбитые зеркала в провинциальных гостиницах. Отличительными чертами фаунистов являются: здоровый авантюризм; повышенная проходимость; некоторая экспрессия в манерах.
ФАУНИСТОЧКА – девушка из сектора "фауна", прекрасная и мужественная.
ФАУНИТЬ – гулять по лесу с биноклем.
ФЕНИ – те, которых слышно, но не видно, или видно, но чуть-чуть.
ХРОНОКАРТА – в зависимости от обстоятельств – алиби или улика.
ЦАРЬ ПРИРОДЫ – браконьер до встречи с инспектором.
ЧЕТВЕРКА (ист.) – 6 человек (Забелин, Зубакин, Кубанин, Салимов, Круглянская, Сухорукова).
ЧЛЕН ДРУЖИНЫ – тот, кто продолжает работать, несмотря на то, что его уже сделали кандидатом в члены Дружины (см.).
ЧЛЕНСКИЙ МИНИМУМ – то, что следовало бы знать членам Дружины (см.).
ЧОМБОВЦЫ – как говорит молва, это мы.
ШАНХАЙ – место подготовки к экзаменам определённой категории дружинников.
ШЕКАРНУТЬСЯ – резко увеличивать энтропию в окружающей среде.
ШТАБ – ...-5А...-1Д...П-56...П-42...-5А!- ?
ЭКОПОЛИС – непонятно, но красиво; по признанию Д.Кавтарадзе, вряд ли кто-нибудь знает, что это такое.
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС – полная и окончательная победа человека над природой.
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ – взгляд на мир из своей экологической ниши.
ЭКСПЕДИЦИЯ СЕКТОРА БСБ – поездка по Оке с рацией, психологами и журналистами.
ЭМАНСИПАЦИЯ – работа девушки общественным инспектором.
ЭРОЗИЯ – процесс превращения дикой природы (см.) в бетонированную площадку.
ЭХ... – эх, раньше были выезды!
ЮБИЛЕЙ – мероприятие по повышению общественного статуса Дружины; отвлекает от охраны природы большую часть дружинников.
Я – первая буква протокола.

Игра «Выезд»: предварительные пояснения

Эту игру в 2017 году нашла в архивах дружинника Андрея Кубанина его жена Валентина и принесла на вечер памяти Андрея, на котором собрались дружинные старики и те, кто помоложе. Игра понравилась (по крайней мере, дружинники в неё с воодушевлением сразились), и её было решено напечатать в нынешнем сборнике воспоминаний. Однако возникли два вопроса, на которые пока нет чёткого ответа: кто создатели игры и почему она оказалась у Кубанина?

На первый вопрос ответ вроде бы ясен. Текст Правил игры написан от руки моим (В. Зубакина) почерком, на игровом поле надписи сделаны тоже моим почерком, над датой 7.XI.1972 стоит мой «фирменный знак» тех лет — рисунок цветка венерина башмачка. Более того, я помню, что писал эти Правила игры и рисовал игровое поле. Но дело в том, что подобные дружинные творения: игры, Словарь дружинника, стенгазеты к юбилеям etc. — были почти всегда плодом коллективного творчества. Это не исключало, конечно, что канву и даже большую часть работы выполнял кто-то один, другие могли подключаться на заключительном этапе и вносить свои коррективы, часто весьма существенные и яркие. В 1969–1972 гг. довольно много подобных придумок мы реализовывали вместе с Андреем Кубаниным, Светом Забелиным, Жаном (Володей Барановым) и Рамизом Салимовым. Игру «Ну, погодите!» ко дню рождения (?) Николая Марфенина готовили коллективно — это я помню. Игру «Хозяйствовать по-новому, или экологические бирюльки» писал я один — тоже помню. А вот про «Выезд» — не помню, и всё тут... Ведь без малого полвека с тех пор прошло — 48 лет, если быть точным.

На второй вопрос ответ вроде бы тоже ясен. На обратной стороне крышки коробки от «Выезда» приклеена поздравительная открытка, стоят дата 7.XI.1972 и подписи дружинников. Из тех, что удалось расшифровать, есть подписи Натальи Анзигитовой, Павла Томковича, кого-то из Жуковых (то ли Андрея, то ли Виталия), Ивана Воробьёва (в то время был командиром Дружины), Ольги Стафеевой (группа защиты животных), Георгия Артоболевского (сектор БсБ), Галины Прудниковой (сектор ПАЛ — Пропаганда, Агитация, Лекции), Елены Крученковой (сектор туризма и заказников), Елены Надеждиной (сектор туризма и заказников), Василия Малыгина и моя подпись. Подписи Кубанина там нет. Выглядит всё так, как если бы игру «Выезд» Дружина подарила Андрею. Но вот почему? Это явно не подарок ко дню рождения (дата совсем другая). Не подарок и к празднику Великой Октябрьской социалистической революции — мы такие подарки не практиковали. Подарок в связи с «выходом на пенсию» (о чём вроде бы намекает подзаголовок «Настольная игра для инспекторов пенсионного возраста»)? Действительно, Кубанин весной 1972 г. закончил МГУ. Но, во-первых, активно работать в Дружине он не прекратил и прекращать не собирался (Андрей поступил в аспирантуру и остался на биофаке). И, во-вторых, вместе с ним весной 1972 г. закончили МГУ (и тоже поступили в аспирантуру и не собирались «завязывать» с Дружиной) Свет Забелин и ваш покорный слуга. И все трое весной 1972 г. были избраны Почётными членами Дружины. Логичнее было бы сделать подобный подарок от Дружины всем троим.

Дата «7 ноября» — если подарок был вручён именно в тот день — почти наверняка указывает на праздничный выезд Дружины. Действительно, биофак в праздники закрыт

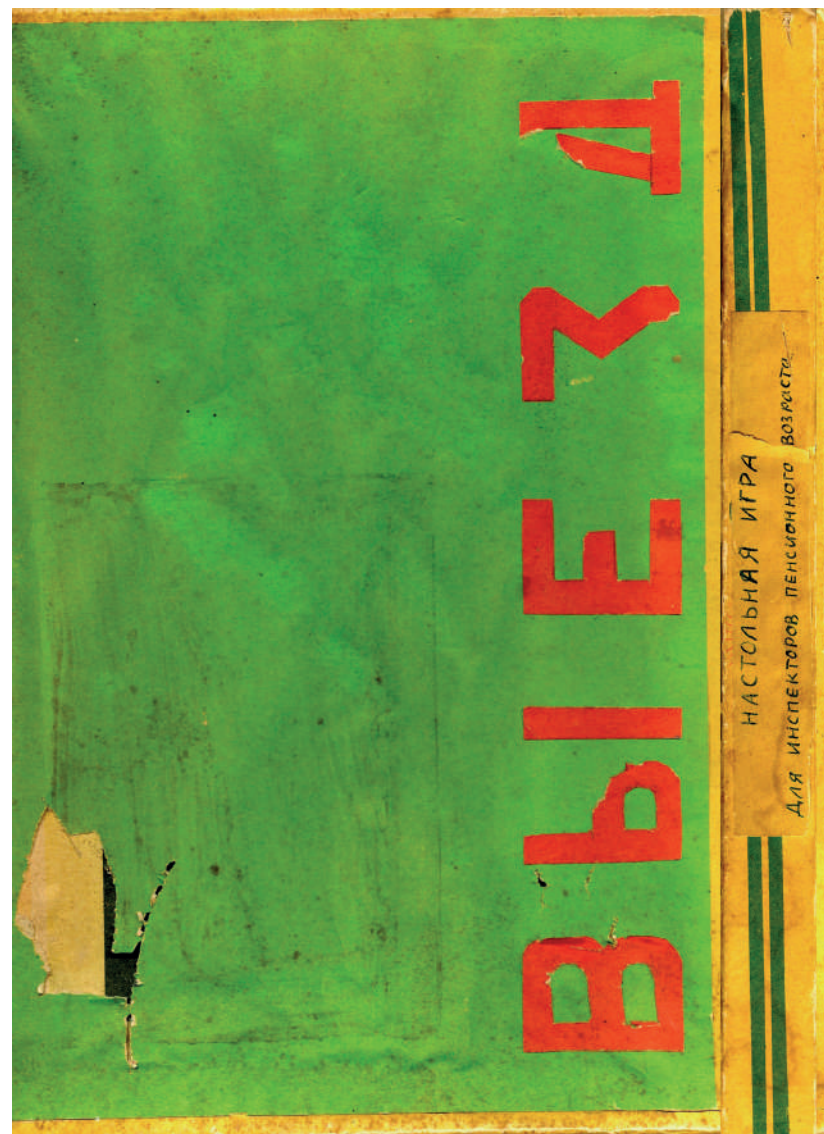

(7 и 8 ноября в те годы были праздничными днями), а собрать подписи 18 дружинников, кроме как на биофаке или на большом выезде, практически невозможно. Если же это был выезд (а выезды Дружины на 7–8 ноября на моей памяти бывали всегда), не исключено, что подарок мог быть связан с каким-то событием на том выезде. К сожалению, в моих бумагах никаких записей на сей счёт не осталось.

Возможна ещё одна версия: игра не была подарена Андрею, а появилась у него в силу непреодолимой тенденции любого документа, имеющего отношение к Дружине, в конце концов оказываться в его архиве (в Словаре дружинника это свойство документов названо «кубаниотропизмом» — термин довольно неуклюжий, но отражающий существо дела). Однако тогда встаёт вопрос, кому же игра всё-таки предназначалась? Возможно, кто-нибудь из стариков поколения 1960-х — 1970-х гг. сможет прояснить эту запутанную и почти детективную историю.

*Виктор Зубакин
22 октября 2020 г.*

Игра «Выезд»

- №24. Егерь, который ходит с Вами, знает кратчайшую дорогу через болото (на №31).
- №34. Вы замечаете, что потеряли егеря. Выясняется, что в последний раз его видели около деревни Чертовы Кулижки, где живет его кули-самогонщик. Приходится вернуться (на №23).
- №37. Неожиданно наткнулись на драконьера, подманяющего рябчика. Составили протокол и с новыми силами пошли дальше (пропускаете лишний ход).
- №40. Ушли с Вами в сторону выстрела и пошли туда (по круткам 40^а 40^б-41).
- №40². Окружили драконьера, который оказал вооруженное сопротивление. Скрутили его и повели в милицию в село Бадахино (на №39).
- №45. Переправа через реку. Не у всех есть боковые санки, потому переправа отнимает много времени (пропускаете ход).
- №52. Увидели на берегу озера охотника, решили, что драконьер и попытались за ним (на №3). Оказалось - гостевой охотник.
- №53. Вся деревня Колотилово вышла встречать вашу группу с "колом и дубом". Вы отступаете на заранее подготовленные позиции (на №46).
- №54. Вам необходимо пересечь раскисшую от дождя пашню (следующие четыре хода делайте по кратчайшим круткам между №54 и 55, передвигая фишку за раз только на один интервал между крутками). Не унывайте. Вспомните бессмертную фразу Жана, сказанную в подобном случае: "Представьте, если бы вам пришлось здесь ехать на велосипеде..."
- №59. Вы замечаете на опушке леса Тигулина, который потерял несколько шагов назад и которого вы уже отгнались отсюда. Бурная встреча (на №66).
- №60. В дальнем конце просеки появилась группа людей с ружьями. Вы драгаетесь туда и сталкиваетесь с другой группой инспекторов (на №40^а).
- №62. Пришли с обедом (пропускаете ход).

- №72. Потерялся Тигулин. Приходится возвращаться (на №57) и искать его.
- №74. Заметили драконьера, бегущего из рощи к с. Винорадово. Бросились в погоню и догнали (на №78).
- №75. Наткнулись на местного охотинспектора. Поскольку вы задели пугавку у егеря, который давно потерялся, вас вместе с группой потащили в милицию (на №67).
- №77. Раздумья старшего группы: идти ли на базу или продолжать работу? (пропускаете ход).
- №80. Итак, вы победили! Вы совершили меньше всех ошибок, поймали больше всех драконьеров и раньше всех вернулись на базу. Правда, длившийся поезд в Москву будет только через 4 часа, а машинист у вас, соответственно, нет. Но к данной игре это уже не имеет отношения.

Дружинные ордена и медали
(рисунки Е.Д. Красновой, 1982 г)

Помнишь, как это было?

(сборник воспоминаний дружинников ДОП МГУ)

Том 2

Составитель А. В. Иванов

Оформление, компьютерная верстка
Крушина С. В.

Корректор
Савченко Т. Ю.

Подписано в печать XX.XX.2020 г.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 22.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 300 шт. Заказ №49

ООО «Аквариус»

300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

+7 (4872) 49-76-96,

grif-tula@mail.ru,

aquarius-press@mail.ru

www.grif-tula.ru